

Николай Хрипков

Темный час рассвета

18+

Николай Иванович Хрипков

Темный час рассвета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70456828

SelfPub; 2024

Аннотация

Главный герой Роман, закончивший университет с красным дипломом, но не нашедший себе места в жизни, во всем разочаровавшийся, получив довольно приличное наследство после смерти бабушки вместе с ее квартирой, живет анахоретом, ни с кем не общается и в основном пьет горькую.

Содержание

Незванный гость	5
Выхожу на тропу войны	21
Загадка становится загадочней	46
О небедной бабушке замолвить слово	134
Любовь нечаянно уйдет	157
Как становятся бомжами	165
Из князи в грязи	176
Человек ко всему привыкает	187
На меня нисходит озарение	190

Николай Хрипков
Темный час рассвета

Незванный гость

Я пьяница. Когда я не пью (что, впрочем, случается очень редко) я мрачен и нелюдим. Но не об этом... Я ни в коем случае не советую этого читать. Это будет не только даром потерянное время (Господи! Мы только и занимается, что теряем его), это будет очень вредное для вас чтение. Потому что, прочитав всё это, вы возненавидите жизнь, себя, ну, и, разумеется, автора. Очень бездарного! (Шучу! Сразу предупреждаю, что я закоренелый шутник, в чем вы убедитесь, если не последуете моему совету).

Но вы всё-таки не послушались моего мудрого совета (а других я не даю), удобно устроились на диванчике или не знаю, на чем там еще, раскрыли книжечку и... Ну, что же! Я предупреждал, хотя прекрасно знаю, в том числе и на собственном примере, что все предупреждения – это напрасная трата сил. Я бы никогда не стал читать ЭТОГО. Правда, между мною и вами существенная разница. Я-то знаю, о чем пойдет речь дальше, а вы ни сном, ни духом. И думаете, а вдруг это всё-таки шедевр. Все кругом о нем будут говорить, а вы глупо хлопать глазами? И чувствовать себя полной свиньей. Или маленьким глупым поросенком.

Однако, что это меня занесло? Надо уметь останавливаться. По крайней мере, стараться.

Где вы слышали, чтобы говорили о литературном шедевре

ре. Говорят о футболе, о бане, очень много о политике и Анастасии Волочковой. А о шедеврах? Поэтому даже этот убедительнейший аргумент, в пользу того, чтобы открыть книжицу, бездарно отпадает. А других аргументов у меня нет. Да и зачем они нужны?

Но хватит уже уговаривать да отговаривать. Тем более, что это я как раз не умею делать. Вот такой я приятный во всех отношениях тип.

Пора-пора за дело! А дело, точнее тело, лежало на кухне. Но по порядку. Проснулся я, как обычно, не так чтобы поздно, но и не рано. Просыпаюсь я вообще-то рано и сразу задумываюсь о том, что было со мной вчерашним вечером. Так я могу пролежать довольно долго, всё зависит от того, сколько я принял накануне. Я не тороплюсь просыпаться. А зачем? Долго лежу с закрытыми глазами. Вначале ни о чем не думаю. Просто лежу, рассматриваю потолок, стены, каждый раз находя что-нибудь новое.

Вспоминаю вчерашний день, если, конечно, что-то могу вспомнить. Обычно самый конец дня напрочь забывается. За редким исключением. Когда горячего не хватает.

Но наступает момент, когда глаза открываются сами собой. Я рассматриваю потолок, стены, мебель (а она у меня есть. И даже большой плазменный телевизор) и чувствую, что мне очень плохо. Иногда бывает совсем уже не плохо. Иногда не очень. Но чтобы совсем не было плохо, такого не бывает. И я уже не могу представить, чтобы, проснувшись, я

почувствовал себя хорошо. А поэтому, хотя мне было привычно плохо, но это было вполне нормально. Я даже не особенно огорчился.

Я выполз на кухню. Вообще-то я вышел, но лучше бы вылез, потому что опора на четыре конечности всегда надежнее, чем на двух. Уже в коридоре меня повело резко влево, и я был вынужден выбросить руку, широко расставив пальцы. Хорошо, что я попал в стену, а не в трельяж. Хрупкость трельяжа могла бы привести к непредсказуемым последствиям. Нет! Точнее, к предсказуемым. Это был бы маленький, но всё-таки погром. А я всё-таки люблю порядок в доме, хотя мой образ жизни не позволяет мне поддерживать его в не оскорбляющем человеческое достоинство состоянии. Кстати, с этим очень нравящимся мне оборотом нашего великого канцелярского языка я познакомился при известных обстоятельствах. При известных для меня. Но я спешу и вас познакомить с этими обстоятельствами. Это будет очень интересно для тех, кто не имел такого жизненного опыта. Учиться всегда пригодится.

А дело в том, что, работая плотником второго разряда на стройке, я вдрызг напился самогонки со своими коллегами. Это было и неудивительно, поскольку из закуски на столе было лишь одно сало, которое мой организм совершенно не приемлет. Мы загнали частнику дверной косяк с прилегающей ему дверью. Деньги нам были не нужны, мы предпочитали бартер. Не помню, как я оказался в вытрезвителе. По-

следним моим воспоминанием была смутная картинка, когда я пытался залезть в городской автобус. А меня не пускали. А может быть, и пускали. А может, никакого автобуса и не было.

Возможно, я когда-нибудь расскажу об этом удивительном неведомо кому угодном заведении, ибо те, кто никогда не побывал там, будут, уверяю вас, потрясены. По крайней мере, я испытал потрясение. Но сейчас не об этом. Всякие отступления от главной темы, конечно, допустимы, но не всегда желательны. Они уводят с главной тропы, по которой я и собираюсь повести неугомонного читателя, решившегося взять эту книжонку.

Итак, оттолкнувшись от стены, я сделал еще несколько шагов. Боднул довольно чувствительно дверной косяк и очутился на кухне, где лишь несколько шагов отделяли меня от холодильника, в котором, несомненно, со вчерашнего вечера должно было оставаться спиртное, так как я всегда брал с запасом, который переходил на похмельное утро. Надо сказать, хорошая привычка. Но тут на моем пути к заветной цели возникло неожиданное препятствие. Настолько неожиданное, что заставило застыть меня соляным столбом. Между дверным косяком и холодильником лежал некто мужского пола. Лежал он на животе, широко раскинув ноги. Обут был в белые кроссовки. С такими широкими полосами на подошве. Полосы были зеленые.

Меня это удивило, поскольку собутыльников я не заво-

жу, предпочитая напиваться в гордом одиночестве, которое мне гораздо приятнее, чем пьяная болтовня непредсказуемых уродов. Это для кого-то одиночество, а для меня это никакое не одиночество. Разве может быть одиноким широко мыслящий человек? Поэтому у меня постоянно идет самый оживленный диалог, даже полилог, как у незабвенного Федора Михайловича. Я веду оживленные беседы с самыми разными лицами. Они убеждают в чем-то меня, а я их. Конечно, всё это разговоры с самим собой, но в самых разных ипостасях: философом, политиком, президентом, бомжом, девицей легкого поведения... И других, тем более реальных собеседников, мне не надо. Они мне просто неинтересны. У меня уже был печальный опыт в прежней жизни, и я сделал надлежащие выводы. Чем сильнее я напивался, тем глупее и скучнее мне казались мои собеседники-собутыльники, и я думал только о том, чтобы поскорее избавиться от них. Я смертельно уставал от общения с ними и, в конце концов, пришел к твердому решению не заводить себе партнеров по застолью. Тем более, это не всегда безопасно. Интереснее самого себя для меня никого не существует. Я вещь в себе. А это, согласитесь, немало стоит. Кант же прожил без собеседников! Потому что самым лучшим собеседником для него был он сам. Собеседники же – это внешние раздражители, которые ничего не могут вызвать кроме желания поскорее избавиться от них.

Так неужели я вчера изменил своему твердому принципу

и впустил вот ЭТО в свой замок из слоновьей кости? На меня это никак не было похоже. Уж себя-то я знал. А значит, что собутыльник появился у меня тогда, когда я был в полном беспамятстве. Но почему-то до этого я не делал ничего подобного и в беспамятстве. Тем более что по подворотням я не пил. Выходит, что он никак не мог явиться ко мне по моему приглашению.

Что же это получается? Я потер лоб, как будто это могло вернуть в мою голову хоть какие-то мысли. Он пил здесь один? Или у него хватило сил дойти до середины кухни и свалиться в беспамятстве, тем самым заставив меня ломать похмельную голову? Но это уже предел хамства! За это в приличном обществе бьют морду вообще-то. Я шагнул вперед, чтобы разглядеть лежавшего мужчину. Может, это мой хороший знакомый? Кто же это был такой? Я наклонился. Повторяю, что мужчина лежал на животе. Голова его была повернута вправо. Руки вытянуты вдоль туловища, как будто он лежал по стойке «смирно».

Я наклонился. Лицо brutального мужика с резкими чертами. Такие идут или в бандиты, или в боксеры. Мне он был совершенно незнаком. Да я бы ни при какой погоде не захотел бы иметь в собутыльниках человека с таким лицом. Тут меня поразила какая-то странная синева его губ, как будто они были покрашены синей губной помадой. Мой взгляд переместился с его лица на тело. Нет! Этого не могло быть! В спине незнакомца торчала рукоятка ножа. Это была стальная

рукоятка моего большого кухонного ножа, которым я обычно режу закуску. Еще вчера я пользовался этим ножом.

Но если бы даже весь пол на моей кухне был завален мертвяками, это всё равно не остановило бы моего движения к заветной цели. Да хоть весь мир будет рушиться в тартарары! Я выпрямился и шагнул к холодильнику. Там то, что нужно моей страждущей душе. Вот она заветная бутылочка, уже начатая, но это не беда. К утру не начатой бутылки у меня не остается. Почему-то горлышко было отколото и довольно ровно. Может быть, у меня уже не доставало сил скрутить пробку, и я просто ножом отколол верхушку горлышка, и это получилось у меня довольно красиво? До этого я никогда так не поступал. Но всё ведь делаешь когда-то впервые. И с первого раза у меня получилось так артистически красиво. Я некоторое время любовался идеально ровным сколом.

Начать я решил не с этого, а с бутылки «Клинского». Перелив в себя содержимое, я почувствовал почти что блаженство, по крайней мере, временное. Несколько глотков кислого сухого вина, а теперь уже стопочку по самые края. Рука не трясется. Всё перелилось по назначению. Я возвращен к жизни. Теперь можно заняться объектом, который нахально развалился на полу моей кухни, да еще с моим ножом в груди. Представляете, какая бесцеремонность! Я бы себе никогда такого не позволил, даже если бы меня долго и настойчиво упрашивали. Просто свинство какое-то! Я, стараясь не глядеть на труп, обошел его сторонкой, в зале лег на диван и

принялся за работу, то есть стал обдумывать ситуацию, совершенно неожиданную и непонятную. Голова после визита к холодильнику вполне могла выполнять свое предназначение, чем было бы грех не воспользоваться. Что мы имеем? Труп на кухне с моим ножом в груди. Мужчина мне совершенно незнаком. Конечно, он мог оказаться вчерашним случайным знакомым. Как он оказался у меня? Исключается, что мы пришли с ним вдвоем ко мне. Визит в магазин, как и обычно, я нанес при полной памяти. Оскорблять человеческое достоинство других людей своим видом всё-таки не в моих правилах, хотя иногда это случалось. Но это было давно. Поэтому в магазин я отправлялся, пока стойко стоял на ногах.

Он тут появился, когда я был в очень крепком состоянии, а скорее всего, когда я уже спал. Всё-таки даже в состоянии сильного подпития у меня должны были остаться хоть какие-то смутные воспоминания. И тут меня как дубиной по башке! Я сорвался с диванчика и почти бегом ринулся в прихожую. Толкнул дверь, она открылась наружу. Так и есть! Дверь была открыта. На меня это совершенно непохоже. Быстро закрыл ее. Двери я всегда закрываю. Что же получается? Почему дверь была открыта? Этот мужик или кто-то другой, кто приходил вместе с ним, открыли дверь. И вошли. Почему-то именно ко мне. Почему они выбрали меня? Потому что я живу один?

Так? Выходит, что так. А дальше что? На кухне был отно-

сительный порядок, никаких следов коллективной пьянки, а тем более борьбы. Спиртное мое не было выпито. Опять подскочил. Тщательно обследовал спальню, зал, кабинет, даже заглянул в туалет и в ванну. Ничего не пропало. Хотя особо ценных вещей у меня в квартире не было. Грабеж отпадает. Да и кто пойдет грабить одинокого молодого человека? Может быть, мужика уже мертвого занесли ко мне на кухню и воткнули в него мой кухонный нож? Но нет! Тут давно бы уже была полиция, и я уже что-нибудь бессвязно мычал перед ироничным следователем, который не верил бы ни одному моему слову. А может быть, всё-таки я убил? Да скажи любому, кто хоть мало-мальски знает меня, и он будет долго смеяться и крутить пальцем у виска. Даже прихлопывая комара на щеке, я всегда давал себе ясный отчет, что совершаю убийство. Ну, а если я был в невменяемом состоянии? И что вот этот амбал позволил бы всадить в себя нож по самую рукоятку какому-то хлюпику? Достаточно только сравнить его габариты и мои! А где лужа крови? Следы борьбы? А может быть, у убитого был напарник, который и замочил его или притащил сюда уже готовенького? И всё же, где кровь? Где кровь? Или это бескровный манекен? Или кровь вытекла из него где-то в другом месте, а сюда он был доставлен уже полностью обескровленным? Какой-то бред! Мой разум отказывался понимать произошедшее. Я начинал снова и снова, но получался всё тот же самый бред. Бессмысленное занятие!

Но ладно! Сейчас не это главное. А главное, как избавиться-

ся от трупа? Позвонить в полицию? Но там даже не будут разбираться, что произошло. Вот труп, вот хозяин квартиры, вот нож хозяина квартиры... А париться на тюремных нарах непонятно из-за чего никак не входило в мои планы. Да и не создан я для этого специфического образа жизни. У меня же нежная натура. И вряд ли мне придется по вкусу суровый нрав этого заведения.

Машины у меня нет. Можно разделать труп в ванной и за две-три ходки вынести его по кускам на мусорку. Для этого мне понадобится инструмент. Его можно купить. Что там? Ножовку, топор... Зубило, наверно. Посоветоваться бы со специалистом!

Но как только я представил, что мне придется пилить и рубить человеческое тело, пусть и мертвое, на куски, тут же пошли спазмы и я бросился в туалет. Хорошо, что успел. Донес до места. После чего решительно отказался от этой затеи из-за невозможности ее исполнения.

Кажется, разобраться в этом совершенно невозможно. Одно, что остается мне сделать, это избавиться от трупа, если, конечно, до этой поры меня не повяжут. Хотя, если не повязали до сих пор, значит, это не входило в планы того, кто всё это организовал, будь он реальный человек или нечистая сила. И неизвестно еще, что лучше. В этот момент я себя остановил. Снова, как молния, мелькнула догадка, которая всё расставляла по местам, делала понятным и логичным. Загадка легко разрешалась. Если у меня белая горячка? От-

куда мне знать, какие формы может принимать «белочка»? Кто-то ловит зеленых чертиков, кто-то залазит на шифоньер, спасаясь от наползающих на него тарантулов, а у меня она могла принять вот такую цивилизованную форму. Почему бы нет? Психика человека – это Терра инкогнито, где работы еще на многие поколения психиатров. Эта мерзкая туша на кухне – не что иное, как мои галлюцинации, мираж, продукт помутившегося сознания и не более того. Что тогда? Вообще-то в таких случаях, кажется, направляют в психушку. Я представил себя лежащим в палате номер шесть, сумасшедших, которые бродят вокруг меня. Каталажка или психушка – какое удовольствие лучше? Если психушка, то половина парящихся на нарах симулировали бы разные психические заболевания. Но они этого не делают. Значит, хрен редьки не слаще. Если я заболел, то в психушку обращаться не стану.

Что же теперь? Оставалось подождать. Если это реальность, то до ночи не следует делать телодвижений. Не потащусь же я с трупом среди белого дня? Да любой пацан догадается, что у меня в мешке. А тем более, что все у нас считают себя детективами. Телевидение окончательно испортило человеческую природу, породило у них нездоровые интересы.

Нет! День явно отпадает. Нужно дожидаться ночи, когда пенсионеры удалятся со скамеек на заслуженный покой, пацаны покинут двор и дворники уберутся в свои конурки. Случайные прохожие не в счет. В эту пору они думают об

одном: поскорее добраться до дома.

Попытаться заснуть и никаких целительных капель. Глядишь к ночи, алкогольные пары выветрятся из моей измученной души и тогда уже точно не будет никаких галлюцинаций. Я закрыл глаза и ни о чем не думал. Всё бессмысленно, никакой элементарной логики. Утро вечера мудренее. Точнее, наоборот. К вечеру, надеюсь, я обрету нужную мудрость. И у меня созреет разумный план действий. А пока спать и более ничего.

Я закрыл глаза и упорно отгонял всякую мысль, едва она начинала маячить на горизонте. Кыш! От тебя не будет никакой пользы, лишь один вред для моей подорванной психики! Удивительно! Провалился в глубокий сон, а когда я очнулся и открыл глаза, то в комнате было уже темно. Сколько уже времени? Судя по всему, поздний вечер. Надо же проспять весь день! Может, моей нервной системе нужны встряски?

Я рассматривал расплывчатые темные силуэты мебели в зале, где я лежал. Конечно, всё случившееся со мной утром, было чистейшей воды галлюцинацией, миражом. Ну, схватил на какое-то время «белочку». С кем ни случается! Я усмехнулся. И уже представил, как я выхожу на кухню, где нет никакого трупа, и прохожу к заветному холодильнику, где истомилась, ожидая меня, заветная бутылочка. И вылью в себя остатки спиртного. Фу! Кошмарики закончились! Я еще полежал какое-то время, убеждая себя в том, что всё будет именно так, как я представил. Поэтому, бодро подско-

чив, я решительно направился на кухню. Я вполне заслужил награды за те мучительные труды, которые выпали на мою истерзанную душу. Не дойдя пары шагов до кухни, я остановился, крепко зажмурил глаза и сотворил собственную молитву: «Дай Бог, чтобы всё это оказалось только утренним кошмаром! Это галлюцинации и не более того!» Потом перекрестился, хотя никогда этого ранее не делал.

Труп лежал на месте в том же самом положении, с тем же моим кухонным ножом, которым он или кто-то другой воспользовался без моего разрешения. Хотя вряд ли получил бы такое разрешение от меня, если бы даже и обратился с ним. Какие глупости лезут в голову!

– Разрешите взять ваш ножичек зарезать вот этого несимпатичного бугая? Он достал уже! Я не могу его больше терпеть! И вы бы не смогли и вытерпеть и единой минуты.

– Пожалуйста! Пожалуйста! Да сколько угодно! Всегда к вашим услугам, милостивый сударь! А ножичек-с какой пожелаете-с! Покрупней да поострей? Али как?

И всё-таки какая прелесть! Какое яркое событие в моих серых буднях, похожих друг на друга как сиамские близнецы! Значит, никаких галлюцинаций у меня не было. Я чувствовал себя совершенно трезвым и что меня чрезвычайно поразило – это отсутствие малейшего желания заглянуть в заветное лоно холодильника. Ну, что же! Будем действовать! Сам же по себе труп не мог встать и удалиться. Значит, я должен ему помочь.

Я оделся. Оглядел в зеркало свою небритую рожу. После чего покинул квартиру, закрыв дверь, проверил, закрыл ли. Живу я невысоко. Всего лишь на третьем этаже. Трупак мне придется тащить вниз. Даже для моего ослабленного винными парами организма сделать это будет несложно. Это почти то же самое, что катиться на санках вниз с горки ледяной. «Вот моя деревня! Вот мой дом родной! Вот качусь я в санках с горки ледяной!» Сколько миллионов детей и взрослых уже не первый век повторяют эти незамысловатые стишки! И даже в этот момент они пришли мне на ум, а не «Фауст». Вот что значит гений! Настоящий народный талант! Правильно делают, что заставляют детишек заучивать эти стишки наизусть.

На втором этаже снова не было лампочки. Обычно мне это не нравилось. Но сейчас я был обрадован. Всё-таки иногда хулиганы совершают добрые поступки, даже не подозревая об этом. Вышел из подъезда. Ни одной живой души. Я поднял голову. В нескольких окнах был свет. В остальных темно. Время-то позднее. Вставать на работу рано, заводить авто или бежать на автобусную остановку, ребятишкам отправляться в школу или детский садик. Прошел на мусорную площадку. Заглянул в железные ящики. Третий ящик оказался полупустым. Вот сюда я и отправлю таинственного незнакомца. Перешел на соседнюю улицу. Навстречу мне попало только двое мужчин и одна молодая женщина. Они торопились домой, а поэтому не обратили на меня никакого

внимания. В магазине «999 мелочей» ни души, кроме двух ярко покрашенных и далеко не первой свежести продавщиц. Поздоровался. И улыбнулся. Мне кажется, что у меня симпатичная улыбка, такая застенчивая.

Они исподлобья взглянули на меня и продолжили разговор. Так бы они поглядели на муху, случайно залетевшую в их храм торговли. Я взял бутылку вина, три бутылки пива, коробку плавленого сыра и батон. Продавщица выдала мне сдачу, и я сделал вид, что собираюсь уходить. Сделав несколько шагов от кассы, хлопнул себя по бедру. Они снова поглядели на меня. Я улыбнулся. Я был уверен, что у меня тогда была очень располагающая улыбка.

Вернулся к кассе. Порылся в куртке кармана. Потом похлопал себя по карманам джинсов.

– Знаете, милые барышни, мама просила такой мешок взять... Я уже на выходе вспомнил.

– Какой еще мешок? Для чего? Мешки-то бывают разные. Для картошки, для мусора...

– Под мусор. Желательно, чтобы побольше был и крепкий. Там ей что-то тяжелое надо привезти. С дачи. Вечно она вот так: то на дачу что-нибудь везет, то с дачи привозит.

Крикнули Валеру. Спросили про мешок. Он молча кивнул и ушел. Вскоре вернулся с черным пластиковым мешком. Как раз то, что нужно мне. Я рассчитался. Бросил мешок в пакет.

Пришел домой. Открывая дверь, надеялся, что это бред,

галлюцинация. Зайду, а никакого трупа на кухне нет. Труп лежал на месте. Бррр! Навязался ты на мою голову! Сволочь! Даже позу не удосужился переменить. Ну, и гад! Никакой деликатности!

Обмотал полотенцем руку, вытащил нож и спрятал его под холодильник. Ну, что, дружок, не кажется ли тебе, что ты загостился? Пора и честь знать! Я тебя сюда не приглашал. Молчишь? Это даже хорошо, что ты такой молчаливый. Болтунов я не люблю.

Попробовал разорвать мешок. Или мешок был слишком крепким или я сильно ослаб по понятной причине. Стал проталкивать мешок под трупом, при этом не испытывал никакой брезгливости, как будто дело имел с манекеном. Странно, почему от него не исходило трупного запаха? Одной рукой я приподнимал труп, а другой проталкивал мешок. Всё! Я завязал мешок и подтащил его к двери. Перевел дыхание. Черный плотный полиэтилен скрывал от глаз непрошенного знакомого, но подошвы кроссовок всё же выглядывали.

Попробовал поднять мешок. И так, и этак. Ничего не получалось. Амбал был еще тот. Тогда я ухватил мешок с той стороны, где были ноги. И легко поднял их на плечи. Опустил мешок на пол. Вышел. Закрыл дверь на ключ. И прошел прежним маршрутом до мусорки. Не торопясь. Двор был пустынен. Место помойки освещалось фонарем.

Выхожу на тропу войны

Ни души. Вернулся в квартиру. Взвалил мешок. Таких тяжестей мне не приходилось таскать с далеких студенческих лет, когда мы брались за любую работу. Разгрузка вагонов, хотя и была самой тяжелой, но и самым заработным калымом. За ночь, если без дураков и перекуров, можно было заработать месячную стипендию. Правда, потом суток трое все кости ломило. И ноги были как ватные. И первый день после разгрузки передвигаешься как робот.

Я поволок его вниз. И опять мне никто не попался. Всё-таки я везунчик. Тут уж на судьбу нечего роптать. Другого давным-давно бы уже повязали. Или пока он тащил трупак на помойку ему навстречу попалось бы не менее половины жителей подъезда и каждый бы поинтересовался, что же такого интересного я несу из своей квартиры, уж не труп ли убитого мной человека. Я затолкал свой груз в тот самый полупустой ящик. Сверху забросал пакетами и коробками. Вот и всё! Я вернулся домой. Как хорошо, когда ты один, когда тебе никто не мешает и у тебя никого нет, даже если это и безмолвный труп, который если чем и потревожит, так только запахом разложения. Нет! Мне достаточно мебели. И самого себя, конечно. Больше мне никого не надо.

Я забрался в ванну. И почувствовал полное блаженство. Оказывается, человеку так мало надо. Всего-то горячей во-

ды, чтобы он почувствовал себя счастливым человеком. Я рисовал себе следующий план: выхожу чистый и просвещенный из ванны, готовлю себе быстрый ночной закусон, а потом с водочкой и пивком. Ах! Какое блаженство! Что еще надо для полного счастья! Ничего! Заявляю вам вполне авторитетно!

Мне рисовался такой план ночного времяпрепровождения! Ну, просто конфетка! Идеальный план! Я обдумывал все детали, что доставляло мне почти райское наследие.

Идиот! Я подскочил! Какой же я идиот! Вытерся и бросился искать мобильник. Я уже забыл, когда звонил в последний раз. Конечно, батарея была разряжена. Подключил зарядку. Ладно! Время еще терпит. А я пока соберусь с мыслями. Через час я оделся, положил в карман перочинный ножик и стеклянный бокал в целлофановом пакете. Глянул на мобильник. Ну, что же! Зарядки вполне хватит. Опять вышел на улицу. Теперь в доме горело только два окна. Была уже глубокая ночь. Разгреб в ящики коробки. Труп мой лежал на месте. Что же ты такой неостребованный? Ухватив за грудки, я посадил его. Голова склонилась набок. Он сидел, упираясь спиной в стену ящика. Сначала несколько снимков лица. Потом я разрезал у него на груди одежду. Оба-на! А у нас явно богатое уголовное прошлое. Такие наколки вряд ли делают в тату-салонах. Они у него оттуда из-за колючей проволоки. Ну, что, говорят, что уголовные наколки очень много могут рассказать об их хозяине. Потом несколько снимков

целиком крупным планом. А теперь отпечатки пальчиков на бокальчик. Ну, кажется, и всё. Я вернулся и опять залез в ванну. Не приняв ни капли спиртного, что меня самого удивило, завалился и сразу заснул. Никаких кошмаров мне не снилось. Этой ночью я хорошо выспался. Интересно, храплю ли я по ночам?

Впервые за последние месяцы я проснулся трезвым. Но подниматься не стал, лежал и обдумывал свои действия. Прокрутив несколько раз план, я нашел его вполне разумным. Оставалось только выполнить его. Интересно, как это у меня получится?

Оказывается, что можно самим собой удивить себя. Вот какое открытие совершенно неожиданно сделал я. На скамейке сидели всё те же бабушки. Сколько я себя помню, они всегда здесь сидели в одной и той же позе и в одних и тех же нарядах. На этот раз я не буркнул дежурное «Здрась!», а широко улыбаясь, громко и внятно выговорил, шаркнув ножкой (всё моё существо выражало самую искреннюю радость):

– Доброе утро, милые дамы! Прекрасная погода, не правда ли? А прекрасная погода способствует прекрасному настроению. Хотя и говорится, что у природы нет плохой погоды.

Чем их привел в состояние комы. Я прошел мимо, даже не оглянувшись. Но наверняка знал, что их лица вытянулись, челюсти отвисли и они сидели, как каменные статуи, не производя никаких звуков и движений. Где ты великий Фидий?

Оправившись и вернувшись к жизни, они решили, что это был не я, а очень похожий на меня человек, то есть мой брат-близнец. Обо мне у них было железобетонное мнение, которое не могла поколебать даже взрывчатка. Такое объяснение их вполне устроило, после чего они вернулись к своему обычному занятию, то есть к промыванию косточек всех жильцов дома. Ну, не вести же им философские разговоры? Хотя старые люди склонны ко всякому роду странностей. И поверьте, что среди них немало доморощенных философов.

Всё-таки я жестокий человек! Разве можно проводить подобного рода эксперименты над почтенными матронами? А если у кого-нибудь из них оказалось бы слабое чувствительное сердце? Но меня можно извинить, поскольку с моей стороны это не было никаким экспериментом. Я был почти уверен, что это был не я, а какой-то пока еще мне мало знакомый человек, разительно похожий на меня. Но не я! Так что бабушки оказались решительно правы, когда подумали про брата-близнеца.

Какая разительная перемена может произойти с человеком, когда он целые сутки не берет в рот ни капли спиртного! Это уже совершенно другая личность! Это два разных человека!

И что еще больше удивляло меня: совершенно не хотелось принимать на грудь. Если бы мне еще вчера утром сказали, что я не буду хотеть этого, я бы рассмеялся и плюнул ему в бесстыжие глаза. Ну, на счет «плюнул», конечно, фигураль-

но, поскольку человек я деликатный и на такие акты вандализма совершенно неприспособленный. Скорее мне плюнут в глаза или еще там куда-нибудь попадут слюной, я вытрусь рукавом и пускай не скажу «спасибо», но даже не выскажу порицания. Если плюнули, значит, заслужил. А если не заслужил, так чего же обижаться и раздувать щеки? Вот какой я человек! Человек с такой малюсенькой буквы! И знаете, меня это нисколько не оскорбляет и не унижает. Великих людей считанные единицы. Какое же мы имеем право рваться в этот тесный небольшой кружок?

Мое воспитание и натура не позволяют мне сделать ничего подобного даже тогда, когда я бываю в невменяемом состоянии. Впрочем, в подобном состоянии я пребываю в полном одиночестве. Это что же получается? А получается, что я могу и не пить. Какое неожиданное открытие! Наверно, Ньютон так не удивлялся, когда открыл, как говорит легенда, совершенно случайно закон земного притяжения, как удивился я своему открытию. Как много нам открытий чудных готовит просвещенья век! А я-то уже был уверен, что всё знаю про себя и никаких новых открытий меня не ожидает.

Это открытие поколебало мои жизненные принципы. А они у меня имеются, зуб даю. Довольно принципиальные принципы, не шушера там всякая. Я всё-таки философическая натура, поскольку склонен к разного рода рассуждениям без всякого повода для них.

Сейчас впереди меня идет девушка. Юбочка по самое «не

балуи». Ножки – «я тебе дам!» И мой взгляд прикован к этим ножкам. А раньше его ничто бы не заставило быть прикованным к ножкам, потому что он целиком и полностью был погружен в созерцание и переживание похмельного синдрома. А сейчас, знаете, некие шаловливые мыслишки, ну, не столько даже мыслишки, а этакие шаловливые побуждения витали во мне. «А что если да вот так? А может и так и даже так!» Впрочем, это же вполне естественно для молодого человека и ничего тут пошлого и непристойного нет, согласитесь? Не всё же ему о мировых материях думать, особенно если впереди него в нескольких шагах на таких стройных ножках покачивается, играет, ну... Не буду, однако! Девушка свернула, мелькнув последний раз перед моим похотливым взором своими соблазнительными округлостями, а мне – увы мне и тоска неизбывная! – предстояло еще некоторое время идти прямо. Нет! Ты это брось, завязывай с тоской и всякого рода фривольными побуждениями, поелику перед тобой этим утром стоит серьезная и ответственная задача, как выражаются ответственные товарищи. А для решения практических задач я совершенно неприспособлен. По крайней мере, до сего момента я был убежден в этом.

– Шайбе наш пламенный пролетарский привет! – воскликнул я, зайдя в ресторацию. – А мы нисколько не меняемся! Вот что значит ресторанный бизнес! Лучшее омолаживающее средство!

– О! Рома! Сколько лет, сколько зим! Черт ты голову-

стый! – закричал он. – Позволь тебя позволить?

Сергея, раскинув руки, вышел из-за барной стойки, обнял меня и похлопал по спине. Я вяло улыбнулся. Сергей не был барменом, хотя те, кто впервые приходили сюда, принимали его за одного, увидев за стойкой. Он был хозяином этого – не знаю! – удобного или не богоугодного питейно-развлекательного учреждения, – которое стало настоящей Меккой для молодежи ближайших кварталов. Начинать он свой путь в акулы капитализма с бармена еще в безмятежные студенческие годы, о которых я порой вспоминаю, как об утерянном рае. Иногда он возвращался в свою бурную молодость и становился за стойку, жонглируя бутылками, разливая на лету в ряды стопок – потом можно было приложить линейку и убедиться, что во всех стопках ни капель больше, ни капель меньше, а всё одинаково, ровненько. Он был завсегдатаем конкурсов барменов. И неизменно занимал первые места, получая разные призы.

Он мог выпить бокал вина с локтя, подбросить его и поймать зубами, после чего перелить содержимое в себя. Когда он работал барменом, то на каком-то международном конкурсе занял даже первое место. Своими трюками он приводил в восторг публику. Кто-то даже кидал ему деньги. Но тот, кто думал, что перед ним всего лишь клоун-акробат, жестоко ошибался. Внешне простодушный и незлобивый, он ментально преображался в жестокого и даже жестокого волка, когда дело касалось бизнеса, выгоды. Я несколько не удив-

люсь, если через несколько лет он обзаведется сетью ресторанов или станет владельцем заводика. Ну, на худой конец, депутатом областной думы. Длинный худой парень с большими и тонкими, как бумага, ушами, которые становились нежно-красными, когда на них падал свет лампы или солнца, он мог мгновенным ударом ладони парализовать руку даже мускулистого амбала. Я это видел собственными глазами. Еще когда мы учились в школе.

– Чем будем злоупотреблять? – спросил он меня. – Чего покрепче? Или начнем по возрастающей?

– Водой со льдом. Пожалуйста! Аш два о – лучший питьевой напиток, особенно, если ты живешь в пустыне.

Шайба, эта кликуха пристала к нему еще с начальной школы, но не потому что он увлекался хоккеем, а из-за фамилии Шайбин, вытаращил на меня большие красивые глаза, окаймленные длинными и нежными, как у девушки, веками. Веки быстро поднимались и опускались. Наблюдать это было весьма забавно. Это зачаровывало.

– Я ослышался? Постой! Это ты Роман или кто-нибудь другой? Дай я протру глаза! Протер!

– У тебя найдется пять минут для меня? Пожалуйста! Очень важная тема. Без тебя никак.

У деловых людей самое дорогое – это время. И я знал, что, хотя Шайба сейчас со мной, но мысли его там-там, в деле. У него даже один глаз косил в сторону. И он видел всё, что творилось вокруг него.

– Обижает, дружище! Для тебя у меня найдется целая вечность. Располагай! Я твой целиком и полностью!

Мы сели за дальний столик. Посетителей еще не было. Время-то раннее. Шайба потягивал кофе, бросая на меня быстрые изучающие взгляды. Представляю, что ему обо мне наговорили и что он обо мне думает. Но одним из моих жизненных принципов было полное равнодушие к чужим мнениям относительно моей особы. Хотя всё правильно наговорили и всё правильно он обо мне думает. Если бы он только знал, какого мнения я сам о себя, то, наверно, расплакался бы на моем плече, стал меня гладить по головке и утешать, говоря, какой я хороший и что еще не все для меня потеряно, что я смогу еще возродиться, как птица Феникс из пепла, развернуть свои могучие крылья и отправиться в горний полет. Хотя на счет «горнего», наверно, я перегибаю палку. Я полная противоположность Шайбы, ни к чему неприспособленный. Шайба, с которым мы столько лет сидели за одной партой, то и дело тыкал меня носом в мои косяки, которые я делал на каждом шагу, возбужденно шепча:

– Рома! Такой шанс! Не упускай! Не будь дураком! Действуй! Чего ты замер как соляной столб!

Это о Наташке Рыбаковой, которая, к моему превеликому удивлению, втрескалась в меня по уши и не сводила с меня своего восторженного взгляда, что меня уже начинало раздражать. Но девчонкой она была симпатичной, хотя несколько полноватой.

– Ну, не нравится она мне нисколько! Понимаешь, Серега? Нисколько! Я так не могу!

– Причем тут нравится – не нравится. Главное, что ты ей нравишься. Это идиотом надо быть, чтобы не воспользоваться этим. Смотри, какая фигуристая и на мордашку ништяк! И спереди и сзади всё есть. Да она же тебе без бэ даст! Послушай профессионала!

Но я был дурак дураком и не собирался умнеть. А когда я отказался от предложения профессора Тимофеева специализироваться у него, с последующим переходом к нему на кафедру (а профессор был еще той величиной в научном мире), Серега пообещал мне набить морду и несколько дней уговаривал меня немедленно бежать к Тимофееву и благоклонно принять его предложение, раскаиваясь в своей дурачости. Ну, погорячился, сглупил, был в плохом расположении духа.

– Ой, дурак! – стонал он, как от зубной боли. – Остался бы в городке, работал у него в институте, занимался бы всякой фигней, он бы тебе квартиру выбил, почитывал бы лекции в универе, клеил бы симпатичных студенточек... У тебя есть башка или нет? Проснись, Рома! Что ты делаешь? Ты же себя гробишь собственными руками!

Я никого не слушал. Моя новая дипломная была подвергнута разгрому. И по распределению меня отправляли в сельскую школу, это с моим-то отличным дипломом, куда я чуть не рванул сдуру сеять разумное, доброе, вечное. Представ-

ляю, что бы я там насеял! Но в это лето умерла моя бабушка, которая не чаяла во мне души. И мои жизненные планы, хотя вряд ли таковые у меня были, резко поменялись. Но это уже другая история. И о ней как-нибудь в другой раз. Если, конечно, он, то есть другой раз, подвернется. Все мы ходим... ну, сами знаете, под чем.

– Серега! Ты с Пинкертоном контактишь? Видишь его? – спросил я, когда мы сели за столик.

Хотя можно было не спрашивать, поскольку Шайба контактил не только с одноклассниками, но, вполне может быть, и с сильными мира сего, как-то Дональд Трамп, Владимир Путин и прочая и прочая. Контакты он заводил очень легко. На всякий случай.

– Проблемы с законом? Я правильно понял? Ты говори прямо! Ты же знаешь, что я могила.

– У моего хорошего знакомого. Родственника. Скажем так, – отвечал я, отведя взгляд в сторону.

Он кивнул и убежал. Вскоре примчался назад и протянул мне визитку. Еще удивительно, что он нашел ее так быстро. Я уверен, что у него целая картотека этих визиток.

– Весьма благодарен, господин предприниматель! – радостно воскликнул я и быстро убрал визитку.

Потом поднялся и чинно раскланялся, изображая на своем лице лакейскую улыбку. «Чего желаете-с, господин ресторатор? Не угодно ли пылинку убрать с вашего плечика?»

– Что бы мы делали без вас, благодетели вы наши! Отцы

наши родные! – запел я осанну.

– Пользуйтесь! Тем более, что партайгеноссе Роман, я перед вами в неоплатном долгу. А я умею отдавать долги, – весело отвечал Шайба, поскольку веселость – это тоже черта его характера.

Он имел в виду школьные годы, когда я ему писал сочинения, решал задачи и заполнял контурные карты. Иначе Шайбе никогда бы не быть хорошистом. Так что действительно должок у него передо мной имелся.

Встреча с Пинкертоном

Толя Мухин, низенький крепыш, с непропорционально большой головой и стальными кулаками, под которые я бы никому не советовал подставляться, получил громкое прозвище Пинкертона еще со школьной скамьи. И надо сказать, вполне заслуженно. Уже в классе пятом или шестом он состоял в отряде что-то вроде юных помощников народных дружинников. Были такие товарищи, которые по разным соображениям в свободное от работы времени патрулировали улицы и парки города. Ничего, кроме детективов, а в те времена это в основном были зарубежные, он не читал. Шерлок Холмс для него был идеалом, о котором он мог захлеб говорить часами, и поклонялся он ему с таким рвением, которому могли бы позавидовать партийные идеологи, требовавшие от красногалстучной пионерии обожествления дедушки Ленина. Он читал все детективы, которые только мог до-

стать. Доставал одному ему ведомыми путями газеты и журналы, где печатались эти шедевры масскультуры.

Я до сих пор удивляюсь, почему он не обзавелся трубкой и не научился играть на скрипке. Еще и английский у него вызвал неприкрытое раздражение. Поступить на юридический после школы он, конечно, не мог, но попытку такую предпринял, притащив в приемную комиссию целый ворох почетных грамот и призов от районной милиции, питая надежду, что этого вполне достаточно для того, чтобы быть принятым. Этого оказалось недостаточно. Оказалось, что еще нужно было написать сочинение, сдать историю с обществоведением и еще какие-то предметы. Физкультура, к его сожалению, не входила в число приемных экзаменов, что совершенно подломило его поступательный порыв. Это единственный предмет, который он бы с удовольствием сдал на пятерку с огромным плюсом. Учителя-физкультурники души не чаяли в Пинкертоне. Пинкертон не огорчился, дождался осени и отправился на два года разношивать армейские кирзачи. Я уверен, что и в армии он был у офицеров на хорошем счету. Вернулся, обвешанный с ног до головы значками, наверно, по большей части, купленными им по дороге домой в привокзальных киосках. Кто-то из дембелей покупал пиво, а он скупал значки. Один я разглядел. Он был посвящен какому-то летию города Суздаля. Местные менты встретили его с распростертыми объятиями и накрытой полянкой, сразу приняв его в свои ряды. Потом была милицейская шко-

ла и юридический вуз, разумеется, заочный. Сейчас он, как было обозначено в визитке, был уже капитаном и работал в криминальной милиции. Или как она там называется. Это был как раз тот случай, когда человек и место созданы друг для друга. Вот, пожалуй, и всё, что я знал о Пинкертоне, поскольку после выпускного ни разу не встречался с ним. И может быть, за прошедшие годы служба, звание и трудная ментовская работа изменили Пинкертона и это уже не тот рубаха-парень, который был готов положить душу за други своя. В четвертом классе меня побил старшеклассник. Пинкертон, который был чуть ли не до пояса ему, так его излупсовал, что после этого верзила обегал меня за семь верст... Вдруг – а нюх на всякий криминал у Пинкертона был еще тот – начнет докапываться, что да как, и докопается. А мне это надо? Другого, однако, выхода у меня не было. И я решил пойти ва-банк. Если Пинкертон не поможет, то уже никто не поможет. Да и повидать хотелось ментовского волка, о котором уже складывали легенды.

Набрал номер Пинкертона. Долго слушал гудки. Понятное дело, вяжет какого-нибудь серийного маньяка. Вот сейчас застегнет на его запястьях наручники и возьмет трубку. Это у меня, тунеядца, всегда руки свободные. А у него в одной руке пистолет, а в другой наручники.

– Кто это? Отзовись! Блин, взяли моду имена писать не нашими буквами. Портишь тут зрение!

Голос был совершенно мне незнакомый и какой-то жут-

ко brutalный. Я пробормотал, называя себя и уже сожалея, что решился на эту затею. Признаюсь, мне стало страшновато. Даже на расстоянии Пинкертон внушал страх. Представляю, что чувствуют его подопечные.

– Рома! Блин! Вот это да! Сколько лет, сколько зим! – радостно бухало в трубке. Я отодвинул телефон от уха.

А вот это уже был Пинкертон. Неунывающий наш Толик! Зевс громоподобный! Марс – бог войны!

– Ну, где же ты пропал, дружище? Даже я, ищейка со стажем, не мог обнаружить тебя! Ушел в глубокое подполье? – Пинкертон чуть сбавил громкость, наверно, не хотел, чтобы всё управление слышало его разговор.

«Значит, так искал!» – подумал я. Почему-то эта мысль мне показалась неприятной. Да он мог бы найти иголку в сене, если бы захотел. Хотя и работу нельзя сбрасывать со счетов...

Какой удачный день! Кажется, сегодня я весь день проведу в учреждениях общепита. Пинкертон назначил мне встречу в кафе возле управления. Пришлось брать такси, чтобы не спрашивать шарахающихся прохожих, где эта улица, где этот дом. Времени еще было достаточно. Я зашел в кафе за полчаса до назначенного времени и по школьной привычке уселся в дальнем углу под натюрмортом, в котором самой красивой была узорная позолоченная рамка. Заказал чай с пирожным. Официант отнесся к моей просьбе понимающе. Поскольку была еще первая половина дня. И в это время де-

ловые люди на грудь еще не начинали принимать. Как и что будет – об этом не хотелось думать. Я пил чай и осматривал интерьер. Довольно симпатичный! Особенно для людей с непритязательным вкусом.

Тут хоть задумайся, а всё скорей всего получится так, как ты не предполагаешь. Так что нечего напрягать себя заранее. Вот и знаменитый сыщик. В кожаной куртке, сутулится, взгляд исподлобья, длинные руки с огромными кулаками, один взгляд на которые отбивал всякое желание вступить в конфликт с их обладателем. При его появлении сухощавый бармен как-то скукожился, согнулся и присел. Пинкертон увидел меня и приветливо помахал рукой. Медленно, но неотвратимо он приблизился к моему столику. Я приподнялся. Здесь это вопреки всякому желанию. Какая-то сила заставила меня подняться.

– Здорово, бродяга! Что-то ты, Ромчик, схуднул! Схуднул! Значит, рядом с тобой нет заботливой любящей женщины.

Он протянул свою лапу. Из-под края рукава выглядывала густая медвежья шерсть. Мне почему-то это было неприятно.

Зажал мою ладонь в железные тиски. Пусть «бродяга» на его совести. Большого домоседа еще поискать надо. Как-то я съездил на неделю к родственникам в Москву. Так вот всю неделю я просидел в квартире, не выйдя ни разу на улицу. А ведь я был впервые в столице нашей любимой родины. И

столько наслышан об ее прелестях.

– Что же ты такой худющий-то, Ромка! Мужуку диета противопоказана. Ему нужна масса. А для этого нужно много качественного белка, то есть мяса. Желательно вкусно приготовленного.

Он хлопнул меня по плечу. Я упал на стул. Не желал бы я оказаться у него на допросе в качестве обвиняемого. Он распространял вокруг себя флюиды страха. Он заказал двойную порцию жареного картофеля с тремя роскошными котлетами. Ел он быстро и с какой-то яростью. Не ел, а уничтожал пищу. Я смотрел на него как зачарованный.

Вот что значит быть деловым человеком, даже спокойно поесть некогда. Я в душе пожалел Пинкертона. Держу пари, что он позволяет себе расслабиться только в бане. Если, конечно, берет туда с собой не мобильник, а пиво и горячих девочек. Где-то читал, что густошерстные отменные альфа-самцы.

– Вот! Ты уж меня извини, Толик, подлеца! Через столько лет встретились, и то по делам. Стареем, видно, – пробормотал я с виноватым видом, чувствуя себя чуть ли не под следствием.

Я положил перед ним телефон и открыл фотки с моим покойником. Пинкертона наклонился. Подолгу рассматривал каждую фотографию с разных ракурсов, меняя масштаб.

– У! наколочки-то явно уголовные, – буркнул он. – Чел с богатым прошлым. Три судимости.

– А можно выяснить, что это за тип? По вашим базам? Кстати, могу передать и отпечаточки.

Он кивнул. Засунул между зубов зубочистку. И стал ей яростно шерудить между зубами.

– Это к тебе имеет какое-то отношение? – спросил он. И строго взглянул на меня как на нашкодившего ученичка.

– Скажем так: это касается очень хорошего человека. Близкого мне. Очень близкого.

– Ага! – кивнул он. – За близких людей надо радеть. Если не мы, то кто? Ванька Ветров?

Пинкертон вытер салфеткой толстые масляные губы. Салфетку бросил в пустую тарелку. Потом взял другую салфетку и стал вытирать ею руку, каждый палец, каждый ноготь.

– Мне это до фонаря. Лишней головной боли мне не надо. Своей хватает. Этой информации мне достаточно.

Он перекинул фотографии на свой мобильник. Просмотрел еще раз. Забрал бокал в целлофановом пакете.

– Я уже второй год начальствую отделом. Конечно, почет, карьера, то сё. Но если бы знал, что это такое, вряд ли согласился. Но я отступать не привык. И никогда не был слабаком, которого пугают трудности. Это, Рома, не похвальба. Я тебе историй могу тысячу рассказать. Запаришься слушать! И на фиг мне нужен твой трупак? Еще один нераскрытый висяк на шею? Очень даже смешно! Я всё узнаю. Мы же друзья! Но пойми! Я уже не Пинкертон. Я крыса канцелярская. Отчеты, отчеты и отчеты! И чем ты лучше умеешь делать писа-

нину, тем ты лучший работник. Вот тебе и Шерлок Холмс! Вот так мы боремся с бандитами! Они убивают и грабят, а мы их бумажками! А мы их бумажками! А у них, между прочим, и пули имеются. По количеству блюстителей закона на тысячу душ мы занимаем первое место в мире.

Пинкертон погрозил кулаком. И выругался. Интересно, к кому были обращены его проклятия?

– Но ты не думай, что всё так плохо. Иногда я отыгрываюсь! Ох, как я отыгрываюсь! Отвожу душеньку! Даже сам себе становлюсь страшен. А потом успокаиваюсь и говорю себе: «Толик! Так нельзя! Ты же зверь, а не человек! Конечно, он бандюган! Но ты же должен быть человеком!» Понимаешь, Рома! Я себя чувствую зверем, я теряю человеческий облик! Конечно, я спасаю человеческие жизни. Но, кажется, и себя теряю.

Он задвигал желваками, что означало сильное волнение. В такие моменты Пинкертон становился опасен.

– И много спас? Я имею в виду... Хотя это так. Это же твоя работа, Толик. И я знаю, что ты умеешь ее делать.

Я допил свою воду и отодвинул бокал. Посмотрел за окно. Ближе всего стоял черный джип.

– Не понял? О чем ты? Ох, Рома! Рома! Как был ты ни от мира сего, так и остался там.

Пинкертон поднял на меня свои маленькие глазки. Я в окно. На этот самый черный джип. Только хозяевам таких машин разрешают их ставить под самое окно ресторации.

– Ну, жиней-то ты много спас? Им грозила смертельная опасность. И вот появляешься ты...

Зачем я его об этом спрашиваю? Какие-то глупости, которые меня совершенно не интересуют.

– Выше крыши! Роман! Знаешь, если по закону, ничего не получится. Да что тебе объяснять, ты же умный. Знаешь, как я ревел, когда этих отморозков из зала суда на руках с цветами выносили. Знаешь, как я бесился! А потом сказал себе; «Толик! Стоп! Ты почему такой дурак?» Сейчас, знаешь, как меня вся эта шантрапа боится? От одного моего имени бледнеет. Просто нужно научиться эффективно работать, соблюдая рамки.

– А не боишься что убьют? По-моему, слишком ретивые следаки у блатных не в почете. Хотя и дураков они презирают и в открытую смеются над ними. Но, по крайней мере, не трогают их.

– Может быть и убьют! Но я до этого еще столько этих тварей замочу! Я волк! Я хищник! А еще я умный. Запарятся меня убивать! Вот им! Взорву их вместе с собой, чтобы мне не так было скучно на том свете.

Пинкертон постучал по столу. Посуда зазвенела. Я придержал бокал и отодвинул его от края.

– Выпил бы водки. Злость кипит. Но на службе! Извини, Рома! А ты выпей! Знаешь, наши детские представления и реальная взрослая жизнь – это так далеко расходится. Я-то представлял, как я гоняюсь с пистолетом за бандитами. А

на самом деле это такое говно. Сколько раз порывался бросить! Но я же ни к чему другому не приспособленный. Куда я пойду? Вот ты знаешь это наше знаменитое озеро-болото? Однажды утром мне докладывают, что к нашему берегу утопленника прибило. Я своим орлам приказываю, чтобы его оттортали за сто метров. Там уже не наша территория. Представляешь, какой фигней занимаемся? А нас за каждый висяк дрочат. План надо выполнять. А не исполнишь, премиальные накроются, очередные звания. Всем шеи намылят. Кому это надо? Никому не надо. Да если ты еще человек семейный.

Я кивнул. Болотом называли обширное мелководное пространство между двумя городскими районами. От него рыли дренажные ямы, но уровень болота оставался прежним. А зимой по нему ходили, сокращая путь. Даже ездили безбашенные автомобилисты.

– Ага! Значит, утром утопленника нашли опять на прежнем месте. Мужики опять его грузят, отвозят на территорию Ленинского района. Но тем-то тоже очередной висяк на фиг не нужен. Опять его к нам притартали. Утром звонок: у вас утопленник. Тот же самый утопленник лежит на том же самом месте, только что еще красивей и душистей стал. Опять его к ленинцам. И прикинь! Три дня взад-вперед таскали. Плюнул я на это дело. И приказал прикопать там на бережку. И чтобы никаких бумаг. Сверху узнали. Где утопленник? Дурака включил. Ничего не знаю. Растворился, сволочь.

Пинкертон позвонил вечером следующего дня. Хорошо, что я не успел вчера напиться. Как будто знал, что позвонит и выпил всего-навсего две бутылки пива. И бокал сухаря.

– Серьезный тип, пользующийся определенным авторитетом в уголовной среде. Погоняло Крюк. Судимостей, как блох на собаке. Точнее три. Я уже тебе говорил об этом. Ножевое ранение в области сердца. Только по фотографии трудно сказать, когда было нанесено. Но экспертизу, как я понимаю, мы делать не будем? Тебе это надо?

Теперь я был спокоен, как слон. Ну, уж уголовного авторитета, который был здоровее меня в два раза, да еще ножом в сердце, будь я хоть в каком состоянии аффекта, уж точно никогда бы не смог. Да он меня бы движением мизинца превратил в мокрое пятно. Но от этого загадка не переставала быть еще более загадочной. Ладно! Ясно, что кто-то другой. Но зачем этому кому-то другому понадобилось тащить трупак ко мне на кухню? Я-то тут с какого бока? Есть ли тут какая-то логика?

Жизнь становилась интересной. Ну, что же! Поломаем голову над этой загадкой! А может, снова обратиться к Пинкертону? Он же любит такие загадки. Помню, что еще в детстве, принявшись за очередной детектив, он уже выдвигал разные версии.

Хоть Пинкертон и мент, к которым я не питал особого доверия, но всё-таки свой мент. А податься мне больше некуда! Кроме, как к нему. Мы же друзья! Друзья – прекрасен

наш союз!

Я лежал на диване, осматривал стены и потолок. Увлека-
тельнейшее занятие! Кажется, всё это уже видел тысячи раз!
Да и что там можно увидеть такого, что могло бы вызвать
интерес даже у такого праздного человека, как я? Ан нет!
Очень даже антиречно! Чего это я сказовым языком заго-
ворил? Наверно, потихоньку схожу с ума. Одно лишь уте-
шает, что это не белая горячка. Хотя какая разница, от чего
сойти с ума? От белой горячки или от безумной любви? Я
стал загибать пальцы. Ого! Кажется, я становлюсь трезвен-
ником! Скоро уже будет юбилей! Может быть, отметить? На
потолке я обнаружил мерзопакостную рожу, стал ее внима-
тельно рассматривать. Ба! Да это же мой старый знакомый.
Сначала он меня доставал на кухне, а теперь на потолке. Всё-
таки это не очень деликатно с его стороны. Вот шея, широ-
кая грудь. Ага! И даже нож торчит. Ниже торс и мощные но-
ги. Я закрыл глаза и потряс головой. Потом снова взглянул
на потолок. Нет! Всё было на месте. Может, сделать ремонт
потолка? А лучше всего ремонт головы. Но ремонт головы я
тут же связал с известным лекарством и отказался от этой,
безусловно, плодотворной идеи. Стал рассматривать стены.
Искать новые картинки. Переводил взгляд с одного места на
другое.

Ну, вот! Какая интересная зверушка! С рогами, копыт-
цами, хвостиком! Черт! Действительно, зверушка была уж
слишком похожа на черта. Вздумал поиграть со мной? Давай

поиграем! Только не забывай про Вакулу-кузнеца! А вдруг я окажусь пошустрей тебя?

Нет! Хватит! Довольно! Я закрыл глаза. Надо попробовать заснуть. Но ничего подобного. Один кошмар сменялся другим. То я приехал в гости и никак не мог уехать домой. Постоянно находилась какая-то причина отложить отъезд. Хозяева были мне уже страшно не рады. И я понимал, что уже надоел им. Но всё время откладывал отъезд.

А вот я на вокзале. Объявляют мой поезд. Я подскакиваю. А где же мой чемодан? Там мои вещи, документы, билет, деньги. Заглядываю под скамейки. Чемодана нигде нет. Я бегаю по вокзалу. До отправления поезда осталось пять минут. Красивая песенка, особенно в моей ситуации. Бросаюсь к полицейскому. Так и так! Он как-то подозрительно смотрит на меня и требует предъявить документы. Левая его рука лежит на кобуре. Он внимательно следит за каждым моим движением, готовый в любой момент применить табельное оружие в рамках, недопустимых законом.

– Да я же вам говорю, что они у меня в чемодане, который у меня украли! Как же я вам их покажу? Я же никак не могу показать то, что у меня украдено. Разве это сложно понять?

– Кто же, гражданин, держит документы в чемодане? Они должны быть при себе. Пройдемте? Ну, чего вы? Следуйте! Это что оказание сопротивления при исполнении служебных обязанностей?

– Куда? Не хочу я никуда проходить. У меня украли че-

модан, в котором были мои документы. . .

– Куда надо. Пройдемте! Или мне вызвать наряд подкрепления? Почему вы не подчиняетесь?

– Но мой поезд уйдет. Уже объявили посадку. Если я пойду с вами, мой поезд уйдет.

– Никуда ваш поезд не уйдет, потому что никого поезда у вас нет. И чемодана у вас никакого не было. И документов у вас нет. У вас ничего нет. У вас даже одежды на себе нет.

Загадка становится загадочней

Довольно! Это уже слишком! Я так резко поднялся, что закружилась голова. Я некоторое время постоял, дождавшись, когда исчезнут черные круги перед глазами. Взял телефон. Нашел номер. Какое-то время поколебался, а затем нажал на зеленую трубку.

– Рома! – услышал я бодрый утренний голос. – Зачастил! Рад! Пора тебе выходить в свет!

– Извини, Толик! Так уж получается. Загружаю тебя собственной головной болью да еще и от работы отрываю.

– Я тебе дам извинения! Ты это брось! Проблемы? Правильно я понимаю? Давай выкладывай!

– А что еще, кроме проблем, может быть у одинокого никому на свете ненужного отщепенца и мизантропа! Тем более он пасует перед самой маленькой проблемкой, – простонал я жалобным голосом, представив себе, как Пинкертон сейчас обливается горячими слезами.

– Девчонку тебе нужно завести! И погорячей! Это лучшее лекарство от любых проблем. Могу посодействовать! Слышь, Рома! У меня сейчас совещание. Дюли раздаю коллегам. Ну, это для адреналина. Чтобы нюх не теряли и жизнь медом не казалась.

Он хохотнул. Я представил, какое удовольствие доставляла его отделу раздача начальником дюль. Наверно, сияли от

счастья. И бросали счастливые взгляды на капитана.

– Я тебе перезвоню! И очень скоро! Ты от телефона-то далеко не убегай! Лады, Роман? Давай! Хотя лучше пускай бабы дают. У них это лучше получается. Их природа для это создала.

– Лады! Жду! Ты только, Толик, не доводи подчиненных до инфаркта. Подумай об их семьях!

Я залез под холодный душ. Вот так тебе! Так тебе и надо! Вот так надо выгонять дурь. Потом я долго брился. Окропил щедро свою чистую рожу одеколоном, неожиданно подвернувшимся под руку. Одеколон, по всей видимости, я использовал впервые. После чего я сел пить кофе. Обычно по утрам до него дело не доходило. Нашлись даже в кухонном шкафу три карамельки, которые от скуки сильно засохли. Это было даже хорошо. Не успел я допить и половины бокала, как затрындец телефон. Причем так весело! Наконец-то он вернулся к жизни! Я не помню, когда на него звонили в последний раз. Как же тут не веселиться... тра-ля-ля-ля!

– Что, Рома! На том же месте в то же самое время. Устраивает тебя? Или другие варианты? Я готов выслушать любые предложения, – хохотнул Пинкертон. – Я весь внимание.

– Вполне устраивает. До встречи! – я радостно отрапортовал, приняв стойку смирно.

Взгляды дам, которые по традиции занимали скамейку у подъезда, не были столь враждебны, как обычно. По крайней мере, мне так показалось. Я приторно сладким голосом по-

здоровался с ними. И пожелал им здоровья. Некоторое время постоял у скамейки.

Я всё рассказал Пинкертону, ничего не утаивая. Он погрузился. То и дело тяжело вздыхал. Резко отодвинул почти пустую тарелку. Вытер жирные губы. Стал вытирать ладони.

– Да! Тут, как говорится, без бутылки не разберешься. Я вижу, что слухи о том, что ты бухаешь денно и ночью слишком преувеличены. Второй раз встречаемся, и ты, как огурчик. А сегодня от тебя даже парфюмом несет за версту. Вроде, как на свидание собрался. Давай угадаю каким? Кстати, дорогой. Значит, денежка водится. Или я не прав? Нет, Рома! В таких делах я всегда прав. А нюх, как у собаки, а взгляд, как у орла.

– Не надо, пожалуйста! Мне не до этого, – проворчал я, потягивая минералку из бокала.

Вспомнил. Одеколон мне подарила последняя пассия. У меня был день рождения. И я, как обычно, напился до потери. И чем закончился праздничный ужин, не помню. Когда проснулся-оглянулся, то стало понятно, что ночь я провел один. Больше мы с ней не встречались. Она не звонила. Вероятно, нашла себе кого-то нормального. Я рад за нее. Рано или поздно она все равно бы сбежала от меня. Я рад за нее.

– Не знаю, что тебе сказать, Рома. Какой-то бред! Да! Настоящий бред. Только в белой горячке такое может привидеться. Никакой логики, никаких мотивов. И зацепок тоже нет. Даже Шерлок Холмс опустил бы руки. А знаешь, Рома!

Плюнь ты на это и забудь. Вот тебе мой совет. Всё завершилось и благополучно. А предложение на счет горячей девчонки сохраняется в силе. Тебе какие больше по вкусу? Блондинки? Брюнетки? Высокие? Низкие? Полненькие? Худые? Накидай примерную характеристику!

– Давай о деле! Плюнуть-то можно, Толик. Чего же не плюнуть? Вот голова дурная никак не хочет избавиться от этого. Лучше бы, если ее вообще не было. Загадка! Загадают тебе загадку, да такую загадочную, подковыристую, что не знаешь, с какого бока к ней подойти. Уйдут по-английски, не дав ответа. А это загадка уже всё твое нутро захватила. Гложет тебя! Не есть не можешь, не спать спокойно, ни о чем другом думать, пока не найдешь разгадки. С тобой такого не бывало? Что вот как с ножом к горлу приступит и ни о чем другом ты больше не можешь думать?

Пинкертон ковырялся в зубах. Зубы у него были крупные, желтоватые от курева, но зато свои.

– К нам тебе, Рома, нельзя. Тебя через пару месяцев пришлось бы отправлять в психушку. Ты слишком впечатлительный. У нас с загадками просто. Не можешь отгадать – забудь. Или найди стрелочника, чтобы не портить показатели. А показатели в нашей работе – это самое главное. Так вот всё просто, как дубина неандертальца. Может, горячей девчонкой начнешь лечить свою загадку? Не отказывайся! Ладно, Рома! Тогда так! Я выясняю о Крюке всё, что смогу. Такие знаменитые личности и следов оставляют немало. Ты

же даешь слово, что забываешь эту загадку раз и навсегда. Прежде всего, психическое здоровье! Могу предложить работу! Непыльную. Денег немного дают. Но свободного времени хоть отбавляй. И работа почти по твоему профилю. Ну, скажем так: боком тебя касается. Одним словом, синекура. Будешь сидеть в офисе, компьютер, принтер и прочая фигня...

– Я сам. Спасибо за заботу! Весьма благодарны, ваше высокопревосходительство! Весьма!

– Жди звонка, Рома! Как ты был шутком гороховым, так и остался им. И это в тебе самое привлекательное.

Я пошел домой. Можно было взять такси или доехать на маршрутке. Всё-таки расстояние. Я специально этого не делал. Да и толкаться среди людей не было желания. Не люблю я многолюдья. А более всего давки в общественном транспорте. Пот, толкотня...

По дороге завернул в несколько магазинов. Просто так. Глазел на товары, которые мне совершенно не нужны и которые я не собирался покупать. Неужели всё это нужно для человеческого существования? Такое множество разных вещей? Сколько же производится совершенно ненужного! И появляются всё новые и новые товары! А сколько на это тратится времени, ресурсов, сил! И всё это только для того, чтобы отвлечь человека от одиночества, чтобы побудить его ходить каждый день на ненавистную работу для зарабатывания денежных фантиков, на которые он покупает эти ненужные

безделушки, а потом выбрасывает их за ненадобностью. Я уже который год (хотя можно посчитать, который) не удручал себя никаким трудом, после того, как (помните, в начале я хотел рассказать об этом) моя жизнь круто изменилась. У меня была бабушка, самый дорогой мне человек и, кажется, единственный в мире, который меня понимал. Бабушку похоронили, а через некоторое время оказалось, что я ее единственный наследник. Так было сказано в ее завещании. Я стал хозяином этой квартирки и средств, которые позволяли мне без роскоши и отдыха за границей прожить свою брэнную жизнь, не омрачая ее нудной работой ради добывания денежных знаков. Осознав это, я почувствовал себя на седьмом небе. Впервые я был счастливым. И тогда я напился до беспамятства.

В последнем перед домом магазине я купил продукты, даже не заглянув в питейный отдел, чем привел в изумление продавщицу, сидевшую на кассе. Ее звали Галиной. Так было написано на бейджике. Вороньей черноты блестящие волосы. Скорее всего крашенные. Обручального кольца не было. Лет ей под тридцать пять. Курносая, пухлые губы и щеки. У такой должен быть мужик, не очень богатый, точнее, совсем не богатый. Какой-нибудь водитель КАМАЗа или таксист. Разумеется, женатый, имеющий двух детей, школьников. Два раза в неделю он ночует у нее после ужина с выпивкой. Дома говорит, что ночное дежурство. А жена верит или делает вид, что верит. Где их найдешь нормальных мужиков,

не кобелей. А этот работает, домой зарплату приносит, ей покупает подарки. Пьет только по праздникам и после бани. А в будние дни лишь четвертушку водки и две бутылки пива. Дети к нему тянутся. Одевает, обувает, кормит, не дерется. Чего еще нужно? Пойди поищи лучше! Так что не стоит дергаться! А что не уделяет ей внимания в постели, так и это можно понять.

– Чего-нибудь еще желаете? – спросила Галя, заглянув мне в глаза. Веки были покрашены в зеленый цвет.

– Нет! Спасибо! У вас очень высокое качество обслуживания, особенно в вашу смену.

Быстро вышел из магазина. Как-то я быстро научился делать дамам комплименты, чего раньше за собой не наблюдал.

Пинкертон расписал мне биографию Крюка. Ну, и что? Это ни на шаг не подвигло меня к разрешению загадки. В одном он прав: нужно плюнуть и всё постараться забыть. Может быть, напиться? Знакомый и хорошо проверенный способ решения всех проблем. А и верно! А то так глядишь и недолго трезвенником стать. Сам же к себе потерю уважение. И потом, чем же мне заниматься, если я не буду пить? Может быть, еще и на работу устроиться? Мне так стало смешно, когда я представил себя с метлой или сидящим за компьютером, что я рассмеялся. Ладно! Пора исправлять положение. Я опять долго и тщательно собирался. Предстану последний раз перед внешним миром трезвым и опрятным. Порадую окружающую среду! Хотя она и не заслужила этого.

Старушки-подружки в этот раз глядели на меня почти ласково. Наконец-то они признали во мне полноценного члена нашего общества. Я же со своей стороны только что не раскланялся и не расшаркался перед каждой из них. Чем вызвал у них самые положительные эмоции. Они улыбались и по-доброму поглядывали на меня. Мнение их обо мне совершенно изменилось.

– Какая замечательная погода! – восхитился я. – Не находите ли, милые дамы? Хочется петь! Как я понимаю птичек! Но сам – увы! – не обладаю певческими талантами.

Они согласились со мной. Я еще хотел что-нибудь добавить, прежде чем отправиться по знакомому маршруту, но в это время за спиной раздался громкий смех. Я обернулся и увидел двух долговязых юношей с дурацкими рюкзачками за плечами. Они прошли мимо, громко и бодро говоря. Они оживленно жестикулировали. Я не вслушивался в суть их разговора, как это я обычно делаю, когда занят своими мыслями.

– Кто такие? – поинтересовался я у бабушек. – Что-то не припомню. Недавно, видно, поселились?

– У Петровой квартируют. Она уехала в Германию. «На год или, может быть, навсегда и сдала квартиру», – сказала круглолицая старушка – Архитекторы. Вот! Они и снимают.

– Вот всё ты, Степановна, перепутаешь, – возразила ей другая. – Архитекторы уже съехали. А эти на докторов учатся. В медицинской академии. Лечить нас будут. Вот как!

– А! – протянул я. – Спасибо! Буду знать, к кому обратиться за медицинской помощью.

И пошел своей дорогой. Но сделав несколько шагов, ударил себя по лбу. И остановился. Некоторое время я стоял на месте и, может быть, даже разговаривал вслух.

Кто стучится в верь ко мне?

Какой же я всё-таки идиот! Конечно же! Разве об этом нельзя было догадаться раньше? Я затарился спиртным, чем вызвал такую знакомую, почти родную улыбку у Галины. Дома, быстро растолкав товары, я вооружился лупой и стал обследовать стену над кухонной дверью. Сантиметр за сантиметром. Проходил и снова возвращался назад.

Впрочем, дальше лупа не понадобилась. Чуть выше косяка был круглый след от липучки. Я хлопнул две стопки водки, закусил миниатюрным огурчиком из «Дядиваниной» баночки и, прихватив бутылку пива, отправился на диван. Вот Пинкертон и вся разгадка! Но больше прикладываться к водочной бутылке я не стал. Мне еще предстоял вечерний визит и неизвестно, в какой атмосфере он будет проходить. Поэтому трезвая голова мне еще понадобится. А пока, чтобы скоротать время и получить новую информацию, я почистил зубы и спустился вниз к своим бабушкам. Это лучший источник информации. Просто нужно к нему найти подход. Кажется, я его уже отыскал.

– Милые дамы! А не позволите ли мне присесть рядом с вами, с краешка. Изумительная погода! Хочется наслаждаться-

ся! Подышать озоном! Освежить легкие и кровь!

Бабушки посмотрели на меня подозрительно. Какое-то время они молчали, косясь на меня, а потом возобновили свой бесконечный разговор. Сначала я вслушивался. Но вскоре меня их болтовня утомила и, дождавшись небольшой паузы, я встрял, как бы между прочим, проговорив приторно сладким голосом, как герой мелодрамы:

– Скажите, а вот эти молодые люди, ну, что медики, в какой они живут квартире? Не знаете? Скажу откровенно, они мне понравились. А главное, что медики. Это же замечательно!

– Так у Петровой же! У Петровой снимают. Она до этого сдавала архитекторам. А теперь им.

– А номер-то какой? Случайно не знаете?

Я опять широко улыбнулся, почему-то будучи уверенный в том, что у меня очаровательная улыбка.

– Сто семнадцатый. А тебе зачем? К чему ты номер спрашиваешь? – спросила самая маленькая.

– Знаете ли, познакомиться. А то всё время один. Развеемся бы! Может быть, подружиться.

– Бабу бы завел, чтобы не быть одному. И работать бы начал. Вот и развеешься! А друзья всякие бывают.

– Обязательно заведу и обязательно начну, – согласился я. – Это входит в мои ближайшие планы.

Я еще посидел некоторое время и поднялся к себе. Включил телевизор, чтобы как-то убить время. Попереключал ка-

налы. Неужели это смотрят? Или я совсем отстал от жизни? Остановился на сериале «Беглые родственники». Под него и заснул благополучно и проспал до глубокого вечера. Чем же я буду заниматься ночью. Литроболом? Других-то занятий и интересов у меня не было. А может быть, и в правду завести бабу или горячую девчонку, как говорил Пинкертон? Хоть паутину по углам обметет! Над этим предложением стоит подумать. Пинкертон был со школьных лет еще тем ходяком. Плохого он не подсунет. Сам лично проверит несколько раз. Лишь бы она нормально отнеслась к моим привычкам. Точнее к одной моей привычке, глубокой привязанности и тяге. Охо-хо! Жизнь наша тяжкая! Оказывается, что человеку, кроме водки, еще так много надо. Все прежние мои эксперименты с противоположным полом заканчивались полным фиаско, то есть дамы довольно поспешно покидали меня, растворяясь в туманной дали и прекращая всякое со мной общение. Впрочем, не все. Некоторые изредка продолжали интересоваться моими делами и здоровьем. Здоровье пока еще у меня было, а вот дел никаких не было, кроме... ну, понятно какого. Но в последнее время и девушки перестали меня интересоваться. Старею, наверно. Или алкоголь вытеснил и эту жизненную потребность.

Но пора! Труба зовет! Вряд ли мои гаврики посещают найт-клубы. Такие на съемных квартирах не живут, а если живут, то с какой-нибудь длинноногой дивой. Хотя, может быть... Нет! Даже от одной этой мысли меня передернуло.

Судя по двери, квартирка не богата. К тому же, однушка. Позвонил. За дверью послышались голоса, а потом шарканье. Глазка не было. И это хорошо. А что? Симпатичный парнишка. Очень добрые глаза. Тонкие губы. И какой-то уж слишком тонкий нос. Девчата, конечно, пачками вряд ли на него будут вешаться. Но для долгой счастливой семейной жизни вполне подходящая внешность. Чувствуется основательность. Пациенты будут доверять такому доктору и строго выполнять все его предписания.

В глазах паренька сначала мелькнуло недоумение, а затем страх. Правда, нужно отдать ему должное, он тут же взял себя в руки, улыбнулся и совершенно спокойно проговорил, глядя мне в глаза с детской непосредственностью и никак не выдавая своего смущения:

– Добрый вечер! Вам что-то нужно? Ах да! Вы вероятно наш сосед. Мы тут недавно. Слушаю вас!

Но секундное его замешательство подтвердило мою догадку. Я уже нисколько не сомневался в своих подозрениях. Недаром говорится, что сколько веревочке не виться...

– Кто там Андрей? – раздался голос. Бодрый, такой бывает по утрам, когда хорошо выплещешься.

Значит, ты Андрей, объелся кислых щей. Ну, что же, будем знакомы. Я улыбнулся и подмигнул ему.

– Позвольте пройти! Что же мы на пороге стоим? Как-то не по-соседски. Проявите гостеприимство!

– Да, пожалуйста! А что вам нужно? Объяснитесь, пожа-

луйста! А то как-то... ну, не знаем...

Вышел его товарищ. Этот был пониже, поплотнее и такой круглощеко-круглолицый. А кулаки у него ничего. Вероятно, учится на хирурга. А хирургу нужны сильные руки. И к тому же, вероятно, спортсмен. Два раза в неделю посещает спортзал.

– Я ваш сосед. Живу двумя этажами ниже. Зовут меня Роман. Вот такое романтическое имя. Не находите? Роман – романтизм. Я и по жизни такой романтик, всё романтизирую.

– Находим, что имя действительно красивое. Но что вам всё-таки нужно? Что-то вы с какими-то заходами.

– Соли не одолжите? Знаете, как-то не привык есть несолёный суп. А в магазин идти не хочется. Знаете, одеваться, передвигаться, напрягаться. Зачем это делать лишний раз?

– Одолжим! Этого добра не жалко. Что же вы сразу не сказали? А то с какими-то заходами.

Тот, который Андрей, пошел на кухню и вынес мне в газетном кульке соль. На кастрюльку супа вполне хватит. А кастрюльку я буду употреблять целую неделю, если суп не испортится.

– «Медицинская правда»? – кивнул я на газету. – Или, как она у вас там называется? Я, правда, газет не читаю. В школьные годы еще почитывал «Пионерскую правду».

– Вам что-то еще надо? Или просто поговорить? – спросил Андрей, явно нервничая, как будто я оторвал его от важного

дела.

Я усмехнулся. Заглянул ему в глаза. Он потупился, скосил в угол, где стоял платяной шкаф.

– Вопрос, как говорится, не в бровь, а в глаз. Еще бы я желал посмотреть ваши видики на Ютубе. Надеюсь, вы не откажите мне в этом маленьком желании? Вы же очень гостеприимные ребята.

– Ну, это знаете, это выходит уже... Кто вы собственно такой? Чего вы сюда заявились?

– Если вас не устраивает этот вариант, предлагаю второй! Я добрый! Пока! Но доброта моя не безгранична.

– Витя! Иди сюда! – крикнул он товарищу. – Я тут ничего не пойму, что нужно гражданину.

В коридоре показался Витя, круглолицый крепыш. Может быть, Андрей позвал его именно из-за кулаков. Но будем надеяться, что до этого всё-таки дело не дойдет. По крайней мере, мне не хотелось. Да и они вполне интеллигентные ребята, а не какая-то босота.

– Есть у меня очень хороший друг. К нему еще со школьных лет приклеилась кличка Пинкертон. Сейчас он начальник отдела криминальной полиции. Гениальный сыщик! У него в отделе стопроцентная раскрываемость. Начальство его очень ценит, – тараторил я, как скороговорку, не сводя глаз с их лиц, отмечая любое движение.

– Зачем вы это нам рассказываете? Что вам нужно? – спросил долговязый Витя. В его голосе звучал страх.

– Вы мне симпатичны! И я хотел, чтобы мы познакомились поближе. Так вот... Один звонок, и Пинкертон пришлет группу к моей квартире. Несомненно, они обнаружат чужие пальчики на дверях, на кухне, след от видеокамеры над дверями. Ах! Взлом квартиры, пропажа дорогих ювелирных украшений, семейной реликвии. Они, конечно, не пропали. Но ведь преступники для чего-то забрались в квартиру. И не стоит забывать мою дружбу с начальником отдела. Преступников он найдет в мгновение ока. И длительный срок им обеспечен. Сколько он всяков еще навешает! Вы же знаете, как работают наши блюстители! Для них отчетность – это главное.

Друзья молчали. Что-то вы долго соображаете, ребята! Если так же вы будете задумываться во время операции, то я не завидую вашим пациентам. Ну, шевелите же мозгами! Но всякие реакции в них что-то застопорились и они никак не могли сдвинуться с места.

– Какой вариант вас больше устраивает? Первый или второй? Выбирайте! – скомандовал я.

– Что же мы стоим на пороге? – воскликнул Андрей. Он старательно отводил взгляд. – Давайте пройдем! Поговорим! Выясним всё, так сказать. А то какие-то непонятки.

Вид у них был очень растерянный и грустный. Он мучительно соображал, как им поступить.

– Проходите! Что уж! – это уже Витя добавил приглашение от себя. – В ногах-то правды нет.

– Как и в прочих частях тела, – добавил я.

Я прошел следом за ними. На угловом столике лежали книги. А еще и ноутбук. И белый бокал. Вероятно, дежурный, из которого они по очереди пили кофе, когда сидели за столиком.

– Давай ты, Витя! – сказал Андрей после того, как они уселись на диванчик и некоторое время переглядывались друг с другом. – У тебя это лучше получается. Ну, объясняться!

Я сидел напротив их на кресле. Его товарищ замялся, разжал кулаки и положил ладони на колени. Я физически ощущал, как он пытается подобрать слова для начала. Щеки его покраснелись. Он погладил колени. Посмотрел на меня и снова отвел взгляд.

– Ну, так, значит... Вот, – пробормотал он и снова погрузился в раздумье, подбирая нужные слова.

– Смелее, Витя! Смелее! Я очень добрый и гуманный человек. Даже не отхлопаю вас по попе за шалость. Зуб даю, что ничего не буду предпринимать. Но при одном условии, что вы честно всё рассказываете, ничего не утаивая. Можете не клясться! Я вам поверю.

Я откинулся на спинку стула. Скрестил руки на груди и приготовился выслушать исповедь.

– Кто сейчас не ютубит? И мы, само собой. Ну, и решили, что на этом можно и подработать. Благо по нашему профилю можно такое наснимать! Копейки, конечно. Но для студентов, сами понимаете, каждая копейка дорога. Особенно хо-

рошо шли репортажи из морга. Мы туда ходим на практику и вообще подрабатываем. Ночное дежурство, там... Ну, вот... Но каждый раз нужно что-то более крутое, экстремальное, чтобы еще сильнее нервы пощекотать. Тут нам и пришла в голову эта идея. И как раз привезли труп этого отморозка. При нем никаких документов. Дело было к ночи. И оформить его сразу было некому. Мы его загружаем и к вам. Знали, что вы бухаете по-черному. И сами видели, и бабки все уши прожужжали. Ну, а ночью вы в полном отрубе. Так что бояться нечего. Недооценили в общем вас. Думали, что вы алкоголик.

– Как двери-то вскрыли? Отмычкой? У меня есть хорошая привычка сидеть взапертях.

– Да вот, Андрей, еще с детских лет балуется. Нет-нет! Не подумайте! Ничего серьезного! Это у него вроде хобби, спортивного интереса. Ну, вот такое странное увлечение! Можно сказать, специалист. Даже однажды консультировался у профессионального домушника.

Андрей покраснел и кивнул. А потом почему-то отодвинулся от товарища. И посмотрел на него с неприязнью.

– Вы же спите глубоко. Мы в этом были уверены. Ну, и на самом деле так и оказалось. Даже похрапывали. Андрей вас окрикнул, никакой реакции. Крепко спали.

– Ладно, ребята! Дальше можете не продолжать. Всё понятно! Как проютубили? Лайков много собрали? Или как они там у вас называются? Я в компьютерном жаргоне не си-

лен.

– Ну, неплохо! Даже не ожидали такого! – ответил Витя. Протянул руку к ноутбуку, но тут же одернул ее.

Они повеселели. Заулыбались. Не ожидали, что всё так легко закончится. Дяденька и выговора не стал делать.

– Мой совет вам, ребята! Придумывайте более безобидные розыгрыши. Хорошо, что вы имеете дело со мною. А если бы на моем месте оказался кто-нибудь другой? Скорей всего бы ваша жизнь пошла под откос, как взорванный партизанами состав. Вместе светлой и просторной поликлиники несколько лет будете иметь дело с мрачными пациентами в наколках в тюремной поликлинике. Оно вам надо? Конечно, не надо. Так что поаккуратнее с шутками. Не у всех развито чувство юмора. Уверяю вас!

Я поднялся. Они подскочили, как по команде. Еще хоть не вытянулись по струнке. Сразу видно, что не служили в армии.

– А вы? Мы можем надеяться? – пробормотал Витя, заглядывая мне в глаза. И вид у него был такой подобострастный.

Его товарищ Андрей держался немного попристойней. Но в общем-то скромные ребята.

– Я же сказал! Всё! проехали! Я уже забыл об этом, – махнул рукой. – И вам советую.

– А смотреть не будете? Ну, это...клип то есть? Или же вы уже посмотрели? Я могу включить.

Андрей показал на ноутбук. Купили в складчину? Или кто-то привез из дома. Хотя какая разница!

– Зачем? Я не любитель и не ценитель интернетовского юмора. Спокойной ночи вам, ребята! И по ночам всё-таки нужно спать! Говорю это как специалист специалистам.

Помахал им на прощанье ручкой и вернулся домой. Вот и всё завершилось! Можно ставить жирную точку или лучше восклицательный знак. Славные ребята! Жалко, если из-за какой-нибудь глупости они загремят под фанфары. А дурь в их головах еще не выветрилась. Я постучал по дереву. Потом напился. И как уснул, уже не помню. Всё вернулось на круги своя. Я не любитель проблем. Хотя знаю, что беспроблемная жизнь возможна только в ином мире.

Утром я заглянул в холодильник. Хотя какое утро! Для кого-то это уже самый разгар трудовой смены. А может быть, действительно, мне устроиться на работу? Что-то эта бытовая пьяная жизнь начинала приедаться. А тут какая-никакая смена впечатлений, эмоции, то сё. Но тут же я представил, как с глубокого похмелья волочусь на автобусную остановку, потом трясусь в битком набитом автобусе, распространяя вокруг себя тяжелый похмельный дух, а потом до вечера с мученическим видом что-то делаю глубоко ненавистное мне, ожидая только одного – вечера со спасительной стопкой... Как только я это представил, меня чуть не стошнило. Я приготовил легкую трапезу, достал начатую бутылку водки, разумеется, выпил, улыбнулся и подумал о том, какая у

меня хорошая жизнь. А если мне хорошо, зачем делать себе плохо? Что за глупость? Нет уж! Нет уж! Извините! Мы как-нибудь так!

Раздался звонок. Кого это могло принести? Я пожал плечами и отправился открывать двери. На пороге стояла женщина лет этак сорока в легкой серой куртке, а рядом с ней долговязый мужик с такими тонкими губами, каких мне еще не доводилось видеть. Две бледно-красных ниточки, вытянутых, как по линейке строго горизонтально.

– Вы Роман? – спросила женщина и улыбнулась. – Я не ошибаюсь? Хозяин этой квартиры?

Мне ее улыбка не понравилась. Долговязый скрестил руки впереди, локтем он прижимал черную папку. Почему-то взгляд его уперся в потолок. На меня он не глядел.

– Ну, допустим! – недовольно буркнул я. – Меня, действительно, зову романом и я живу в этой квартире.

– Мы к вам по объявлению, – сказала дама. – Вот! Прочитали и решили зайти посмотреть.

– По какому еще объявлению? Что за чертовщина? – я пожал плечами. – Что вы придумываете?

– Как? Но вы же дали объявление в газете о том, что продаете квартиру. Вам показать газету? – удивленно проговорила дама и перевела взгляд на долговязого, который в тот же момент расстегнул папку.

– Бред какой-то! Ничего я не давал! И квартиру я не собираюсь продавать. С какой такой стати я стал бы ее прода-

вать?

Я взялся за ручку, чтобы закрыть дверь перед незваными визитерами. Но почему-то медлил. Еще раз внимательно осмотрел их. Нет, вполне порядочные люди. Может, они су-пруги?

– Погодите! Погодите! – заговорил долговязый. – Нам надо поговорить! Не закрывайте двери.

Он достал газету. Это была газета объявлений. Стал листать, нашел нужную страницу.

– Вот посмотрите! Обведено! – он ткнул пальцем. – Вот обведенное черным фломастером.

Действительно, там был мой адрес. Не слишком ли много розыгрышей на мою несчастную похмельную голову? Кто же на этот раз подшутил? Рано, значит, успокоился. Что там еще впереди? Единственно о чем я мечтаю, чтобы ко мне никто не совался.

– Извините! Это чья-то глупая неуместная шутка. Я ничего не сдаю. До свидания! Посмотрите другие объявления!

– А разве подобными вещами шутят? – спросила женщина. – Странные шутки! Впервые с таким сталкиваюсь.

– О! По-моему, сейчас для шуток нет ничего запретного. Мы живем во времена тотальных розыгрышей. Все и везде и надо всем шутят. Даже на похоронах сейчас принято шутить.

– Ну, тогда извините! – пробормотала женщина. – Как нехорошо получилось! А нам, знаете, так срочно нужна комната! Просто край! Мы так надеялись! Просто не знаю, как

быть.

– Ничем не могу помочь. Извините!– расшаркался я. На какой-то момент мне стало жаль этой женщины.

Я уже отступил в глубь коридора, чтобы закрыть дверь, и в этот момент женщина ойкнула, побледнела, колени у нее подогнулись, и она медленно стала оседать. Я растерялся. Никогда не знаю, что делать в таких ситуациях. Оказывать первую медицинскую помощь я не научен.

– Эдик! Эдик! – шептала она приглушенным голосом, хватая воздух и явно задыхаясь.

Эдик, долговязый мужик, напугался, подхватил ее под мышки. И стал поднимать. Она висела на его руках, как куль.

– Людочка! Людочка! Погоди! Погоди! Мужчина! Ну, что же вы? Чего вы стоите? Ей же плохо.

Это ко мне. А что я? Что мне делать? Звонить в больницу? Вызывать соседей. Я был в полной растерянности.

– Пожалуйста! В сумочке ее достаньте таблетки! побыстрее! Пожалуйста, побыстрее!

Я тоже напугался. Два мертвяка – это был бы уже явный перебор. Расстегнул сумочку и стал передвигать разную косметику. Наконец мне попались таблетки. Вытащил. Показал Эдику. Он наклонился, так делают люди близорукие, чтобы прочитать.

– Эти? Посмотрите!– спросил я и сунул ему упаковку под самый нос. Потом увидел, что верх ногами, перевернул.

– Да! Да! – прошептал Эдик. – Эти самые. Достаньте, по-

жалууйста, таблеточку. Да! Да! Одну!

Я достал таблетку. Эдик положил женщине ее в рот. Она качала головой из стороны в сторону как будто хотела успокоить головную боль, глаза ее были прикрыты.

– Воды, пожалууйста! Прошу вас! – простонала она, махнув рукой в сторону кухни. – Побыстрее!

– Да! Конечно! Сейчас! Секундочку! – бормотал я, в общем-то напуганный случившимся.

Бросился на кухню. Вынес стакан воды. Мои посетители стояли на прежнем месте. Только у Людочки на щечках уже стал появляться румянец. Значит, таблетка помогла, решил я. Она отхлебнула полстакана. И уже повеселев, взглянула на меня и выдохнула:

– Спасибо большое! Вы меня спасли. Вы очень хороший человек. Я

Еще некоторое время она постояла, переводя дыхание. Я топтался на месте, не зная, что делать.

– Знаете, иногда случается, – извиняющем тоном произнес Эдик. – Когда переволнуется... Волноваться ей нельзя. А тут вот такое, она и переволновалась. И вот вам!

Я понял, что я виноват в том, что случилось с Людочкой. А если бы она того? Страшновато!

– Может быть, присядете? – предложил я. – Чаю там? Или кофе? Я быстро бы организовал.

– Нет! Нет! Извините! – замахал Эдик. – Мы и так уже доставили вам неудобства. Ничего! Она уже в норме. Как ты,

Людочка? Ты в норме? Хорошо себя чувствуешь? Голова не кружится?

– Всё! всё хорошо! Простите нас! Нехорошо как получилось, – проговорила Людочка слабым голосом.

Они повернулись. Я некоторое время еще постоял на пороге и закрыл дверь. На столе стояла недопитая бутылка. Я с ней расправился довольно быстро. Накатила зевота. Значит, пора было баиньки. Пошатываясь, я добрался до кровати. Упал. Громко скрипнула кровать. Но сон почему-то не приходил. Видно, всё-таки не хватило стопки-другой снотворного. Неизвестно, что хуже: перебор или недобор. Всё-таки недобор хуже.

Я поднялся и направился к холодильнику. И в это время сначала раздался звонок, а потом нетерпеливый настойчивый стук. Мало того, что стучали кулаками, еще и ногами, видно, боялись, что я не услышу. Я остановился на пороге кухни. Кому это я еще мог понадобиться? Да еще и среди ночи? Сердце-вещун подсказало, что это не к добру. Ох, не к добру! По ночам хорошие люди в гости не ходят, а если ходят, то хотя бы предупреждают.

– Ну, и кому это так не спится? – спросил я через дверь. – На часы поглядите! И хватит тарабанить.

– Откройте! Вы нас заливаете! – раздался женский голос. – Устроили потоп! Со мной сантехник.

Ага! Сейчас я поверил! Знакомый трюк. Откроешь – и сразу по башке. Или искрометный удар, отправляющий тебя

в нокдаун в самый дальний угол. И выноси всё, пока хозяин очухается. Это в лучшем случае. А в худшем... Нет уж! Не проведете! Глазка у меня не было. Было ясно, что за порогом женщина и еще кто-то с ней, кто и тарабанил в дверь.

– У меня нигде не включена вода. И нигде ничего не бежит. Придумайте что-нибудь другое. До свидания! – прокричал я, потому что всё это начинало уже злить меня.

– Я сейчас вызову слесаря! Немедленно открывайте! – завизжала женщина. Терпение ее лопнуло.

– А я сейчас вызову полицию! Пошел звонить! И открою дверь только полицейским.

– А вот полицию вызывать не надо! Потому что мы и так здесь. Удостоверение смотреть будете? Приоткройте дверь, удостоверьтесь, кто перед вами. Ну! Чего вы медлите?

– А с каких пор полиция стала заниматься ремонтом сантехники? – попробовал я пошутить. – Или вы работаете по совместительству в свободное от основной деятельности время?

– Если вы сейчас не откроете, мы выломаем дверь! Мы еще и слесари по совместительству. Поверьте у нас очень богатый опыт по открыванию дверей. Я вам это гарантирую.

– Ну, пока вы будете выламывать, я успею позвонить в отделение. Чтобы ломать дверь, нужна санкция прокурора. Или вам об этом неизвестно? Но незнание закона, как вам известно...

По двери сильно два раза ударили ногой. Я отодвинулся.

А вдруг и в самом деле начнут выламывать дверь.

– Господа! В конце концов, на каком основании вы ночью вламываетесь в квартиру к мирному спящему обывателю. Сейчас во дворе всё-таки не тридцать седьмой год! У нас вроде как правовое государство. Если я вам нужен, вызовите повесткой.

– Послушайте, гражданин! Поступил сигнал! Мы обязаны проверить! Откройте, мы только глянем, если всё в порядке, тут же уйдем. Это на пару минуток. Рядовая проверка.

Я заколебался. Черт их знает! В конце концов, надо верить людям, даже если они и мусора.

– А удостоверение покажите? А то знаете... С удостоверением мне было бы спокойней.

– Да хоть сто раз! Но через двери вы вряд ли что-нибудь разглядите! Приоткройте хотя бы дверь. Щелочку так сделайте! Мы в эту щелочку и покажем вам свои удостоверения.

– Разумно! – согласился я. – И что за сигнал, если не секрет? Я могу об этом знать? Я должен знать, что это за сигнал. На счет вода бежит – это, конечно, отмазка, сказка для простодушных.

– Ну, в общем, что у вас наркопритон. А это серьезно. Сами понимаете! Вы же образованный человек.

– Забавно! Мне становится смешно. Интересно даже как-то стало. Если у меня был бы притон, то постоянно шли бы люди.

А если они на полном серьезе, то, кто из знает, снесут сей-

час двери, еще и сопротивление припишут. Ладно, от греха подальше. Тем более, что я чист, аки слеза младенца. Я открыл. Если бы я знал, что последует дальше. Хотя бы соломки подстелил.

В кутузке

И... полетел в дальний угол коридора. Тут же меня перевернули на живот и застегнули за спиной наручники. Было довольно некомфортно, если не сказать больше. За что это всё мне? И как это у них получается, так больно заломить руки? Учат что ли специально?

– Наркотики? Оружие? Экстремистская литература в квартире имеется? – раздался требовательный голос.

Конечно, это командир. Интересно в каком он звании. Чем старше, тем дело серьезнее.

– Господа полицейские! А как же с удостоверением? – простонал я. – Вы же обещали!

Лучше бы я этого не говорил. Но кто же это знал? Язык мой – враг мой. И самый главный.

– Сержант! Покажите ему удостоверение! – тот же голос. Насмешливый, даже издевающийся.

Он меня поднял одним рывком. Парнишка явно занимался боксом. Не знаю, как еще моя несчастная голова удержалась на плечах. Про санкцию прокурора я уже решил не спрашивать. Получать еще одну увесистую пилюлю мне сразу расхотелось.

Капитан был выше меня на голову. А такое наглое и пре-

зрительное выражение лица я видел только в фильмах у актеров, которые играли закоренелых преступников или их преследователей. Если бы он не стал полицейским, то мог бы сниматься в полицейских сериалах.

– Ну, как на счет недозволенного? – повторил он вопрос, заглядывая мне в глаза. – Отвечать!

– Не имеем, не храним, не занимаемся! – четко проговорил я, стараясь уже больше ничем не сердить господ полицейских. Себе дороже! Может быть, мое смирение смягчит мою участь.

– Сержант! Найди-ка понятых! – скомандовал капитан. – Давай эту бабенку, что с нами была.

На кончике языка так и крутился вопрос о санкции прокурора, но я вновь не решился. И наверно, любой в моем бы положении поступил так же. Кроме, героических личностей, разумеется, к коим я не имею счастья принадлежать, а потому до сих пор копчу небо.

Капитан потянул носом. Покрутил головой. Вытянул шею в сторону кухни, а потом зала.

– Пьем-с! То есть ведем аморальный, антиобщественный образ жизни? Или я ошибаюсь.

Он ткнул мне пальцем в солнечное сплетение. Перехватило дыхание. Я обеими руками ухватился за живот.

– Да! Каюсь! – простонал я с мучительной гримасой. – Веду антиобщественный образ.

– Каяться будешь в суде! – хохотнул капитан. – Не жди

меня, мама, хорошего сына.

И поднес кулак к моему носу. Увесистый! Встречи с ним лучше избегать. И аргумент убедительный.

Зашел сержант. Следом женщина и мужчина примерно лет шестидесяти. Вероятно, супруги. Я несколько раз встречался с ними. И, кажется, даже здоровался. Почему-то они на меня посмотрели со страхом. Представляю, что им наговорил этот сержант. Только сейчас я увидел у порога третью фигуру, тощий длинный лейтенант. Кажется, его звали Николаем. И он был нашим участковым. Я встречал его несколько раз во дворе. Он всегда здорово тихим таким голосом, слегка кивая головой.

– Ну, ребята! Приступайте! – кивнул капитан. И сделал широкий жест. Слева-направо.

Участковый пошел в зал, а сержант на кухню. Я остался стоять на месте. Ну, да! При желании теперь они смогут и зенитный комплекс найти. Не бегать же мне за каждым. А я тут о санкции прокурора пел! Хорошо хоть об адвокате не заикнулся и о правах человека.

Первым вышел сержант. Лицо его было сумрачным. Стряхнул пыль с левого рукава.

– Чисто! Ничего! – отчитался он. – Заглянул в холодильник. Там начатая бутылка водки.

Не может быть! Неужели мне попались благородные мусора? Ведь в холодильнике рядом с бутылкой водки мог оказаться и пакет с героином.

– Чисто! Везде позаглядывал. Даже книги пересмотрел, в смысле подвигал туда-сюда.

Это уже участковый. Он снова взял подмышку черную папку, которую перед этим положил на трельяж.

– А наручники с меня снимут? – поинтересовался я. И для убедительности потряс руками. Потом поднял их над головой. – Я же, как понимаю, еще не стал преступником?

– И наручники снимут, еще извинения принесут. Мы же блюстителю и живем в цивилизованной стране, – сказал капитан, с улыбкой оглядывая меня. – Ну, а надели на всякий случай.

В том, что мы живем в цивилизованной стране, я никогда не сомневался. А этой ночью еще больше укрепился в своем убеждении. Остается только молиться на вас, защитнички наши!

– Что у вас в этом шкафчике? – поинтересовался капитан. – Не подскажите? Очень интересно!

В углу коридора стоял платяной шкаф. Он, как и вся мебель, перешли ко мне от бабушки. Шкаф был высокий, чуть ли не под самый потолок, сверху отделение для головных уборов.

– Одежда. Куртка, обувь, щетка для обуви. Может быть, грязные носки. Я не так часто их стираю.

– А! ну, тогда даже смотреть не будем! Ну, что, товарищи, мне, наверно, как старшему, придется принести извинения гражданину за доставленные ему неудобства? – капитан

оглядел собравшихся. И снова улыбнулся. – Или это сделает кто-нибудь из вас?

– Я хотел бы эти извинения выслушать без наручников, – подал я голос. Но очень робко. На всякий случай. – Тогда ваши извинения будут выглядеть более искренними.

– Как? Что это такое? – воскликнул капитан. – Невинного гражданина вы держите в наручниках, как закоренелого преступника? Ая-я-яй! Нарушаете права человека? Или у нас что вернулся тридцать седьмой год? Как верно заметил товарищ. Непорядок!

В его голосе звучала насмешка и угроза. И кажется, насмешки было больше. Но это мне казалось.

– А всё-таки позвольте заглянуть в шкафчик? Так сказать, одним глазком. Только гляну и всё! Зуб даю! – ёрничал капитан, помахивая левой рукой туда-сюда, туда-сюда.

– Конечно! Конечно! – кивнул я. – А вдруг там у меня гранатомет! Или даже танк! С зенитным комплексом заодно.

Капитан захихикал. Два других мента, как-то загадочно переглянувшись, заулыбались. Мне это не понравилось. Показалось, что они знают что-то такое про меня, что мне неизвестно.

– А вы остроумный человек! Надо отдать вам должное. Не терять чувство юмора – это, знаете ли, очень прекрасное качество. Я таких людей глубоко уважаю! Ах, да! Ух ты меченьки! – говорил он скороговоркой. – Я такой доскональный человек. Таким уж меня мама уродила.

Капитан хлопнул себя по ляжке. И подмигнул мне. Улыбнулся. Но улыбка какая-то змеиная.

– С вашего позволения загляну! Не терпится! – растягивал он слова. – Я к тому же еще и нетерпеливый.

Он открыл дверку шкафа. Долго смотрел. За его спиной мне ничего не было видно.

– Действительно, курточка. Ботиночки, туфельки, крем, щетка... Ну, что? Пойдемте, ребята! Зря вот мирных обывателей потревожили! Ах, да! Надо же извинения принести! Сержант! Я пока тут извинительную речь буду произносить, ты в туфельки загляни! Ну, так! Просто так! Без всякой задней мысли! Не в службу, а в дружбу, – ёрничал капитан. – Можешь даже носки понюхать, если ты у нас токсикоман.

– Ага! То есть так точно! – отчеканил сержант. – Посмотрим и ботиночки, и носочки.

Сержант кивнул. И полез в шкаф. Капитан отодвинулся от шкафа, чтобы не мешать сержанту.

– Товарищ капитан! Взгляните! Вот! – радостно выкрикнул сержант. – Очень интересно!

Сержант держал белый пакетик. Капитан взял пакетик. Приподнял его на уровень глаз.

– Ну, сержант! Это скорее всего что-нибудь от моли! Положите назад! Хотя... Погоди! Пусть наш участковый напишет протокольчик! Ага! А вы, уважаемые понятые! Распишитесь в протоколе! А вы ничего не хотите сказать, гражданин! По поводу находки. Что же это может быть такое? По-

рошенко от моли? Ведь я же не ошибаюсь?

– У меня ничего не было в тужурке, – скромно ответил я. Всё во мне похолодело. – Так и запишите!

Моими соседями оказались вполне симпатичные интеллигентные люди. Один, свернувшись на широкой лавке, миролюбиво посапывал, изредка вздрагивая и изрыгая проклятия в чей-то адрес: «Пошел ты на...!», «Поставь на место, козел е...!», «Убью, ё... тварь!» Видно, и во сне его не оставляли в покое обаятельные собеседники, с которыми он продолжал бесконечный диалог. То есть монолог. Поскольку своим оппонентам он не давал сказать ни единого слова. На нем была длинная черная засаленная куртка, перепоясанная плюшевым пояском, брюки в полоску, подоткнутые в нечто среднее между кроссовками и ботинками. Подобного продукта обувной промышленности до сих пор мне еще не доводилось видеть. От носков шел крепкий запах. Но убежать от него было невозможно, поскольку все мы сидели под замком.

Обувка, несомненно, была эксклюзивной, разработанной по заказу клиента лучшими дизайнерами города. Я долго любовался ею, поскольку больше заняться было нечем.

Про амброзию, исходившую от него, я говорить не решаюсь, хотя книга, как и деньги не пахнут, если, конечно, не обрызгивать и не смазывать каждую страницу остро пахнущими и долго сохраняющими запах веществами, что, надеюсь, мой благосклонный читатель вряд ли будет делать. Хотя, кто тебя, читатель, знает. А тем более этой книги.

Второй мой сосед – паренек лет двадцати с лицом, удивительно похожим на лицо Савелия Крамарова. Он сидел, откинувшись к стене. Глаза его были прикрыты, но он не спал.

Хотя, если вы не пенсионер, то вряд ли помните этого замечательного советско-американского киноартиста комедийного жанра, давно уже почившего в бозе. Тем более, что после того, как он перебрался в Америку, громкая слава его сошла на нет.

Единственно живой частью лица сидевшего рядом со мной паренька был удивительный нос, который изобразительно реагировал на все изменения в окружающей среде, как-то хлопанье дверей, яркость света, различные шумы. Нос вздрагивал, на некоторое время замирал в ожидании, а затем поворачивался в ту сторону, откуда исходил новый сигнал, влево, вправо, поднимался вверх и опускался вниз. А то начинал мелко подергиваться, покрываться испариной, менял цвет. Иной раз он собирался в глубокие складки, сильно тряся, как в лихорадке, потом на мгновение замирал и раздражался громким «апчи!» Это была целая симфония. Сначала шелест вдыхаемого воздуха, потом булкатенье в носу и наконец громоподобное «апчи».

Каждый раз после очередного «апчи!» дежурный вздрагивал, долго смотрел в нашу сторону, потом переводил взгляд на дубинку, которой (надо отдать должное его гуманности) он ни разу не воспользовался за свою долгое и напряженное ночное дежурство, по крайней мере, в моем присутствии, за

что ему от меня особая благодарность). А после этого тяжело вздыхал (как я его понимаю!) и возвращался к пасьянсу. Но поскольку в этой игре, по всей видимости, он был новичком, карты давались ему с немалым трудом, что не могло не вызвать нецензурных выражений. Это хоть как-то разнообразило мое невольное пребывание в этом узилище. Наблюдать за ним было забавно.

Матерные выражение доставались не нам, а виртуальным картам. Поэтому я отметил его в своем каталоге окружающих лиц как вполне интеллигентного, знакомого с общечеловеческими ценностями индивида. Ведь мог же отыгрываться и на нас. Так поступают многие: срывают зло на близких, потому что не могут сорвать его на обидчике.

Можно было бы тоже завалиться, погрузившись в сладкий сон. Ночью нужно спать, даже если под тобой не мягкий диван, а суровая реальность обезьянника. Но чего-то не спалось. А время тянулось так медленно. Я изредка поглядывал на часы, висевшие на стене. Стрелки, мне казалось, не двигались.

К тому же все свободные места были уже заняты. Недаром мудрая русская пословица гласит: «Кто первый встал, того и тапки!» Я был последним на этом пиру жизни. А потому должен был довольствоваться только сидячим местом, крайне жестким.

Заняться было совершенно нечем. Поэтому бросив несколько взглядов на юношу с феноменальным носом, я

спросил его (надо же было как-то убивать время, а он явно не спал):

– Как тебя зовут, товарищ по несчастью? О! мой бледнолицый брат! Отзовись, если ты меня слышишь!

Он взглянул на меня с благодарностью. У него были большие глаза, в которых горел неподдельный детский интерес к миру, как это бывает у наивных юношей, тонкие губы его раздвинулись в улыбке, нос дернулся вверх, а потом вернулся на место, и он произнес нараспев:

– Игорь! А вас? Как вас зовут? – спросил он, сама непосредственность, что мне его стало жалко. – Я тут сижу, и никто не разговаривает. Я сначала подумал, что это так и должно быть.

– А нас Романом зовут. Фамилию не буду называть. Здесь это не принято, Игорь. Уж я-то знаю здешние порядки. Поэтому слушайте меня, чтобы чего-нибудь не того, не правильно, то есть.

Парнишка был из стеснительных и поэтому не задавал вопросов, ожидая, что я, как более взрослый, а, значит, и более опытный, продолжу начавшийся диалог. По традиции дальше должен был последовать вопрос «За что сюда попал?». И откуда у меня взялся этот опыт? И я его задал. Мне было искренне жаль его. Понятно было, что сюда он попал по глупости.

– И за что сюда? – спросил я, поглядывая на его интересный нос, который пополз вверх. Вверху нос остановился на

некоторое время и двинулся вниз. – Игорь! Я задал вопрос.

– Да! Так получилось, – пожал Игорь плечами. Нос его, опустившийся вниз, опять начал движение.

Он махнул рукой. Нос его вздрогнул. Двинулся влево-вправо и замер, как будто чего-то ожидая. Взгляд его переполнился надеждой. И мне не хотелось его разочаровать.

– Ни за что! Сам не знаю за что., – пропищал он. – Взяли вот и забрали. А за что не знаю. Они мне ничего не говорили, просто взяли и забрали. И вот я здесь. А за что не понимаю.

Такой ответ и следовало ожидать. Все мы тут ни за что. Всех нас берут ни за что и забирают. И не пытаются объяснить, может быть, потому что у них ограниченный словарный запас?

Я кивнул. Потер себе колено. Левое. Почему оно болело? Может быть, я обо что-то ударился.

– Все у нас в руки доблестных правоохранительных органов попадают за что-то. Даром у нас не забирают. У нас же, Игорь, правовое государство. Разве вам об этом не говорили в школе?

И сам же усмехнулся, представив орган с руками. Например, печень, а у нее руки, такие маленькие ручки коричневого цвета с миниатюрными пальчиками. Ну, а раз руки, то должны быть и ноги, и рот, и глаза, и уши. Я мысленно нарисовал эту фантастическую картину, и моё душевное состояние сразу улучшилось. Всё-таки воображение – это великая

сила! И очень занимательная! Всё можно найти в самом себе. Я сам себе самый лучший друг и враг, разумеется. Вещь в себе, для себя и про себя.

– ... попадают ни за что! Хватают невинных граждан и волокут в кутузку. Но почему-то правоохранительные органы придерживаются противоположного мнения. Но это уже их проблема. Но они эти проблемы с удивительным мастерством делают нашими проблемами. Вот в чем беда! Беда, которая ломает нам жизни.

Игорь, как замороженный, не сводил с меня восторженно-го взгляда. Может быть, он не совсем понимал, о чем это я ему сейчас толкую? Нос его быстро шевелился. Глаза блестя.

– Игорь! Вот ты совершенно трезвый, аккуратно одет, симпатичный парень. И что же? К тебе прямо на улице подошли ребяташки в форме и предложили прокатиться до отделения? Ни с того ни с сего? Просто так? Скажи честно, как всё было в действительности!

Игорь так широко улыбнулся, что я уже стал опасаться за целостность его лица. Не разорвет ли эта широкая улыбка его щеки до ушей? Мне стало страшно за его симпатичное лицо. В общем-то неплохой парень, только слишком доверчивый. А в наше время лучше быть недоверчивым.

– Не! Дома взяли. Ну, я, в общем, коньячком приторговываю. Вот за это и взяли. Кто-то стукнул. Заходят. Я как раз деньги пересчитывал. Там и денег-то было немного.

– Сколько звездочек? – спросил я. – В коньяке это главное. Звездочки! Еще его называют звездным напитком.

– Какие звездочки? – Игорь удивленно смотрел на меня. Глаза у него были большие.

Понятно, Игорек ни сном ни духом не ведал про звездные коньяки. И, тем не менее, свое пойло он именовал этим громким словом, позоря тем самым благородный напиток. Но что не опозорено, не опошлено, не сфальсифицировано сейчас?

– Значит, ты покупал в пластиковых канистрах этот изумительный напиток, дома его разливал по бутылкам и продавал это и постоянным клиентам и случайным заходим? Я правильно излагаю? Менты к тебе подослали гонца. И взяли с поличным. И вот ты здесь. По дороге тебя еще настращали, что тебе светит срок и скоро ты отправишься топтать зону.

Игорек закивал. Нос ритмично поднимался вверх-вниз. Он смотрел на меня удивленно.

– А откуда вы знаете про это? – спросил Игорь, чуть подвинувшись ко мне и приоткрыв рот.

– Игорь! Поживешь с моё и не такое узнаешь. У меня богатый житейский опыт. Слишком!

– И что мне за это будет? Посадят? На сколько? В тюрьму или в лагерь? А вы уже сидели?

– Игорь! Если бы всех бутлегеров, ну, это те, которые нелегально торгуют алкоголем, садили, то наша родина бы обезлюдела, некому было бы обрабатывать нивы, стоять за

станком, изобретать сверхмощное оружие и охранять необъятные рубежи нашей отчизны от многочисленных врагов. Стране это надо? Конечно, нет. Так что будь спок!

Из моей красивой тирады Игорь понял только одно, что его не посадят, и с облегчением вздохнул. Нос порозовел. Он улыбнулся. Улыбка у него была по-детски наивной.

– Но штраф тебе придется заплатить. Это как пить дать! Деньги стране тоже нужны.

– Штраф? Но у меня нет денег! Откуда у меня деньги? Я не смогу заплатить. И что тогда?

– Не бойся! Ты за день торговли всё вернешь с лихвой. Некоторые всю жизнь платят штрафы и, тем не менее, делают крупные состояния. Таковы правила игры, и не нам их менять.

– А что можно будет опять торговать? Так да? Ну, заплатил штраф и опять торгуй? Так да?

– Не можно, а нужно. Тебе же надо одеваться, питаться, дарить девушкам цветы. Ходить по ночным клубам. Заправлять своего «железного коня». Надеюсь, он у тебя имеется?

– Я не дарю девушкам цветов. У меня нет девушки. А «железный конь», в смысле мотоцикл?

– Нет девушки? Ну, это поправимо! А теперь, Игорек, давай обопремся спиной о стену, откинем наши несчастные головы и попытаемся под аккомпанемент нашего третьего товарища по несчастью немного вздремнуть. Завтра, уверяю тебя, у нас будет напряженный день. Хотя завтра уже на-

ступило. Значит, сегодня. Хорошо? Если мы немного не поспим, то не сумеем достаточно разумно отвечать на вопросы следователя.

Я так и сделал. Закрыв глаза и стал ровно и спокойно дышать, чтобы погрузиться в освежительный сон. Но сон не приходил. Зато лезли всякие мысли на счет того, кто же меня так красиво подставил. Всё сходилось на том, что это могли быть только мои новые знакомые, студенты-медики. Напугались, что я их всё-таки заложу, и решили сработать на опережение. Молодцы ребята! Выходит, что я их недооценил. Ну, что же! Я на них не в обиде. Они использовали своё право на самозащиту. Теперь попробуй докажи, что ты не верблюд! Сколько же дают за дурь? Три? Пять? Десять? Одно плохо, что нельзя скоротать срок за бутылочкой водки, тогда бы время не тянулось так утомительно долго. Зато другой плюс! Сколько я сэкономлю бабушкиного наследства! Надо как-то посчитать на досуге. Думаю, что цифра приятно порадует меня. И мне вполне хватит на безбедное существование после отсидки. Главное дожить до этого момента и не растерять остатки здоровья. Тюремный воздух явно не способствует его укреплению.

– Мужики! – раздался хриплый голос. – Эй, там на палубе! Полундра! Блин! Слышь, как там вас?

Я вздрогнул. Наш спящий товарищ приподнялся на локте, показав свое небритое долгое время и опухшее личико, изборожденное глубокими морщинами, с которых скопилась

грязь.

– Мужики! Дайте закурить! Уши пухнут! Блин! – застонал он, протягивая ладонь с коричневыми от курения пальцами.

– У меня нет, – сказал я. – Так что извини, друг! Ничем не могу помочь твоему горю.

– У меня тоже! – испуганно произнес Игорь. И отодвинулся. Бомжа он явно боялся.

– Э! блин! – простонал он. – Что за дела? Мне никак нельзя без курева, иначе мне будет плохо.

Неопрятный товарищ поднялся и, шатаясь, подошел к решетке. Схватился двумя руками за прутья, стал их трясти, как будто проверяя на крепость. Ни единого звука. Хорошая работа!

– Старшой! Дай закурить! Уши пухнут. Блин! – простонал он. Так стонут, когда тебе больно отдавят ногу.

Дежурный повернулся. Лицо его исказила гримаса презрения. Даже щеки побагровели. Брови его сдвинулись к переносице. Он какое-то время молча рассматривал бомжа.

– Я тебе сейчас так закурю, что губы будут такими же пухлыми, как у Маши Распутиной. Понял? – он выговаривал слова рывками, как бы рывкая на того, кого считал злоумышленником.

– Слухай! Ну, чего ты? Будь человеком! Я же страдаю. А чему учит церковь: помоги страждущему и страдающему и за это попадешь в рай. Вот как! – проговорил бомж и хрипло рассмеялся.

– А ты никак попом был? А? смотри, какие речи толкаешь. Прямо соловьем поешь, обсосок!

– Дай сигаретку, я тебе еще не такое расскажу. Ну, пожалуйста! Чего жадничаешь? Не обеднеешь!

– Я не курящий. Пошел на фиг! Прижмись на скамейке и не твякай. Воздух только отравляешь.

Бомж выругался и плюнул под ноги. Дежурный поднялся, потянулся за дубинкой. Левая щека у него задергалась. Он шагнул к обезьяннику. На ремне у него звякала связка ключей.

– Ну-ка, вытер немедленно! Ублюдок! – прошипел он. – Оглох что ли? Я кому говорю?

– А то чо? Чо будет-то? – ехидничал бомж, но всё-таки отошел от решетки и оглянулся на нас.

– А то вот чо! Сейчас узнаешь. Ты же завсегда у нашего заведения. Порядки знаешь.

Он погрозил дубинкой. И снова опустился на стул. И направил взор на монитор на тот самый пасьянс, который ему никак не давался.

– Ага! Вот это только и можете, народ дубасить. Управы на вас нет! Да, ладно! Ладно! Не залупайся! Вытру! Подумаешь делов! – проворчал бомж. – Драться только и умеете.

Бомж наклонился и краем штанины вытер плевком. Кряхтя, выпрямился. Поглядел на дежурного.

– Берут невинного человека, бросают на нары, еще и курить не дают, изверги рода человеческого. Блин! А ведь еще

должны кормить, если задержали больше, чем на сутки.

Он снова улегся на лавку и тут же засопел. Счастливый человек! Ему по барабану, что мы должны моститься с краю. Такой нигде не пропадет! А в тюрьме тем более! Но ладно! Что же мне теперь делать? Неужели я влип по-серьезному или как-то можно вывернуться? Тут бы пригодился совет бывалого человека. Я тронул бомжа за плечо и потряс его. Он замычал. Перестал сопеть, перевернулся на спину и поглядел с недовольством.

– Какого еще надо? – пробормотал он, приподымая голову. – Чего мешаешь отдыхать?

– Слушай, друг! Поговорить надо! Ты человек опытный, тертый, все ходы и выходы знаешь! – льстил я ему, улыбаясь. – С кем и консультироваться, как не с тобой.

Бомж сел. Крякнул. Вытер тыльной стороной ладони губы. Они у него были покрыты налетом.

– Кстати, Юрик! – проговорил он. – Юрий Григорьевич! Можно просто Юра. Даже Жора.

Протянул ладонь. Я поглядел на его руку. Тут не то, что перед едой, но вообще их не моет.

– Роман! – отчеканил я. – Можно просто Рома. Мама меня в детстве Ромашкой кликала.

Пришлось пожать его ладонь. Он откликнулся очень вяло, видно, напрягаться было не в его правилах.

– Очень приятно, Рома! Плохо только, что ты не куришь, – вздохнул он, почесывая грудь.

– Кто из людей без недостатков? Тут, Юра, такое дело. Я впервые попал в подобный переплет. Мне бы совет нужен. А? – посмотрел на него вопросительно. – Проконсультируй!

– Говори, только как на духу. Я не насадка, не боись! Чем смогу, помогу. Блин! Я не отказываю, если просят.

– В общем, мне подбросили пакетик с какой-то дурью в квартире. Пришли менты и повязали меня. Вот такие дела? Я понимаю, что дело очень серьезное и можно так загреметь.

– Мусора сами подбросили? Или пользуешься? Если пользуешься, лучше брось. Долго не протянешь.

– Да нет! До них кто-то. Скорей всего! Сроду этой дурью не маялся. Я в основном водочкой.

– И не знаешь кто? Как? Вспомни, кто у тебя бывал. Может быть, дверь оставлял открытой.

– Не знаю. В том-то и дело. Даже ума не приложу, как он мог у меня оказаться в шкафу.

– Подумай! У кого-то на тебя зуб? Кому на хвост наступил? Вот и решили отомстить.

– Мне за это реальный срок светит? Или как-то можно? Есть какие-то ходы-выходы?

– Без бэ! С этим строго. Сроки такие реальные дают, что мало не покажется. А если еще приторговывал...

– И ничего нельзя сделать? Никак? Как-нибудь выкрутиться? Чтобы хоть поменьше намотали.

– Ну, почему же? Можно нанять хорошего адвоката. Только это очень дорого. Или следователю, который будет вести

твое дело, предложить барашка в бумажке. Это тоже дорого. Здесь помногу берут. И опять же на кого нарвешься. Надо знать наверняка, что берет.

– Нет! Для меня это не подходит. Я бедный. И как-то никогда никому не давал. Вряд ли у меня получится.

– Ну, тогда готовься обживать нары на несколько лет вперед. Дурь себе могут позволить только богатые. Их и менты не трогают, потому что зачем им лишняя головная боль.

– Всё так плохо? – спросил я упавшим голосом. Как говорится, всё внутри меня похолодело.

– А то! Блин! – Юрик хлопнул себя по ляжке. – Им же закрыть какого-нибудь бедолагу – хлебом не корми.

– Ну, спасибо, Юрик! Утешил! Теперь я с надеждой смотрю на будущее, – пробормотал я.

– Вот если бы ты знал, кто тебе эту пакость сделал, то можно было бы попытаться с ник как-то договориться. Хотя тоже... Может, ничего и не получится. Тут раз на раз не приходится. Тоже...

– Что тоже? Ты определенно говори, а то как будто инструкцию к бытовому прибору читаешь.

– Вряд ли! Если твой злопыхатель решил тебя упрятать, он не пойдет уже на попятную. Как пить дать! Ему важнее отомстить тебе, чтобы ты на нарах парился. Бывают такие паскуды.

– Ну, ладно! Отдыхай! Извини, что потревожил. Тебе бы консультантом! Всё на кусок бы хлеба заработал.

Бомж снова завалился. Я откинулся к стене. И прикрыл глаза. Ни о чем не хотелось думать.

– А это... Ну! Я чо хочу... Послушайте меня, Роман! Я вот что хочу сказать. Ну, спросить!

Справа за рукав меня дернул Игорь. Я повернулся. Он смотрел на меня большими глазами.

– А больше ключа от вашей квартиры ни у кого нет? Может, тот, у кого есть ключ? И того...

– Игорь! Открыть квартиру сейчас не проблема. Это делают даже некоторые студенты одного возраста с вами. У них такое хобби. Открывать чужие двери беспечных людей.

– А может, кто-нибудь заходил к вам? Вспомните! Не мог же пакетик сам появиться, – тараторил Игорь. – Если не вы, то, значит, кто-то. Нужно вычислить этого человека.

– Игорь! Я старый одинокий человек, меня не любят девушки. И никто ко мне не приходит. Надо подремать, Игорь! Извини! Тебе тоже не помешает отдохнуть. Баю-бай!

Я снова закрыл глаза. Значит, тупик. Вот, ребятки! Хорошо вы меня законопатили! Далеко пойдете! Не то, что этот недотепа, Игорь! Игорь! Игорь! Хороший парень, но малахольный! А таким трудно в наши прагматичные времена... Погоди! Погоди! Он спрашивал: не заходил ли кто ко мне. А ведь заходили! А баба с мужиком? Еще ей стало плохо, и я пошел за водой на кухню. Им ничего не стоило подбросить мне дурь. А потом позвонить в ментовку. Но зачем? Совершенно незнакомые люди. Зачем им подставлять меня? Со-

вершено незачем! А что они заходили? Показывали объявление в газете о том, что я продаю квартиру. Стоп! Но я же не продаю квартиру и никакого объявления не давал. Значит, кто-то сделал это за меня. Но зачем? Бред какой-то! Сначала с этим трупом, а потом с продажей квартиры. Значит, всё-таки студентики, тем более им никакого труда не составляет открыть дверь. Ну, ладно! Как говорится, от суммы да от тюрьмы не зарекайся. Утро вечера мудренее. Нужно попробовать заснуть, завтра мне потребуется свежая голова.

Живой Крюк

Всё-таки мне удалось подремать. Не знаю, сколько времени. Но очнулся я уже освеженным. За окном рассвело. Вместо прежнего дежурного за столом сидел другой. Пасьянс он не раскладывал, а пил чай с маленькими такими сушечками, которые громко хрустели под его зубами. Юрик продолжал сопеть. Игорь сидел, сложив руки на животе. Нос его был белее стены. И совершенно неподвижен. Значит, его ничто не беспокоило.

– Я не храпел, Игорь? – спросил я его. – Может быть, мешал тебе заснуть? Привычка, конечно, хорошая, но не в компании.

– Нет! Нет! Что вы! – скороговоркой заговорил он. Нос его задвигался. – Не храпели!

Первого выдернули бомжа. Его куда-то отвели. Интересно, что он натворил? Хотя мне это совершенно неинтересно. Кажется, ему без разницы, где ночевать. Здесь даже лучше.

Следующим забрали Игоря. Я приветливо ему помахал. И пальцами показал победу. Игорь виновато улыбнулся. Нос его несколько раз дернулся вниз и вверх. Волнуется.

– Всё будет нормально, Игорь! А самопальным алкоголем бросай торговать. Денег не зарабатываешь, а неприятностей огребешь полной лопатой! – был мой последний совет. – И заведи себе хорошую девчонку. Ты же прекрасный парень! Тебя обязательно полюбят.

Хотя кто я такой, чтобы давать советы. Сам-то я ничем толковым в своей жизни не занимался. Может быть, хоть тюрьма перевоспитает меня? Одна надежда осталась. Эхехе! Грехи наши тяжкие. Не знаю, сколько времени прошло. Но тянулось оно утомительно долго. Наконец за мной пришли и повели на второй этаж, потом вдоль длинного коридора, остановились перед дверью. Я прочитал фамилию, имя и отчество следователя. Какой он? А, впрочем, ... Он был молод и серьезен. Что не предвещало ничего хорошего.

Худое скуластое лицо. Он даже не поднял головы, когда я зашел, занятый чтением бумаг. Потом бросил на меня взгляд и молча показал на стул. Я опустился и стал ждать, когда на меня обратят внимание. Потянулись долгие минуты. Да это же он специально делает, чтобы я поволновался, потерял бдительность, стал мягким, как пластилин. Ладно, следователь Петров, поглядим, кто кого еще переволнует. Я стал рассматривать маленькую комнатку. Ничего замечательного. Обыкновенный бюрократический кабинет для мелких со-

шек типа моего следователя. Старый облезший стол. Под квадратным стеклом, вынутым из списанного развалившегося шкафа, календарь.

– Это ваш паспорт? Поглядите! – требовательно произнес следователь, протягивая мне паспорт.

Я кивнул. Следователь опустил голову. И углубился в чтение и рассматривание моей рожи.

Он прочитал мои паспортные данные. Вслух. Отчетливо выговаривал каждую цифру.

– Всё правильно? Нет ошибки? – еще более сурово спросил он. – Ну, чего вы затихли?

Я снова кивнул. Он заглянул мне в глаза. На его лице было написано явное презрение.

– А вы немногословны. Не любите говорить? Или думаете, что в этом кабинете можно отмолчаться? Или вы по натуре молчун?

Я кивнул. Он пододвинул к себе папку. Раскрыл, прочитал первую бумагу и отложил ее.

– Давно балуетесь наркотиками? Когда это у вас началось? Только говорить надо правду!

– Как только родился, так сразу и ширанулся. Кайф обалденный! Сразу отказался от соски.

– Шутить любите? Это хорошо! – зловеще прошипел следователь. – Ну-ну! Шутите – шутите!

– А что мне еще остается делать в моем положении? Плакать? Так я платочка с собой не захватил.

– Ничего скоро заплачете и умоетесь кровавыми соплями. Это я вам обещаю. Этого у вас будет в избытке.

Меня отвели в камеру. Я поздоровался. За столом у окна сидело трое мужиков. Двое в полосатых майках, а третий обнаженный до пояса и густо покрытый татуировками. Даже на лбу у него была наколота звезда, разбрасывающая лучи во все стороны.

– Здорово, коли не шутишь! – ответил за всех троих самый здоровый из них и самый старший. Видно, он тут числился хозяином, поэтому я решил обращаться к нему. Надо войти к нему в доверие. И лучше это сделать сразу. Потом может быть уже и поздно будет.

– Кем будешь? Не поделишься? – спросил хозяин равнодушным голосом, как будто это делал только из обязанности.

Я представился. Узнав за что я попал, старший поморщился. Почесал грудь. Кивнул лысой башкой.

– Значит, нарик? Ширяешься? – тон его стал насмешливым. Но это лучше, чем если бы он угрожал мне.

– Да нет! Подкинули. Я алкаш вообще-то. Водочку люблю, пиво, винцом разгоняюсь.

– Мусора, значит? Так? Сам видел или они тебе сказали? Они порой очень откровенны.

– Вряд ли. Кто-то побывал до них. Скорей всего! Пакетик нашли в коридорном шкафу.

– И не знаешь даже кто? Бухой был? Гулял, может, с кем-нибудь, а тот спрятал или спецом сделал.

– Даже не догадываюсь. Наверно, в мое отсутствие. У меня уже открывали дверь юные специалисты.

– Крепко ты залетел, парень! Суд даже сильно разбираться не будет, влепит срок. Как пить дать! Они с нариками не церемонятся. И всегда определяют вышку. Для отчетности это им вот так нужно.

Я вздохнул и стал раскладывать матрас. Какой-то он был липкий. Видно прежний владелец его сильно потел.

– А прописочка? – воскликнул низенький смуглый парнишка в полосатой майке. – Таков порядок!

Двое его товарищей переглянулись. Я напрягся. Уже был наслышан о тюремном беспределе. Неужели началось? Я стоял спиной к ним и напряженно соображал, что же мне делать. Подчиниться им? И тогда они неизвестно что сделают со мной. Одно ясно, что ничего хорошего меня не ожидало. Или оказать сопротивление? Но один против троих? Я бы против одного не устоял. А тут сделают инвалидом, и все равно поступят по-своему. Теперь только старшой мог спасти меня. Если он одобрит, мне крантец.

Я повернулся к столу. Двое с ухмылкой смотрели на меня, но лицо старшого было серьезно и это почему-то обнадежило. Если он законник, беспредел ему не нужен. Лишняя головная боль.

– Так прописку же давным-давно отменили! – сказал я, стараясь изо всех сил скрыть свое волнение. – Это противоречит демократическим принципам нашей исправительной

системы.

Парнишка оглянулся на старшего. Но, не дождавшись никакой реакции, снова занялся мною. Правая щека его приподнялась. Он сощурил глаз, подмигнул подельникам.

– Как отменили? Почему я об этом ничего не знаю? А может быть, ты врешь? А врать нехорошо! За это ай-я-яй бывает! Взрослых дяденек обманывать очень нехорошо! Они этого очень не любят. Зачем ты хотел обмануть взрослых дяденек? Тебе разве мама не говорила, что обманывать нехорошо? Ну, чего ты глаза отводишь? Крюк! Он нас хочет обмануть! Это же нехорошо? Обманывать уважаемых людей – это нехорошо.

Крюк? Не может того быть! Я повернулся к столу и внимательно всмотрелся. Да, несомненно, это был он. Даже наковки такие же! Но этого не могло быть! Как зомби, я приблизился к столу и медленно опустился на скамейку. Быстро глянул на Крюка и отвел взгляд. От него это не укрылось. Он усмехнулся, медленно осмотрел меня.

– Ты чего, парень? Так сильно напугался! Да не бойсь ты! Никакой прописки не будет! Это у него шутки такие! Мы мирные люди, и наш бронепоезд стоит на запасном пути, – улыбаясь, проговорил Крюк. Отодвинул пустую кружку от края стола.

– Простите! Но я вас, вот как сейчас, видел мертвым с ножом в груди, – сказал я и тут же пожалел о сказанном. Наверно, не стоило говорить об этом. Но слово – не воробей.

Крюк переглянулся со своими товарищами. Лицо его стало мрачным. И взгляд озабоченным.

– Говоришь, мертвым? С ножом? Как сейчас? Так? – задавал он вопросы. – А ну-ка подробнее.

– Да! Да! Именно так! Какая-то мистика, – лепетал я. Кажется, залетел. Черт меня дернул за язык.

– И где ты это видел? Ну! – Крюк выбросил ладони на стол и сжал их в кулаки. На каждом пальце была какая-нибудь наколка.

Рассказать всю правду? Но тогда они могут найти медиков и неизвестно, что с ними сделают. Скорее всего, сделают что-нибудь нехорошее. Как-никак кощунство над трупом. Да и я бросил его в мусорном баке. За это тоже по головке не погладят. Потому что ее оторвут самым примитивным способом.

– Ну, хоть это и не приветствуется здесь, у меня одноклассник в ментовке служит. Он мне показывал фотографию в морге. И сказал, что это Крюк. Там еще и фамилию, имя, отчество, но это я не помню. И сказал, что это авторитет. Что всяк, убийц, скорее всего, не найдут, – пробормотал я скороговоркой, смотря в угол. – А ментам, сами знаете, лишний всяк не нужен...

На этот раз мой юный следователь сразу взял с места в карьер. Я, признаться, даже не ожидал от него такой ретивости. Глаза его блестели. Он лихорадочно потирал руки.

– Отвечать быстро и не задумываясь! – проорал он визливо, едва я опустился на стул. Пронзил меня своим взгля-

дом. – Понятно? Я хороший психолог. Лучше всякого полиграфа ложь чувствую.

– Слушаюсь, гражданин начальник! Отвечать быстро и не задумываясь! – рявкнул я.

Вытянулся, насколько мог, на стуле в струнку. Полянский Юрий Михайлович, так звали моего следователя, посмотрел на меня с нескрываемой ненавистью. Да, я, конечно, виновен, поскольку мешал ему сделать звездную карьеру. Вот всем попадаются нормальные подозреваемые, а ему какой-то урод! Как же он меня ненавидел! Всем своим следовательским существом. И конечно, считал меня последним подонком.

– Где берете наркотики? Фамилии! Адреса! Быстро! Не задумываясь! – брызгал он слюной. Я чуть наклонился в сторону. – Кто поставщик? Фамилия! Кому сбываешь дурь?

– Наркотики нигде не беру и не пользуюсь ими! – четко и быстро отчеканил я согласно полученному свыше приказу. – Честное пионерское, гражданин начальник! И глубоко презираю тех, кто употребляет подобную гадость, тем самым собственными руками роя себе могилу.

– Ответ неверный! Кто у вас покупает наркотики? Фамилии! Адреса! Быстро! Не задумываясь! Смотреть в глаза! – в голосе его была такая жесть. – Не отводить глаз! В глаза мне!

– Наркотики у меня никто не покупает, поскольку таковых я не имею! Я водочку люблю. И склонен к злоупотреблению. Но употребление водки не относится к уголовным преступ-

лениям.

– Где у тебя хранятся наркотики? Быстро! Не задумывайся! В глаза! – он еще дальше вытянулся над столом.

– Мы на брудершафт не пили! И прошу вас обращаться ко мне на вы! Иначе я не буду больше отвечать на ваши вопросы. Даже подозреваемый имеет право на уважение.

Юрик зловеще улыбнулся и замедленно проговорил со змеиной улыбкой, протянув ко мне указательный палец, как на том знаменитом плакате «Ты записался в добровольцы?»:

– Где у вас хранятся наркотики? Можете подумать и не торопиться с ответом. Я терпеливый, – уже спокойней проговорил он и опустил на свой мягкий канцелярский стул.

– Мне не нужно задумываться над этим вопросом, гражданин начальник. Поскольку никаких наркотиков у меня не было и никогда в жизни я их не употреблял. И другим не советую. Конечно, алкогольные напитки тоже не прибавляют здоровья, но всё-таки лучше иметь дело с ними.

– Значит, выходит, по-вашему, что наркотики вам подбросили? Так? Я ничего не путаю?

– Именно так, гражданин начальник. Пакетик с порошком неизвестного происхождения был мне подброшен.

– Разумеется, полицейские? Так? Это обычные отмазка, что менты сами и подбросили.

– Нет, не разумеется. Вряд ли они могли подбросить, поскольку я стоял рядом с ними. Я бы увидел. Сержант заглянул в платяной шкаф, потом в тужике нашел пакетик.

– А кто же тогда? Фамилия? Адрес? Назовите, кого вы подозреваете в том, что он или она подбросили вам наркотик!

– А вот этого я не знаю. А то бы непременно назвал. Тем самым облегчив работу следствия.

– Забавная получается ситуация! Не находите? У вас находят наркотики. Вы уверены, что полицейские их не подбрасывали и в то же время уверены, что кто-то их вам подбросил. Какое-то противоречие! А до этого никто в вашей квартире не появлялся.

– Да разве ж не ясно! Ведь кто-то же позвонил в участок. И тот, кто позвонил, тот и подбросил. Полицейские же не могли просто так среди ночи пожаловать ко мне в квартиру?

Я тяжело вздохнул. То, что было ясно мне, вызывало сомнения у молодого прыткого следователя...

Крюк, а точнее Юра Ломаный, был братом-близнецом убиенного. Когда он догадался, что меня сунул в их камеру следак, то пришел в ярость. Лицо его покрылось пятнами. Он отхлебнул чафира, передал кружку и воскликнул не без пафоса:

– А вот им! Волосатый! В одно место, которое они протирают в своих креслах, козлы.

Он сделал характерный жест. Сокамерники заржали. Мне тоже не оставалось ничего иного, как улыбнуться.

– Чтобы Ломаный работал на мусоров! Нет, надо же такое сотворить: сунули фраерка в камеру к братве!

Он с ненавистью поглядел в сторону дверей. Потом в мою

сторону. Взгляд его смягчился.

– Кто этого парня тронет, тот, сами знаете... Беспредела у меня в хате не будет. И скакать под их дудочку мы не будем.

Посмотрел угрожающе на сокамерников. Те молча кивнули. Так что и тут Юрий Михайлович Полянский обломился. Допросы шли со скрипом. Никаких веских доказательств моей вины найти он не мог, хотя стопа протоколов росла к потолку. Также росла его ненависть ко мне. Я стал для него личным врагом, которого, дай ему такую возможность, он бы приговорил к высшей мере социальной справедливости. Едва меня заводили к нему в кабинет, как его лицо начинало наливаться кровью, щеки и губы нервно подергивались. Мне было искренне жаль его. А вдруг его прямо во время допроса хватит кондрашка? И ведь я буду виноват в этом! Такого я себе бы не простил. Но увы! Чем я мог ему помочь? Признаться, что я наркобарон, ворочаю тоннами героина и гребу огромной совковой лопатой конвертируемую валюту на свои иностранные счета? Понятно, что он ждал именно такого признания, ему этого вполне хватило бы, даже без всяких доказательств моей вины, и он с чувством исполненного долга отправил бы мое дело в суд. Но я из-за противности характера никак не хотел удовлетворить этого его желания. В чем порой себя укорял. Мое дело никак не двигалось с мертвой точки. Нервы Юрия Михайловича окончательно сдавали. Он всё чаще и всё громче кричал. Тема была одна и та же. Что я мразь и подонок, что он будет всю свою сознатель-

ную жизнь уничтожать мразь и подонков, что вор должен сидеть в тюрьме. Порой кричал так громко, что другие работники этого уважаемого учреждения заглядывали в кабинет. Мало ли что! А вдруг подозреваемый сорвался с тормозов и совершает насильственный акт по отношению к своему следователю, например, лишает его мужской чести. Пошутил, конечно, неудачно. Но удачно у меня как-то не получается. Сказывается аморальный образ жизни.

– Значит, всё упорно отрицаете, подозреваемый, тем самым усугубляя свою вину? Так?

Начинается сказка про белого бычка. А у него получается доставать. Мне это уже начинало надоедать.

Я вздохнул и посмотрел на зарешеченное окно. Неужели несколько лет я буду видеть улицы, деревья, мирных обывателей только через решетку? Да! Перспективка! И Юра Ломаный не вселил ни малейшей надежды. Напротив. Разочаровал.

– А что, гражданин начальник, открылись какие-то новые обстоятельства? Не будете ли столь любезны сообщить мне о них? – проговорил я вкрадчиво, надеясь смягчить его.

– Здесь вопросы задаю я! Запомните раз и навсегда! – рявкнул он. Занес кулак над столом.

– Приношу глубочайшие извинения! Оплошал! Забылся! Возомнил! Больше не повторится! – стал я поспешно извиняться. – Со мной иногда подобное бывает. Забываю про субординацию.

– Всё продолжаете паясничать? В вашем-то положении? Не советовал бы! Плакать надо!

– Да что вы? В моем-то положении? Напротив, стараюсь выказать глубочайшее уважение к самой справедливой и гуманной правоохранительной системе. И ее работникам, разумеется. Может быть, я недостаточно корректно выразился? За что приношу глубочайшее извинение.

– А язычок у вас, я смотрю, хорошо подвешен. Оно и неудивительно. Гуманитарный факультет. Расплодили болтунов! А делом заниматься некому. Кругом только и знают, что болтать.

– Да! Да! Согласен! Я бы на месте властей предержавших давно закрыл эти рассадники болтунов. А их отправил бы на стройки капитализма. Желательно поближе к полярному кругу.

Следак хлопнул кулаком по столу. Удивительно, но стекло, под которым лежал календарик, фотография курносой девицы, вероятно, невесты, и еще несколько бумажек, не раскололось. А может быть, где-то изготавливают специальное сверхпрочное стекло для деловых кабинетов? Учитывают при этом силу кулачных ударов. Или силенки в кулачке у него было не так-то много, чтобы раскалывать стекла?

Если бы только Юрий Михайлович знал, что происходило каждый раз после моего возвращения в камеру, он бы, несомненно, застрелил меня из табельного оружия, если таковое у него имеется. Ну, а в худшем случае забил бы насмерть

толстым томом уголовно-процессуального кодекса, который сиротливо красовался в шкафу. Мои рассказы об очередном допросе, оживляемые тонкими наблюдениями за физиогномикой следователя, вызывали приступы гомерического хохота у моих сокамерников. Если бы он только услышал, каких лестных характеристик его удостаивают, он бы нашу камеру превратил в газовую камеру. Мне порой становилось его по-человечески жалко. Ну, должно же быть в человеке и что-то хорошее, привлекательное! Не может же он быть сплошным сосредоточием недостатков и пороков, которые ничего, кроме юмора и сарказма не вызывают. А может быть, он хороший заботливый сын или любящий и нежный жених? Разве такого нельзя допустить? Или закончил юридический факультет с красным дипломом? Может быть, он коллекционирует бабочек или фантики от шоколадных конфет?

– Слушай! – сказал мне Юра Ломаный, угощая меня чафиром. – Ты же говорил, что у тебя есть мусор знакомый. Ну, который тебе показывал фотки. Вы с ним хорошо дружите?

– Да учились вместе, – вяло ответил я. – А сейчас почти и не встречаемся. Вот раз как-то пересеклись совершенно случайно. Как-то так получилось. Посидели, поболтали.

– Ну, так чего ты, Рома? Звони ему! Чего тянуть кота за хвост? Тут такое дело, что не требует отлагательства.

Я пожал плечами. И вздохнул. Вот чего мне совершенно не хотелось делать, как звонить Пинкертону.

– А не запахло будет? Всё-таки мусор! Как-то не того! Мы

же по разные стороны баррикад.

– За падло без вины париться на нарах. Звони! А про баррикады будешь впаривать, когда окажешься на воле.

– Ну, а как же телефон? Следак меня и на пушечный выстрел не подпустит. Скорее убьет! Такие у нас прекрасные отношения. Я, наверно, у него ни один год жизни отнял.

– Блин! Нашел проблему! Если деньги есть, тебе хоть что сюда притащат! Хоть рацию! Здесь же всё, Рома, продается и покупается. Чем больше денег, тем легче сидится.

– С собой, конечно, нет. Но если позвоню, то деньги будут. Зуб даю! В кредит же можно?

– Ну, и всё! заметано! Завтра у тебя будет телефон. Но учти, тут каждая минута в другом тарифе оплачивается. Тут – это не там. Бобику надо отстегнуть, который телефон отстегнет.

– Да это понятно! Как говорится, мы за ценой не постоим. Тюремный роуминг, что ж тут непонятного?

Хоть мне и не хотелось снова загружать Пинкертон, но утопающий хватается и за соломинку. А вдруг вытанцуется! Больше мне надеяться было не на кого. И не на что?

На следующий день, действительно, после обеда, когда стражники замирают, затихают, потихоньку подремывают на своих постах, кормушка приоткрылась. Ломаный бросился к двери. Наклонился над окошком. Все притихли и стали прислушиваться.

– А баблос? – спросили с той стороны. – Тариф же знаешь?

Меня же тоже по головке не погладят, если что.

– Баблос будет, еще и чаевые получишь. Мое слово – олово! Или ты сомневаешься?

– Пять минут! Не больше! Ни секундой! И тихохонько так! Не орать на всю тюрьму! Ясно?

– Заметано! Давай! А ты не мог еще из музея что-нибудь принести? Смотри, чтобы работал!

В школе у меня были пятерки по математике. Хорошая память на цифры. Достаточно два-три раза взглянуть и я запоминал любую комбинацию. Так что номер я помнил. Его даже мои пальцы запомнили, и я мог набрать его с закрытыми глазами.

– Рома! Где ты пропал? – услышал я знакомый голос. – Дважды тебе звонил, вне зоны доступа. Телефон заряжать надо. Я понимаю, что ты им редко пользуешься, можно сказать, что почти не пользуешься...

– Подожди, Толик! Я по-крупному вляпался. По самые уши! Хуже не бывает. И сам я ничего не сделаю.

Я кратко обрисовал ему ситуацию, не вдаваясь в подробности. Пинкертон тяжело сопел в трубку.

– Вот мудак! – выругался он. – Да тут всё ясно, как божья роса. Ладно! Посиди немного и не дергайся. Если следак опять тебя выдернет, не говори ничего определенного. Так вокруг и около. Я немножко разгребусь и займусь твоим делом. Пока! Держи хвост пистолетом! Как сидится? Не обижают тебя? Еще и к уголовникам, суки, сунули.

– Толя! Мне нужно рассчитаться за телефон. Тут с этим строго. Как карточный долг.

Я назвал сумму. Услышал смешок. Товарищи по несчастью внимательно наблюдали за мной.

– Ого! Как подскочили тюремные тарифы! Блин, что я не пошел в каталажку работать! Ладно! Понял! Всё будет! Главное, сиди тихо и не высывайся. Не вздумай проявлять инициативу!

Ломаный, вернув телефон, поманил меня. Я присел рядом. Улыбнулся ему. Всё же он мне помог.

– Деньги будут! Заметано! Зуб даю! Ну, кажется, дело выгорает. Если он берется, то всё доводит до конца. А деньги скоро будут!

– Да это само собой! Но услуга за услугу. Ты должен узнать у своего мента про братана. Что-то там всё так темно, как в заднице у негра. Может быть, хоть он прояснит. Какие-то сплошные непонятки. И братки почему-то молчат, совершенно не в курсах.

Я кивнул. Время пока есть обдумать, что выложить Ломаному. Чтобы и волки были сыты и овцы целы. Тут, как у саперов: ошибаются только один раз, расплачиваясь жизнью.

Она нечаянно нагрянет

На следующий день меня, как обычно, выдернули. И представьте мое удивление, за столом сидел не мой обожаемый следак Юра, а грозный Пинкертон. А Юра сиротливо жался у подоконника, прикрывая ладонями пах. То ли Пинкертон

пнул его коленом?

Пинкертон поднялся, обнял меня за плечи. Улыбнулся. Похлопал и потряс, как грушу.

– Похудел, Рома! Ну, рассказывай всё подробно! А то тут твой следователь такое наплел! Под вышку тебя хочет подвести! Я правильно излагаю, Юрий Михайлович?

Юрик был явно напуган. Кивнул. И отодвинулся подальше в угол. Девице под стеклом на столе не было.

Потом он беззвучно пошевелил губами. И тихо промычал. Пинкертон, показывая на него пальцем, громко проговорил:

– И знаешь, что мне этот прыщ сказал? Вы, говорит, не мой начальник! Прикинь! Юрик! А если я на вас эсэс натравлю! Это как? Ну, что, Юрий Михайлович, молчишь? Совсем страх потеряли?

– Это что еще за бяка? – удивился я. – Фашисты что ли? Так у нас вроде бы они вне закона.

– Это, Рома, не бяка, это им полный крантец. Служба собственной безопасности. И есть у них там полковник Клещов. И надо же с фамилией как повезло. У него просто мания, страсть выводить на чистую воду, точнее на красную зону, оборотней в погонах. Что, Юрик, скажешь, что у вас тишь да гладь? Да Божья благодать? Басни мне будешь лепить?

Юрий Михайлович передвинулся поближе к окну и с тоской поглядел на заоконный пейзаж. Мне было его искренне жалко. Конечно, сволочь он порядочная, но зачем Пинкертон с ним так жестко. Просто глупый молодой человек! На-

до же войти в его положение! Хотя лучше этого не делать, чтобы потом не мучили угрызения совести.

– Рассказывай! Всё, как на духу! А чего стоишь-то? Вот присаживайся к столу и валяй!

Я рассказал про обыск. Про понятых. Как меня поместили в обезьянник, а потом в следственный изолятор.

– Уверен, что не подкинули? – Пинкертон смотрел прямо в глаза. Такому врать опасно.

– Ну, да! Я же стоял всё время рядом с ними. Заметил бы, если чего-то попытались засунуть.

Пинкертон пожал плечами. Расстегнул курточку и сел против меня на место следователя.

– Ага! А раньше к тебе никто не заходил? Ну-ка, вспоминай! Хорошенько вспоминай!

– Нет. Вроде бы нет. Ты же знаешь мой образ жизни: гости ко мне не ходят, девушки меня не любят.

– Точно? Или вроде бы? Барабашка что ли у тебя в доме завелась? Откуда-то дурь появилась.

– Точно! Хотя погоди! Заходили женщина с парнем. И представляешь, какая странная история! Они показали мне рекламную газету, где объявление о том, что я продаю квартиру. Но я никакого объявления не давал. С чего бы я стал продавать квартиру?

– Ну, в этом как раз ничего странного нет. И что? Что дальше? Пришла к тебе парочка...

– Я объяснил им, что это недоразумение. Я никакого объ-

явления не давал. И не думаю продавать квартиру. Пусть они поищут другой вариант! Они расстроились, потому что надеялись именно на мою квартиру.

– И что? Что они? Что говорили? Где стояли? Как стояли? Какие телодвижения делали?

– И ничего! Они извинились. И ушли. Вот и всё. стояли на пороге, в комнату я их не приглашал.

– Странно всё это! И непонятно. Какое-то дурацкое объяснение. Это же не с бухты-барухты!

– Хотя погоди! Женщине стало плохо. Ноги у неё подогнулись, и она стала опускаться. А парень подхватил ее подмышки. Да! И достал из сумочки таблетки. Попросил, чтобы я принес воды. Запить таблетки. Судя по виду, ей было очень плохо.

– И ты принес воды? Так? Чтобы она запила свои таблетки? А они стояли на пороге?

– Да! Я пошел на кухню и принес воды. Ей полегчало. Мужчина ее придерживал. Потом они ушли.

– -Фу! Ромочка! Это же классический развод! Пока ты ходил на кухню, они подбросили тебе дурь, а потом позвонили своим ментам. Вот! Коллегам Юрия Михайловича! Нет! Нет! Юрий Михайлович! Ты ни сном, ни духом об этом не знал. Тебя использовали в темную. А ты и рад стараться! Подыграл! Подыграл оборотням в погонах!

Юрий Михайлович безвольно опустил на свободный стул. Посмотрел на Пинкертонa, потом на меня и снова на

Пинкертона. Потом опустил глаза. Видок у него был еще тот!

– Что же теперь делать? Ума не приложу, – тихо проговорил он, как мальчик на картине «Опять двойка».

– Ловить черных риелторов, Юрочка! Этих тварей нельзя оставлять на свободе. А то еще стольким людям сломают судьбу. Рома! Ты запомнил рожи этих тварей? Что-нибудь приметное? Особенное? Там шрамы, родимые пятна? Во что они были одеты?

Я кивнул. Встал вспоминать. Какая на них была верхняя одежда, обувь, то, что у женщины возле рта была родинка.

– Ну, и ладушки! Значит, сейчас пойдете делать фотороботы этой парочки. Потом пробьем их по базе.

– А... – протянул следак. Замолчал, видимо, собираясь с духом. – А что же теперь будет...

Замаялся Юрий Михайлович. Это тебе не перед невинными овечками строить грозного служителя Фемиды.

– Ты хочешь спросить о своих коллегах? Ладно, будем исходить из того, что их использовали в темную. И они ничего не знали. Такое бывает сплошь и рядом. Наивных полицейских у нас еще хватает.

– Но ведь... Если они были соучастниками преступления, на них нужно заводить дело.

– Юра! Жизнь не черно-белая, а серо-буро-малиновая... В ней столько оттенков. Не забывай об этом!

Юра огляделся, как будто он искал в кабинете нечто, что могло его защитить от сурового полковника. Но ничего не

нашел. Он опустил руки под стол, не зная, куда их девать.

– Объясняю! Легче всего сломать человеку судьбу. Каюсь, и сам был в этом грешен. Отправишь ты одного-другого на красную зону, через несколько лет оттуда выйдут матерые волки, озлобленные, обиженные, хитрые, обросшие криминальным опытом. А ведь это люди, которые шли на бандитские пули и ножи. И может быть, тебя еще прикроют от них. Жалеть надо людей. Жизнь прожить – не по полю на велосипеде.

Юра поднялся и отошел в угол к окну, стал теревить жалюзи. Потом повернулся к нам. Пинкертон поднялся, подошел к нему и положил руку на плечо. Голос его сделался мягким.

– Ты был когда-нибудь в горячих точках? Вот то-то же! А каждый из них по нескольку раз. И оттуда привезли не баулы с награбленным добром, а ранения. И что? Живут в коммуналках, общагах, съемных квартирах. Про зарплату умолчим. Жена пилит. Дети завидуют одноклассникам, которых родители вывозят каждое лето в Египет, Турцию или Испанию. Зарплата... Ой, даже смешно говорить об этом. Любой баульщик на рынке зарабатывает больше.

– И что теперь самим становиться бандитами? – подал голос Юрий Михайлович. – Неправильно это. Мы должны показывать образец, а не уподобляться тем, кого мы ловим.

– Ну, бандиты они или нет, не будем судить скоропалительно. Хотя, я не отрицаю того факта, что порой сегодня

идут на бандитские пули, а на следующий день у других бандитов берут деньги. Но ладно! Хватит о них! Сейчас речь идет об этом молодом человеке. Давай решать его судьбу! Ясно же, как день, что это классический развод...

Сейчас я человек, обогащенный тюремным опытом, пусть и недолгим. Но вполне можно собирать вокруг себя дворовую шантрапу и, кривя губы и попыхивая сигареткой, рассказывать о блатном мире, где всё так круто и по-пацански. Пинкертон предложил довезти меня до дома, но я отказался. Хотелось пройтись, дыша воздухом свободы, наблюдая мирных обывателей, которые по большей части не обогатятся подобным грустным опытом, да и затариться, чтобы отметить первый день свободы тоже не мешало. Свобода – это так здорово! Чтобы понять это, нужно ее потерять.

– Что-то вас долго не было видно? – спросила меня продавщица-кассир, выбивая на выходе привычный набор молодого безработного джентльмена. – Куда-то уезжали?

Через разрез ее рубашки был виден бюстгальтер, который приоткрывал верхнюю часть ее прелестей.

– Гостил! – ответил я лаконично. Поглядел по сторонам. – У хороших друзей. Решил развеяться.

Протянул ей деньги. Порой я рассчитывался картой, но всегда предпочитал иметь наличку.

Надо будет как-нибудь подарить ей цветы за высокую культуру обслуживания. Хотя тут же я отказался от этого широкого жеста. Может подумать свое женское, а дальше

последует недвусмысленное предложение. Я, конечно, откажусь от него под каким-нибудь деликатным предлогом, но для женщины это, согласитесь, будет глубокая сердечная травма. И женщины такого не прощают. И уровень обслуживания, меня в данном случае, резко упадет.

Наконец-то я перед порогом родного и столь любимого логова и снова могу предаться своим порокам. И клянусь, никто в этом мне больше не сможет помешать! Снаряд дважды не падает в одну и ту же воронку. А трижды уж тем более. Я опустил пакет возле ног. Его тяжесть так приятно было ощущать. Конечно, какое-то время отнимут предварительные процедуры: душ, варка, парка, жарка... Но в празднике важен даже не сам праздник, сколько предпраздничная суета. Такая сладостная!

Я уже вставил ключ. И тут меня что-то насторожило. Было такое ощущение, что кто-то открывал двери до меня. Не знаю, откуда взялось это ощущение. Я осмотрел дверь и замок. Никаких следов взлома, царапин. Или это напрасные страхи, или работал профессионал.

Потом чуть приоткрыл дверь и замер, прислушиваясь. Никаких звуков. Но какой-то новый запах, не тот, к которому я привык. Я не мог дать ему определение. Но пахло какой-то свежестью и чистотой. Как будто кто-то старательно проветрил и помыл мою келью. Я шагнул за порог, медленно, стараясь не шуметь, прикрыл дверь и снова остановился, прислушиваясь. Если бы даже где-то в паутине билась

несчастная муха, я бы услышал. Но ничего. Я разулся и на цыпочках двинулся вперед. Пройдя коридорчик, я заглянул в зал. Сначала меня поразила необычная чистота. А потом я увидел на своем диванчике нечто, точнее кого-то, укрытое моим любимым бабушкиным пледом, и мирно посапывающее. Судя по очертаниям, вряд ли это мужской труп. Тем более, из собственного опыта я знал, что трупы не способны сопеть.

Нет! Это похлеще полтергейста! Единственное, что я хочу от мира, чтобы все оставили меня в покое, забыли о моем существовании и не только живые, но даже и покойники. В конце концов, у меня слабая нервная система, я злоупотребляю, а если еще и вот такие сюрпризы, недалеко и до психушки. За что же мне такое наказание? Что это за рог изобилия накренился надо мной, посылая на мою голову бесконечные беды?

Я приблизился на цыпочках к дивану и наклонился. Судя по обтекающим формам, это была женщина. И не очень крупная. Она мирно и, судя по всему, крепко спала. И мне оставалось только позавидовать такому здоровому сну.

Наклонился, прислушиваясь к ее ровному дыханию. И ощутил слабый запах духов. Может быть, какая-нибудь родственница? Решила погостить в городе? Надоела сельская обыденность?

Я стал вспоминать, какие у меня могли быть родственники с той и другой стороны. Они, конечно, были. Но почти ни

с кем я не общался. За очень-очень редким исключением. И то это было давно. Уже несколько лет я ни от кого не получал никаких известий.

Этим редким исключением... Но это было в той далекой жизни. Вряд ли они помнят меня, а если и помнят, то захотят ли общаться со мной, понимая, что я не желаю этого общения. Так что же? Я наклонился еще ниже, попытался заглянуть под плед. Но, конечно, ничего не увидел. Любопытство мое нарастало. Кому-то очень понравилось загадывать мне загадки.

Я отошел от дивана, сел напротив него в кресло и стал ожидать, когда же проснется моя незнакомка. Ожидание затягивалось. Я поднялся, пошел на кухню, стал выкладывать содержимое пакета. Достав бутылку водки, не удержался, налил стопку по самые края и выпил. Ох! Не поверите – нет! Должны поверить на слово» – как мне стало хорошо.

Разрезал помидор, посолил и стал жевать. По желудку разлилась теплота, быстрее побежала кровь.

– Приятного аппетита! – раздался за мой спиной приятный музыкальный голосок, который я бы назвал ангельским, если бы мне довелось слышать голоса ангелов.

Повернул голову к дверям. Я нисколько не напугался, поскольку знал, что голос принадлежит ей.

На меня глядело кругленькое симпатичное личико. Смоляные чуть растрепанные, понятное дело, от лежанья волосы, маленький носик, пухленькие губки. Кем же она мне до-

водится? Ух ты, еще и домашний такой коротенький халатик, который открывал полноватые ножки с идеально круглыми коленками. Я сразу уверил себя, что под халатиком ничего нет. Хотя, наверно, это и не совсем по-родственному. Скорей всего, какая-нибудь деревенская дурочка, седьмая вода на киселе. Но на дурочку она совсем не была похожа. В глазах у нее прыгали такие бесенки, которые выдавали в ней девчонку без комплексов.

– Кстати, Роман! – проговорил я, невольно и, как мне показалось, искренне улыбаясь.

Сидя на стуле, я низко наклонился, уткнувшись лбом в колени. Может быть, еще поцеловать ей ручку? Ладно! Перебьется! То подумает, что я потомок благородных рыцарей.

– Наташа, – проворковала она. Хорошо, что не Вероника и не Анжелика. Я бы сразу ее выгнал.

– Вы моя троюродная сестра по отцовской линии? Приехали поступать в театральный институт? Мечтаете о главных ролях в сериалах о любви и полицейских детективах?

Я с гордой улыбкой откинулся на спинку стула. Пусть оценит мою проницательность. В этом я себе никогда не отказывал, хотя сплошь и рядом ошибался.

– Все люди – сестры и братья, – смиренно ответила моя юная гостья.

Я согласился. То, что она сослалась на библейскую концепцию происхождения человечества, однако еще не означало, что предо мною юная мать Тереза.

– Это так! Но инцеста я себе не могу позволить. Как-то, знаете, не расположен к этому.

– Когда я сказала про сестер и братьев, я имела в виду, что у всех людей единый предок – Адам и Ева. Если, конечно, стоять на религиозных позициях. Но вы, конечно, человек неверующий.

У! А я, оказывается, девушка, вас недооценивал. Несомненно, у вас красный диплом вуза. Она подошла к столу, взяла бутылку и поставила в холодильник. И сделала это так по-хозяйски.

– Это позднее! А шампанское вы не могли прихватить? – ее вопрос прозвучал как упрек.

Да! Кажется, она решила взяться за меня всерьез. А если это еще и надолго. Кто знает, что в этой прелестной головке?

– Увы! Я любитель более крепких напитков. А о том, что мне предстоит встреча со столь обворожительным созданием, я как-то не догадался. Но я могу исправить ситуацию, – сказал я, всё-таки приподнявшись со стула, чтобы соответствовать взятому мною тону.

– Мужчины вообще не догадливы! – фыркнула она, убирая пустую тарелку в раковину.

– У тебя богатый опыт общения с мужчинами, что ты так хорошо знаешь их психологию? Или ты изучала психологию гендерных отношений? И у тебя имеется диплом психолога?

– Ну, я не буду прикидываться невинной простушкой. Кстати, я уже совершеннолетняя.

Я кивнул. Могла бы не напоминать об этом, поскольку более красноречиво говорили об этом ее формы.

– Да, для этого прикидываться простушкой нужно быть великой актрисой. И что же дальше? А то я в полном недоумении. Любопытство съедает меня. И обрати внимание, делает это в буквальном смысле.

Она вот этим коварным женским способом посмотрела на меня снизу-вверх и со змеиной улыбкой резко распахнула на себе халатик. Теперь я понимаю первочеловека Адама. Я не ожидал такого коварного жеста и не успел отвернуться. Фигурка была что надо. В моем мозгу как будто разряд электричества проскочил. Она приблизилась, сначала положила свою ножку мне на колени, потом взяла меня за руку. Я поднялся. И она повела меня как барана на заклание. Два раза у меня подкосились ноги. А дальше... Я не мастер, да и не охотник до описания подобных сцен. Скажу одно, Наташа была на высоте. Раньше у меня ничего подобного не было. Я тоже старался по мере сил. Видно сказалось долгое воздержание от горячительных напитков, и аура моя переместилась пониже, туда, где она уже давным-давно не была.

– Ты великолепен! – шепнула она и крепко поцеловала в губы. – Ты настоящий Аполлон!

Я воздержался от встречных комплиментов из-за природной скромности. Наверно, из-за этого меня и бросали все прежние пассии. К тому же на языке у меня чесался один и тот же вопрос. Но опять проклятая скромность мешала мне

задать его. От Наташи это не укрылось. Она нависла над моим лицом, облокотившись на локоть.

– Ты какой-то скованный, Роман? Тебя что-то смущает? – она глядела мне в глаза. А меня это, действительно, смущало.

Я подтянул плед до самого подбородка и, как овца, захлопал глазами. Есть такой способ, если не хочешь глаза в глаза.

– Ты хочешь знать, кто же я такая и как оказалась в твоей квартире? А потом и с тобой в постели?

Она наклонилась к моему лицу. Я напрягся. И чуть отодвинулся к краю. А вдруг она начнет кусаться?

– А ты сопоставь свое внезапное освобождение и мое появление у тебя! Ну! Получается?

Какой же я тупица! Можно было сразу догадаться. Это «горячая штучка» от Пинкертонa. Я-то тогда подумал, что это обычный трёп. А друг-то слов на ветер не бросает.

– На твоих щеках появился румянец. Ты догадался? Так же? – вопрошала она. – Ну!

Я помотал головой. Ее рука скользнула под плед. Что же ты делаешь со мной, Наташка? Это нечестно! Не профессиональная ли она проститутка? Но от размышления по этому поводу мне пришлось отказаться, поскольку мы предались более увлекательному занятию. Я даже не предполагал, что это может так захватывать. Еще никогда такого у меня не было. Как-то всё по-быстрому и вяло. Как говорится, абы как.

Я поднялся, стал поднимать с пола одежду и натягивать

ее на свое потное изнеможенное тело. Одежда никак не хотела одеваться. Прилипало то тут, то там и приходилось ее одергивать.

– Что это значит? – Наташа села на кровати. – Ты всегда так делаешь после этого, сразу убегаешь?

– Это значит поход в магазин. Ты же хотела шампанского? Не так ли? Надо это отметить!

– Хорошо! А я пока похозяйничаю на кухне. Ты не будешь возражать, милый? Мне же нужно как-то занять себя.

– Знаешь, сколько тебе для этого потребуется мужества? Моя кухня – это не место для слабонервных.

– А разве ты уже не убедился, что этого качества мне не занимать?

Она подскочила совершенно голая и чмокнула меня в щеку. Как будто плеснули кипятком.

– Случайно ты не филолог? – спросил я. – Слишком уж по-литературному изъясняешься.

– Случайно я технолог. А логос, как тебе известно, обозначает знание. А знание предполагает правильное изложение.

– Тогда всё понятно, – прошептал я ей на ушко. Не удержался и поцеловал в мочку. Ушки у нее были маленькие.

Хлопнула дверь подъезда, и я полной грудью вдохнул прохладный ночной воздух. Всё-таки долгое половое воздержание пошло мне на пользу. Эх, как я разгусарился! Никогда это не было так великолепно. Значит... Хотя ничего не зна-

чит, поелику я остаюсь потерянным человеком.

– Что вы сегодня прямо сияете! – сказала мне продавщица. – А водку не будем брать? Кстати, завезли хорошую. «Три озера». Специалисты хвалят, говорят, что очень мягко пьется.

– Пока воздержимся! Делаю логическое ударение на слове «пока». Иногда хочется разнообразия.

– Мне кажется, что у вас появилась женщина? – она бросила на меня насмешливый взгляд.

– От вас, от женщин, ничего не скроешь, – вздохнул я. – Хорошо, что вы еще не пишете романов.

– У вас влюбленный вид. Это же видно за версту. И запах! Я знаю этот запах. Меня не обманешь.

– Из приглашенных на мою свадьбу вы будете первой. Разумеется, вместе со своим молодым человеком. Ведь у такой удивительно обаятельной женщины не может не быть влюбленного.

– А вы хороший! Счастья вам! Самого-самого большого! – радостно отвечала она. И помахала на прощание ручкой.

Да, я был счастлив, как это ни странно прозвучит. Я влюбился. Что-то подобное я испытывал в школьные годы, вот это состояние влюбленности, полета. Кто тогда не влюбляется? Такова наша физиология. И против этого не попрешь. И даже анахоретов может посетить толстопузый малыш с крыльшками, луком и колчаном стрел.

Потом были связи, хотя и очень редкие, но я относился к

девушке как к очередной партнерше, отношения с которой ни к чему не обязывает. Они это сразу чувствовали. Женскую натуру не обманешь, даже если ее завалишь миллионными роз.

Через некоторое время они уходили от меня, окончательно убедившись в моей безнадежности. И вот настал момент, когда мне это надоело, и я прекратил всякие попытки завязать новые знакомства. Я уверил себя, что вполне возможно обойтись без этого. И даже нужно обходиться без этого. Потому что без этого лучше, чем с этим. Нужно, чтобы как можно меньше желаний колебали твой покой и выводили тебя из равновесия. Водка хорошо помогала прогрессу в этом деле. Я даже, выползая на улицу, все реже заглядывался на упругие девичьи попки и симпатичные мордашки. И по ночам меня перестали посещать голые фурии, которые сулили райское блаженство.

Крылья за спиной? Да! Да! Теперь я знаю, что это такое. Знаю, что это не пустой звук. Еще бы день назад мне сказали, что я буду переживать подобное, я бы рассмеялся. И это случилось со мной, убежденным в том, что жизнь для меня закончилась и что вообще жизнь – это полное дерьмо, и тянущего это бремя лишь потому... Но не важно! Может быть, у меня изначально был какой-то порочный антижизненный ген...

Я перескакивал сразу через две ступеньки. Еще только что песенки не пел. И откуда только всё бралось? Я влетел в

квартиру, радостно вопя и махая пакетом над головой:

– Наташа! Почему не встречаем? Ты должна с порога бросаться мне на шею и осыпать поцелуями!

Наташа вышла из кухни и спиной облокотилась о косяк. На меня она не смотрела. Что за фокусы?

– Что-то случилось? – спросил я. – Что могло произойти за пять минут моего отсутствия.

– У нас гость, Рома, – произнесла она сердито. – Он дожидается тебя, сказал, что нужно кое-что перетереть.

Она взглядом показала в сторону кухни. Чего мне не хватало для полного счастья, так это гостей, целой шумной толпы гостей. Я, не торопясь, разулся и пошел на кухню. За столом, широко расставив ноги, сидел мужичок лет сорока, довольно тщедушной комплекции. У него было овальное лицо, очень смуглое, как будто он долгое время пребывает в солярии, он кривил тонкогубый рот, в котором блестела фикса, по всей видимости, предмет его гордости. Само собой, небритая морда и черная кожанка. К тому же, он видно считал ниже своего достоинства снимать обувь. На нем были старые растоптанные кроссовки, которые нормальные люди выбрасывают на помойку.

– Здорово, фраерок! – бросил он мне, как бездомной собаке кость, с презрением и даже некоторой брезгливостью.

Он развернулся ко мне. Дурацкая темная футболка с осклизшим зубастую пасть тигром. Как, однако, страшно! Напугал девку дурацкими причиндалами. Я уже и не такое по-

видал.

– Мы разве знакомы? – проговорил я, как можно спокойнее, чтобы не показать волнения.

Фиксатый беззвучно засмеялся. Животик его под футбольной заходил волнами. Тигр ожил, заклацал крепкими клыками. Было такое ощущение, что он сейчас прыгнет с его груди и набросится на меня. Я тоскливо поглядел в черное окно. И на всякий случай отступил на полшага назад, как будто это могло бы спасти меня от разъяренного хищника. Отсмеявшись, он еще какое-то время тряс головой. Видно, от внутреннего смеха.

– Значит, в магазин ходил? – спросил незнакомец, постукивая татуированными пальцами по краю стола.

– Да! А что? Вы так и не представились, хотя имеете вид вполне интеллигентного человека, – проговорил я спокойно, но чувствовал, как внутри меня нарастает волна бешества.

– Представляются покойники. А еще ученый! А кто тут из нас будущий покойник ты и сам должен догадаться.

Губы его презрительно искривились. Он повернулся, чтобы сплюнуть на пол, но удержался.

Я промолчал. Наташа посмотрела на меня. В глазах ее была тревога. И даже страх. Да, я должен был действовать. Но для начала хотелось бы знать, с кем же я всё-таки имею дело. Тут опрометчивость может обернуться боком. Какое место он занимает в табели о рангах уголовного мира?

Но хватит мяться! Я решительно шагнул вперед. Ногой

выдвинул табуретку из-под стола, сел, скрестив руки на груди, и посмотрел, как мне показалось, угрожающе ему в глаза. Он не отвел взгляда, только опять криво улыбнулся. Ни один мускул не дрогнул на его похабной роже.

– Так всё-таки, с кем я имею дело? Мне тогда легче будет вести беседу, если я буду знать, кто передо мной.

– Привет тебе! Сам знаешь от кого! Должок требуют вернуть! Или ты запамятовал? То мне не долго освежить твою память.

Черт! Оказавшись на свободе, я совершенно обо всем забыл. Да тут еще и Наташа.

– Конечно! Конечно! Черт бы меня побрал! – бормотал я. – Как же так? Вылетело из головы.

Я поспешно подскочил. Выдернул из куртки портмоне, где лежали банковская карточка и наличка.

– Вот! Вы уж там объясните, что как-то в общем выско-
чило из башки. Виноват, конечно!

Я протянул две пятисотки. Он не шелохнулся. Опять презрительно посмотрел на деньги и поморщился. Как будто я ему делал непристойное предложение. Да! Что-то два корабля никак не могут разойтись в море.

– Что-то не так? – спросил я. – Я тариф знаю. Тут еще и премиальные. Что же не так-то?

– Слабо! – просипел он. – Тариф он, видите, знает. А то, что я трачу свое драгоценное время?

– А! – протянул я. – Это конечно! Это само собой! Навер-

но, еще и на такси потратились.

Я опять полез за деньгами, но тут же остановил себя. С людьми этого рода таких вещей себе нельзя позволять. Проявишь слабость, он будет сосать тебя бесконечно. Это же закон зоны, где в цене только сила. А слабых гнобят и прессуют. Пройдет немного времени, он заявится опять и снова потребует денег. И опять, и опять, и опять... Нет! Надо отрезать сразу и бесповоротно. И он должен почувствовать, что его не боятся.

Я наклонился над столом. Какое-то время разглядывал скатерть, а потом поднял глаза.

– А знаешь, кому я обязан своим освобождением? Тебе разве об этом не сказали? Скорей всего, не сказали.

Мужичок поднял глаза. Никакой растерянности я не заметил. Сказывал тюремная закалка.

– Слышал про полковника? Погремуха ему Пинкертон. Мы одноклассники и давние друзья. Вот он-то меня и вытащил.

Мужичок молча поднялся и пошел к дверям. Ноги он не отрывал от пола, скользя подошвами.

Ушел он по-джентельменски молча и не прощаясь. Я запер за ним дверь, разгрузил содержимое пакета в холодильник.

– И что это было? – спросила Наташа. – Я ничего не поняла. За что и кому ты должен?

– Долг позабыл вернуть. Тюремный. А там с этим строго.

Не выплатившие долг могут рассчитывать жизнью.

– А! я слышала про такое. Какой же ты забывчивый! Разве об этом можно забывать?

– Теперь всё позади. Наташа! А как же с романтическим ужином? Я так надеялся. Ты меня не должна разочаровать.

– Который скоро станет романтическим завтраком, – проговорила она. – Ты на время глядишь?

– А как же первая брачная ночь? Неужели мы пропустим самый волнующий момент? Разве ты простишь себе это? До скончания века будешь раскаиваться. И даже рвать волосы.

Я молитвенно сложил руки. И решил уже опуститься на колени. Если уж рыцарствовать, то до конца.

– Лучше помоги мне, чем зря болтать! – строго сказала Наташа, отмахнувшись от меня.

Никогда не думал, что от шампанского можно захмелеть. Я-то был уверен, что это детский напиток. Это было такое легкое и радостное опьянение. Водка бьет сразу и наверняка. Выпьешь стакан и знаешь, что ты уже перешел в другое состояние. За окном уже начинало светать, когда мы бросились в объятия друг к другу. Я подхватил Наташу и понес на диван. Она обхватила меня за шею и безвольно уронила голову.

Что это такое было? Какой-то ураган! Совершенно счастливый и обессиленный я упал в глубокий сон и не знаю, сколько проспал. Когда я проснулся, было уже светло. На-

таша лежала возле стенки на животе, я осторожно потянул простынь вниз, наклонился и стал, чуть касаясь губами, целовать ее спину, спускаясь всё ниже и чувствуя какой-то прилив нежности к этому телу. Как она была прекрасна! Как можно не любить это тело?

Наташа застонала и повернулась на спину. Я благодарил Создателя, сотворившего это тело. Какая гладкая кожа! А эти линии тела! Запах волос! Она совершенство! Она ангел!

– Рома! Что ты делаешь? – пробормотала она, чуть приоткрыв глаза и как-то беспомощно улыбаясь. – Ну, как тебе не стыдно? Тем более ты обнаженный. А это меня смущает.

– Мне кажется, что я люблю тебя. Словно мы сто лет были знакомы. Не знаю, как сказать...

– Хорошо! Хорошо! Но я хочу спать. Если хочешь, давай завтра поговорим. А то я усну и не узнаю самого интересного.

Она подтянула простынь. И закрылась ею до самого подбородка. Закрыла глаза и улыбнулась.

– А ты не будешь возражать, если я принесу тебе кофе в постель? Кстати, какое кофе ты любишь? Ты же мне не запретишь этого сделать? Я хочу принести тебе кофе в постель!

– Принесешь! Но позднее! Не всегда быть настойчивым хорошо. А сегодня ты слишком настойчивый.

Наташа повернулась к стене. Я провел рукою по ее очертаниям. Лучше бы я этого не делал.

– Я не могу спать! – прошептал я ей на ушко. – Никакая сила меня не заставит уснуть.

– Тогда просто лежи! – жалобно простонала она. – Закрой глаза и просто лежи, подавив все желания.

Я лег на самый край. Разглядывал потолок, потом ее лицо, но больше не решался ее беспокоить, даже дышать старался потише. Я думал о Наташе, кто она, как появилась...

– Я о тебе ничего не знаю, – пробормотал я. – Кроме твоего имени. Думаю, настало время...

– Что ты хочешь обо мне узнать? – голос у нее был несколько сердит. Она повернулась на спину.

– Хотя бы то, что ты считаешь нужным мне сказать. Интимные секреты меня не интересуют.

– Паспортные данные тебе нужны. Ах да! Паспорт я как раз и не прихватила. Но могу смотаться.

– Зачем ты так? Хотя я даже не знаю твою фамилию. Ну, можно, конечно, и так. Просто...

– Тебе это очень надо? Это что-то может изменить в наших отношениях? Ну, Тяпкина-Ляпкина.

– У тебя сейчас девичья фамилия? Или другая? Господи, зачем я это всё спрашиваю?

– Ага! Но она очень скучная. И при возможности я с ней расстанусь без сожаления. Ры-ба-ко-ва! Значит, кликуха должна быть Рыба или ласково-уменьшительная Рыбка. Моя.

– Как? Ты сказала Рыбакова? Твоя настоящая фамилия

Рыбакова? Мда! Рыбакова! Рыбакова!

Я оперся на локоть. Поглядел на ее лицо. Нет! Совершенно непохожа, даже близко непохожа.

– Да! А что? Чему ты так удивился? Не пойму. Обычная фамилия. Что тебе показалось странным?

– Нет, ничего, Наташа! Артист такой был советский Рыбаков, очень популярный. Вы случайно не родственники? Хотя он уже давно умер. Может быть, доводится тебе троюродным прадедушкой?

– Всё! я сплю! Ты несносный! Противный и липучий! Чего ты как репей пристал? Надоел!

Она фыркнула. И снова отвернулась к стенке. Я тоже лег. Закрыв глаза. Сон не приходил.

О небедной бабушке ЗАМОЛВИТЬ СЛОВО

С Наташей Рыбаковой я учился с первого класса. О том, что я ей равнодушен, стало ясно, когда мы стали семиклассниками. Когда мы были уже в девятом, у нее по-женски округлилась фигура, налилась грудь. И симпатичное полное личико, большие сверкающие глаза сделали ее предметом обожания многих старшеклассников, которые, как коты, облизывались ей вслед. Она стреляла глазками, крутила хвостом, как говорили мы, пацаны. Но ничего такого никому не позволяла. В выходные и на каникулах по утрам она приходила к нам и звала на каток, который был возле школы. Я в такие дни обычно подолгу нежился в постели. Она отворачивалась, и я, быстро натягивал на себя одежду, после чего разрешал ей повернуться. На полдня, а порой до вечера, мы уходили на ледяную коробку, где по вечерам играла музыка, горели разноцветные лампочки и было много народа самых разных возрастов. Мне нравились коньки, я довольно прилично нарезал круги и одно время даже попытался играть в школьной хоккейной команде. Кстати, старший мой брат был вратарем. После того, как мне шайбой засветили по носу, и я чуть ли не полкатка залил кровью, то порвал с хоккеем окончательно и бесповоротно и даже не смотрел его по

телевизору. Когда мы учились в десятом классе, некоторые даже были убеждены, что у нас с Наташей были интимные отношения, так много времени мы проводили вместе. Ничего подобного. Наташа была мне симпатична, но не более того. Мы даже ни разу не поцеловались. Я доставлял ей страдания, заставлял ее мучиться, но ничего не мог с собой поделать. Мне было ее жалко. Не знаю, на что надеялась Наташа, но все ее попытки сблизиться разбивались о стену моей холодности и иронии. Она поджимала губки и еле сдерживала слезы. Через несколько лет, когда я уже заканчивал университет, узнал, что Наташа вышла замуж и бросила учебу в институте. Довольно скоро разошлись, и Наташа одна воспитывала ребенка, а жила у родителей. Однажды я увидел ее на улице с коляской и, поспешно свернув в переулок, быстро зашагал прочь, не оглядываясь. Я чувствовал себя виноватым в том, что так сложились ее в жизнь. И просто не мог бы взглянуть ей в глаза. Я почему-то был уверен, что виноват в ее несчастья...

Закрыв глаза и сразу провалился в сон. Оказывается, можно проваливаться не только в канализационные люки, хотя до сих пор... тьфу! Тьфу! Но у меня же еще все впереди! Я летел бесшумно в полной темноте и тишине, падал в бездонную бездну. Может быть, это был черный бездонный мир космоса? Я же самый настоящий астронавт. Тогда я буду лететь целую вечность. Вот внизу подо мной сверкнули желтые огоньки. Что это? Звезды? Как говорится, поезд прибы-

вает на конечную станцию. Огоньки становятся всё больше и ярче. Они перемещаются. Вот из темноты стали проступать контуры гигантской крысы, которая терпеливо следила за моим падением. Она хищно скалила зубы, ее длинный хвост извивался на дне бездны, которая становилась всё ближе. Зловоние становилось невыносимым. Я выбросил руки в стороны, надеясь найти какую-нибудь опору, чтобы прекратить падение. Но руки хватали только пустоту. Зловонная зубастая пасть неумолимо приближалась. Крыса поднялась на задние лапы и вытянулась вверх. Я пропал, мне не было спасения, всё мое существо вопило от ужаса. Уже отчетливо раздавалось щелканье клыков. Я погиб. Мне нет спасения. Но какая ужасная гибель! Что угодно, только не это.

Но, как никогда, именно сейчас я хотел жить. Пошла прочь, мерзкая тварь! Сгинь нечистая сила.

– Роман! Ромочка! Проснись! Да что же ты? Ты слышишь меня? Проснись же, в конце концов!

– Что такое? Что-то случилось? Где я? Ах да! Наташа! Это ты? Это ты Наташа! Я люблю...

– Тебе снились кошмары? Ты кричал во сне. Что-то непонятное, но страшное. Тебе было страшно.

Я открыл глаза. В голове какой-то был туман и тяжесть во всем теле, словно я всю ночь разгружал мешки.

– Разве я спал? Да, конечно, спал. Мне просто приснился очень реалистичский сон.

Наташа наклонилась надо мной. На лице ее было беспо-

койство. Она провела пальцами по моей щеке.

– Сначала что-то бормотал неразборчиво, а потом закричал. Громко. Но непонятно.

– От счастья, может быть? – я улыбнулся. Действительно, это счастье! Я снова вижу ее.

– Ага! С гримасой ужаса на лице. Я напугалась. Ты больше так не делай, пожалуйста!

– Сон как раз то, что мы не можем контролировать. Я не хотел тебя пугать. Я хочу от тебя другого.

– А ты многое не можешь контролировать. Наверно, у тебя в голове поврежден участок, который за это отвечает.

– На что вы намекаете, девушка? Я не понял. Изъяснитесь понятней! Как-никак вы всё-таки технолог.

Я сел. Протер глаза. Какая она красивая! Вот после этого и не верь в чудеса! Есть они!

– На что? На половое воздержание! На что же еще? А излишества всегда вредны. Это истина, не требующая доказательств, то есть аксиома. Во всем должна быть мера.

– Наверстываю за многие-многие тысячелетия воздержания. Где ты была раньше? Могла бы прийти и пораньше.

– Если наверстывать такими темпами, то надолго тебя не хватит. Соблюдай меру! Ясно?

– А может, еще раз наверстаем? А потом уже начнем соблюдать чувство меры. Клянусь!

Я протянул к ней руки и попытался обхватить за талию. Она успела отскочить. Я схватил воздух.

– Ты знаешь, сколько уже времени? Погляди на часы! Ах да! У тебя и часов нет. Ты же у нас живешь вне времени и пространства.

Я пожал плечами. Ее слова прозвучали для меня комплиментом. Всегда мечтал жить вне времени и пространства.

– Счастливые часов не наблюдают. Разве об этом вам не говорили в школе на уроках литературы?

– Мне кажется, что ты уже не только часов, но и дней, и месяцев не наблюдаешь. Ведь так же? Какой у нас сегодня день недели? Ну-ка! Ну-ка! Ой! Мы даже не пытаемся напрягаться!

Какие у нее лукавые глаза! А как они блестят! А эти ресницы! Так хотелось всё это целовать!

– Какой сложный вопрос! В конце концов, можно позвонить и узнать. Кстати, заодно поставишь и правильное время.

На журнальном столике лежал мой телефон. Он был такой же бездельник, как и я.

– А какой сейчас месяц? – спросила она. – Погляди хотя бы за окно и попытайся определить месяц!

– Наташа! Но это уже бесчеловечно. Иди ко мне! Не лишай меня последней надежды! У меня есть предложение! Давай сегодня вечером махнем в какой-нибудь ресторан? Обещаю вести себя прилично и не употреблять крепких напитков. Ну, разве чуть-чуть!

Наташа отвернулась к окну. Я глядел на нее. Полупро-

зрачный пеньюар не скрывал ее форм.

– Предложение заманчивое! Я подумаю над ним,— ответила она, но я почувствовал, что думает она о другом.

– А чего думать? Знаешь, мне надо кое-куда сходить. Но это быстренько! Одна нога здесь...

Я соскочил с дивана, позабыв, что на мне не было трусов. Хорошо, что Наташа этого не видела. Я схватил простыню и отправился под душ. Но вскоре на спине почувствовал теплое дыхание. Как будто перышком, провели по позвоночнику. Она сцепила пальцы на моей груди, потом разжала их и ее ладошки скользнули вниз. Ого!

– И этот человек смеет обвинять меня в половой распущенности! – воскликнул я, конечно, очень обрадовавшись.

– Что хочет женщина, того хочет...

– Не поминай всуе, женщина! Это одна из заповедей. Ну, или что-то в этом роде. Не надо!

– А ты у нас верующий?

– Не знаю. Как-то не задумывался. Может быть, верующий, может быть, неверующий.

– Все люди во что-то верят.

Наташа поцеловала меня в плечо. Сказать, что это было приятно, значит, ничего не сказать.

– А ты во что веришь? – спросил я.

– Ну, наверно, каждый человек приходит на эту землю неслучайно. Если мы были бы случайностью, жизнь была бы бессмысленна.

– Ты у меня философ.

– А ты думал, что я дуручка? Почему мужчины уверены, что женщины глупее их?

– Ты совершенство!

Я повернулся и стал целовать ее лицо, шею, грудь, живот.

– И здесь еще? – спросила она, имея в виду ванну. – А если мы захлебнемся и утонем?

– Специалисты, не мне чета, утверждают, что необычная обстановка обостряет чувство. Они даже советуют, время от времени менять обстановку. Это способствует и стимулирует.

Наташа выскользнула из моих рук и стала вытираться.

– Где ты нашла это полотенце? Что-то не помню, чтобы у меня было такое? Ты его принесла с собой?

– То, что висело здесь, нельзя было назвать даже половой тряпкой. Я его бросила в контейнер для грязного белья. А вот это нашла у тебя в шкафу. А знаешь, пока ты ходишь, я, наверно, немного постираю. Ты не будешь возражать?

– Отвернись, пожалуйста!

– Больно надо!

– Это еще бабушкина машинка. Я ее ни разу не включал. Не знаю, работает ли она.

Машинка была еще с советских времен.

– Как же ты стираешь? На руках?

Наташа сделала сакральный жест.

– В стирку отдаю. Ну, разве что носки там, носовой пла-

точек.

– Я разберусь.

– Мне будет мучительно больно, что ты будешь рыться в моем грязном белье. Я боюсь, что после этого ты будешь презирать меня. Что, в общем-то, я вполне заслужил.

– Всё жены, по-твоему, должны презирать своих мужей, потому что стирают их подштанники?

– Разве не так?

– Не знаю. Я не была замужем. Но думаю, что не так.

– А ты хотела бы?

– Замуж? Ну, не буду кривить душой. Это природой заложено в каждой женщине.

– Лёд тронулся, господа присяжные заседатели! Всё! я лечу! Жжж! Я самый лучший летун в мире.

Чмокнул Наташу в щечку, быстро оделся и побежал к дверям. И откуда взялась во мне эта прыть?

– Можешь не торопиться! – крикнула она мне вслед. – У меня много дел. А поторопишься, обязательно что-нибудь забудешь.

Я кивнул. Торопиться и не получится. Какое-то время я поболтал со своими знакомыми дамами, сидевшими на боевом посту. Отношение их ко мне в последние дни изменилось. Причем, заметно. Они уже не смотрели на меня как сторожевые овчарки, для которых любое движущее существо потенциальный враг, которому, если он приблизится, нужно вцепиться в глотку. И порвать его, прежде чем он пой-

мет это.

– У вас, кажется, появилась девушка? – спросила дама, которая даже в жаркие дни не расставалась с шапочкой с небольшими полями. Это, наверно, была память о женихе из далекой туманной юности, который уехал на очередную комсомольскую стройку и с тех пор о нем ни слуха, ни духа. А она провожала его именно в этой шапочке.

– Это моя невеста. Кстати, а поблизости есть ювелирный магазин? Я как-то никогда...

У бабушек брови поползли вверх. Они переглянулись. Одна даже лукаво переглянулись. До сих пор я нес домой только спиртное и съестное. А тут такое! Значит, дело серьезное.

– Вот же рядом! Туда... потом туда! И сразу увидите. А называется он «Находка». Значит, нашел ваши денежки.

– Спасибо! Что бы я без вас делал? Вы мои ангелы-хранители! Вот что значит связь поколений!

Я возвел глаза кверху. По небу плыли большие белые облака с севера милого в сторону южную.

За прилавком стояла пышногрудая дама. Такое впечатление, что она по совместительству рекламировала продукцию своего магазина, поскольку вся была увешана ювелирными изделиями. Быстро подобрал для себя кольцо. А вот Наташе... Надо было проконсультироваться у бабушек, как это делается. Уж они такие вещи знают.

– Можете обменять, если не подойдет, – изрекла мадам,

окинув меня презрительным взглядом. – Только чек не выбрасывайте! У нас высокая культура обслуживания.

Грудь ее равномерно поднималась и опускалась в такт дыханию. По лестнице на второй этаж ей подниматься будет тяжело.

– Вообще надо приходиться с девушкой! – выдохнула она, вытерев лоб ароматной салфеткой.

Я сунул коробочки в карман и поблагодарил золотую статую, пожелав ей всяческих благ и богатств в том числе. Она почему-то нагнулась и посмотрела на мои ноги. Может быть, решила удостовериться, не занес ли я грязь в их стерильный салон.

Ахнули мои бабульки, когда меня увидели. Я вручил каждой по цветочку и галантно расшаркался. И ведь что удивительно, никто меня не учил манерам, если не считать школы.

– Свадьба-то скоро? – спросила бабушка с длинным смуглым лицом. Ее предки были явно средиземноморского происхождения.

– Ну, вы же знаете нашу бюрократию! Что-нибудь у нас может делаться без проволочек?

Я тяжело вздохнул. Пусть пожалеют меня такого несчастного, страдающего любовными муками.

– Они же считают нас малосознательными, уверены, что мы принимаем легкомысленные решения. Думают, что мы эмоционально незрелые и принуждают нас созреть целый месяц. Конечно, месяц – это длительный срок, но не для лю-

дей зрелого возраста.

Бабушки согласно закивали. Одна даже сморщила так лицо, как будто съела целый лимон.

– Евгения Ивановна была бы рада, – говорит бабушка с накрашенными губами. И вздохнула.

Евгения Ивановна – моя бабушка. Да-да, та самая, которая обрекла меня на счастливую беззаботную жизнь.

– Какая она была, бабушка? – спросил я. – Я, к сожалению, с ней редко встречался и как-то мало ее знаю.

– Ну...

Женщины поджимают губки. Они не хотят меня обидеть. Особой любовью она у них не пользовалась, впрочем, как и у родственников. В нашем доме, по крайней мере, не было принято говорить о ней.

– Нелюдима она была, – говорит с подкрашенными губами. – Губки у нее всегда поджаты.

Значит, мне есть в кого. Это вызывает во мне законную гордость. Разве это плохое качество?

– Не подумай, чего... Наверно, она была неплохим человеком. Да, конечно, была неплохим человеком.

Они старательно подбирают слова. Не хотят меня обидеть. Значит, отношение их ко мне изменилось.

– Поздоровается всегда. Но никогда не сядет, не поговорит. Не расспросит, что и как.

На меня они стараются не смотреть. Подбирают слова, которые бы не обидели меня.

– Гости к ней не ходили, и сама она ни к кому не ходила. Кошка у ней одна и была. Иногда выскакивала на улицу.

А разве желание быть одной – это плохое качество? А философы, великие мыслители?

– Редко, когда что скажет. Такая прям неразговорчивая. Вроде как мы ей и не чета.

– Скажешь, какая хорошая погода, а она «Погода, как погода!», лишь пожмет плечами и пройдет. Ну, села бы, поговорила, новости разные узнала, сама что рассказала.

– На похоронах у нее почти никого не было. Совсем уж мало народу. По пальцам можно было пересчитать.

– И стола, наверно, не устраивали. Да и для кого устраивать, раз народу нет. Это нехорошо!

– Ты скажешь, Прокопьевна! Как это ни устраивали? Устраивали, конечно. Без этого нельзя. Да хоть один человек придет, и то поминки надо устраивать. И стопочку налить.

– Ты там была? А? вот говоришь, лишь бы перечить. А само-то ты бала? Ну, чего губы поджала.

– Нет, не была! Меня никто не приглашал. Вот! А пригласили и пошла бы. И стопочку бы выпила.

– Поминки – это не свадьба. На них не надо приглашать. На них сами приходят, кто хочет помянуть.

– Это, может, в деревнях так сохранилось. Сейчас всё по-другому, ни как раньше. Кто-то дома только родных соберет, а кто в ресторане, если побогаче. Ты же не пойдешь в ресторан, если тебя не звали? Там только по приглашению. И по

количеству человек.

Все согласились, что в ресторан, действительно, без приглашения они не пошли бы, потому что в ресторан приглашают по списку. Стараясь не привлекать внимания, я поднялся и ушел. С замиранием сердца поднимался на свой этаж. Вот и решилась моя судьба!

Бабушка, конечно, моя была не сахар. И характер у нее был тяжелый. Поэтому родственники ее не любили. И не общались с ней. Да и она особо никого не привечала.

А я вот любил. Да, она никогда не сюсюкала со мной, не целовали и не тетешкала. И говорила со мной, как и с другими, ровно и спокойно, без всяких скидок на возраст. Но чаще всего молчала. О прошлой жизни ничего не рассказывала. Так стороной от родителей я слышал, что мой отец родился у нее вне брака до замужества. А потому законный муж ей часто напоминал об этом кулаками. Но потом умер, оставив на ее руках двое детей. Злые языки поговаривали, что она поспособствовала этому. Откуда у нее взялись такие деньги, которые перешли ко мне по наследству, тайна сия покрыта мраком. Всё-таки она была загадочным и необычным человеком. Так и ушла из жизни, никому не раскрывшись. Я был похож на нее.

Романтический вечер

– Вот! – радостно воскликнул я. – Всё, что нужно, ты найдешь в этом чудо-пакете. Ликуй, женщина!

Я протянул букет. Признаюсь, это впервые в моей жизни.

Еще никому и никогда я не дарил цветов. И этот романтический флер вокруг женщин и цветов ничего во мне кроме раздражения не вызывал. Жене, считал я, можно подарить что-нибудь для кухни, а подруге – бутылку пива или презервативы. Хотя и этого не дарил. Подарки были для меня пережитком далекого прошлого, когда слабый вынужден был откупаться от сильного, чтобы тот не трогал его. И граждане отдариваются от государства в виде налогов и службы в армии. Чур-чур не меня! Я всё отдал сполна. Отстаньте!

В глазах Наташи блеснула радость. Она прижала букет к груди. А пакет я поставил возле ее ног.

– Спасибо, Ромочка! – весело воскликнула она. – Ты настоящий рыцарь! Как можно тебя не любить!

Мы поцеловались. Да чтобы видеть эти глаза, я скуплю весь цветочный магазин! А сам пойду на паперть.

– Быстро в постель и собираемся в ресторан! – решительно скомандовал я. – Возражения не принимаются!

– Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель! – прошептала Наташа. – Я ваша рабыня!

Наташа распахнула халатик. Разумеется, под ним ничего не было. И тут же закрылась от моего похотливого взгляда презренной тканью. Я начал раздеваться еще в прихожей, одновременно, как буксир, толкая Наташу к дивану. Когда ценный груз был доставлен к пункту назначения, я был уже в костюме Аполлона и незамедлительно приступил к делу. Как-то технологично-мифологично получилось! А где романти-

ка, Ромео и Джульетта? Мда! Не то, что Шекспира, даже бездарной стряпальщицы любовных романов не получится из меня. Кстати, надо будет прочитать Петрарку. Может быть, он поможет объяснить мне мое состояние. Мне никогда не было так хорошо, как сейчас на диване рядом с Наташей. Но словарного запаса не хватало.

– Рома! А может, не пойдём в ресторан? – проворковала она, прижавшись грудью..

– Как? Ну, уже решено! И к тому же, мы еще ни разу с тобой не были в ресторане.,– сказал я, но как-то вяло.

Я не стал договаривать, какой я ей приготовил сюрприз, иначе он перестал бы быть сюрпризом.

– Конечно, ресторан – это очень хорошо. Но как-нибудь в следующий раз? Сегодня ни малейшего желания. Охота побыть дома. Тишины хочу! Тишины! Может, нервы обожжены!

Уговаривать меня долго не пришлось, поскольку я и сам не любитель шума, многолюдства, будучи по натуре анахоретом и мизантропом. Просто так принято, в смысле с рестораном.

– В таком случае у нас будет очень праздничный ужин! – сказал я. – Самый праздничный!

Поднялся и пошел собирать одежду, поскольку она находилась в разных местах. Раздевался-то на ходу.

– Ты куда? – спросила Наташа. – Уходишь что ли? Уже бросаешь меня? Как это быстро у вас.

– Закупаться! Праздничный ужин требует определенных затрат и физических движений.

– Давай схожу я! Мне кажется, я это лучше сделаю. Всё-таки сервировка стола – это женское дело.

Мне тоже так показалось. Стол для себя бы я приготовил. А вот на двоих никогда этого не делал. Наташа стала собираться. Одевалась она не спеша, я наблюдал за нею.

– Погоди я тебе дам денег! – вспомнилось мне. – Сейчас! Секундочку! Пировать – так пировать!

– У меня есть, – вяло отмахнулась Наташа. – Пожалуйста, не суетись! У нас же всё общее.

– Не вздумай! Я что похож на альфонса? – гордо вопрошал я. – Ты не смеешь меня унижать!

Я полез в куртку, но там лежала мелочёвка. Больше чем на бутылку вина не потянет. Впрочем, так бывало постоянно, обязательно хоть чуть-чуть да не хватало пары – другой рублей.

– Наташа! Возьми мою карту! Кстати, по карте скидка! – я протянул ей карту. – Семейная экономика должна быть экономной.

– Ну... – протянула она. – Может быть, не стоит, Рома? Рассчитаюсь наличкой. Для меня это как-то привычней.

– Ах да! Запиши код! – командовал я. – Ну, достань там что-нибудь! Помаду что ли или тушь!

– Может, не надо, Рома? Ну, что ты так суетишься! Я пошла! Убери свою карту! Как-нибудь без нее!

– Запиши! Запиши! – требовал я. – Уже начинаешь не подчиняться с первых дней нашей совместной жизни.

Она записала на руке. Помадой. Это был год и месяц моего рождения. На большее у меня фантазии не хватило.

И ушла. Я стал готовить столик в зале. Поставил букет в вазу. Не помешали бы свечи! Позвонить Наташе? Черт? Но у меня нет номера ее телефона. И есть ли у нее вообще телефон? Она его ни разу не доставала. Принес бокалы. И сознаюсь честно, не удержался и принял на грудь крепкой и горькой. А потом еще раз не удержался. И снова принял. После чего решил, что Бог любит троицу. После третьей стало совсем хорошо. Как говорится, в кайф! И я принялся за дальнейшую сервировку стола. Вот уже всё было готово, по крайней мере, с моей стороны. А ведь раньше я никогда этим не занимался.

Наташа всё не возвращалась. У меня не было часов, если не считать телефона. Но мне показалось, что уже прошел целый час. Хотя магазин в пяти минутах ходьбы от дома.

– Ну, что же ты так долго, Наташа? – встретил я ее на пороге, принимая пакеты, и невыразимо радуясь.

– Неужели ты волновался? Это так непохоже на тебя. А! ты думал, что я убегу с твоей банковской картой. Ведь я же знаю код! – она щелкнула меня по лбу. – Какой доверчивый!

– Наташа! Как тебе не стыдно? Ты оскорбляешь во мне самые лучшие чувства, которые я так редко проявляю.

– Прости, милый! Представляешь, встретила подружку. Вот

и почирикали с ней немного. Ну, немного, конечно, для нас. Для тебя бы это показалось целой вечностью.

– Ты сказала ей о нас? Обычно женщины любят похвастаться этим, ну, если у них кто-то появляется.

– Зачем? Впрочем, женщины интуитивно чувствуют хорошо ли у тебя или плохо. Их не обманут слова. Они могут говорить, что угодно, но чувствуют настоящее. Женщины живут чувствами.

– И она поняла, что у тебя хорошо?

– Да! Первые ее слова были о том, как я хорошо выгляжу. И это была не дежурная фраза. Я сразу почувствовала, что она завидует мне. Нам доставляет больше удовольствия неприятности других женщин, потому что мы видим в них соперниц в борьбе за счастье.

– А я сервировал стол в твоё отсутствие. А поскольку я это делал впервые, то, конечно, у меня всё получилось замечательно.

– Посмотрим! Посмотрим!

Вскоре стол был накрыт.

– Знаешь, Наташа, я думал при свечах. Но ты ушла, а я не успел тебя предупредить. И телефона я твоего не знаю.

– Рома! Если ты хочешь водки, то можешь выпить.

– С тобой я хочу только одного!

Наташа поднялась и принесла с кухни бутылку водки и две стопки.

– И ты? – удивился я.

– Ромка! Ну, ты смешной! Может женщина напиться?

– Напиться и отдаться, – уточнил я.

Мы выпили бутылку водки. Хотя было еще и вино, Наташа снова пожелала водки.

– Наташа! А у меня сюрприз для тебя!

Я сбегал в коридор и достал из курточки две маленькие коробочки.

– Вот!

– Что это?

– А ты открой!

Наташа открыла.

– Рома! Это предложение?

– Да! Да! Если ты откажешь, я тут же... Насильно заставлю тебя отдаться мне!

– Для этого тебе не придется применять силу.

– То есть?

– Ты же ничего обо мне не знаешь.

– А что же я должен знать?

– Ну, например, почему я оказалась у тебя?

– Тебя направил Пинкертон.

– Да. Меня направил Пинкертон.

– Ты с ним спала?

– Ну, я знала, что ты обязательно спросишь об этом. К твоему глубочайшему сожалению, я с ним не спала.

– И всё же?

– Несколько лет назад я приехала сюда из районного го-

родка поступать. Мама мне дала адрес тетки. Телефона ее у нас не было. Она сказала, что тетка живет одна и какое-то время я смогу пожить у нее. Вот приезжаю. А у моей тети ха-халь. Она туда-сюда хвостом бьет. И короче отказывает мне в ночлеге. Ее понять можно. Большинство женщин так бы и поступили. Тем более, что видела-то она меня, когда я была совсем малышкой. То есть никакой радости по моему поводу она, естественно, не испытала. И вот выхожу я из подъезда. А уже вечер. Начинает смеркаться. Где же мне провести ночь? Решила отправиться на вокзал. Добралась до железнодорожного вокзала, а там во внутрь пускают только с билетом. И что? Вспомнила про автовокзал. А уже ночь. Автобусы не ходят. Денег у меня с собой не так уже много. А наслушавшись разговоров про цены в гостиницах, я и не думала даже отправляться туда. Возле вокзала частников пруд пруди. Сунулась в «жигуленок», так, думаю, подешевле будет. Только села, тут же дверки открываются и справа и слева два парня. Кричать? Кто тебя услышит? А они: хорошая девочка, красивая девочка... Мацают меня, в лифчик лезут. Ну, думаю, всё! Попала ты, девка! Хоть бы живой оставили. Но они со мной ничего не сделали. Возили-возили по городу, петляли, потом привезли к месту, спускаемся в какое-то полуподвальное помещение. Накурено, мужики, девки у них на коленях, пьют, хохочут. Только тут до меня стало доходить, куда я попала. Документы у меня забрали. Сунули два раза под ребра, несильно, правда, чтобы не дергалась. И обрисо-

вали картинку. Если попробую убежать, сунуться к ментам, где у них всё схвачено, так изрисуют, что мама родная не узнает. Ну, и застращали. Провели меня в комнатку, где я буду принимать клиентов, выдали спецовку, проинструктировали подробно. Еды дали. То сё. Но в первую ночь работать меня не заставили, чтобы адаптировалась, значит. А за стенами такое творится, визг, грохот, крики... Днем заведение не работало. Мне дали поесть и даже выпить немного, чтобы расслабилась, значит. Жду вечера. Уже голоса снизу громче и громче. Плакать тоже нельзя. Товарный вид портится. А за это наказание. Жду! Слышу громкие шаги, маты. Вроде как драка началась. Потом у меня двери настезь. Омоновец или кто там на пороге. Матерясь, хватает меня за шкурку и поволок вниз. А там уже все проститутки в сборе. И мадам, которая визжит и грозит ментам. Пакуют и везут нас в отделение. Ну, там кто да откуда. Дошла очередь до меня. Рассказываю, а по глазам вижу, что мне не верят. Значит, ночь продержат в обезьяннике, выпустят и тут же тебя опять подберут сутенеры и повезут на то же самое место работы. Девки мне уже всё объясняли. А мне еще и перепадет за то, что сказала правду, как я попала в притон. И тут заходит он...

– Толя Пинкертон?

– Да это был он. Так, знаешь, долго, пристально смотрит на меня. Потом просит повторить всё, что я сказала лейтенанту. Повторяю. «Да не верьте ей, товарищ полковник! Сами знаете, что это такое!» Пинкертон приказывает, чтобы

привели мадам.

Я разлил водку, себе чуть-чуть больше. Подвинул поближе тарелку и стал накладывать в нее закуску.

– Давай! За тебя!

Я протянул Наташе стопку, чокнулись. Меня удивило, что Наташа даже не поморщилась, как будто выпила воду.

– Приводят. Пинкертон говорит, чтобы она немедленно вернула мне документы. Та бить хвостом: ничего не знаю и моя хата с краю, никаких документов не видала, она сама пришла, попросилась на работу.

Я снова налил водки.

– Пинкертон так на нее посмотрел. Такого взгляда никогда не забудешь. У меня душа ушла в пятки. А мадам побледнела и что-то залепетала. Он показывает ей пакетик и говорит, что сейчас его ребята отправятся в ее уютное гнездышко и там найдут столько этой дряни и тогда он упакует ее по полной программе. Мадам быстро закивала, говорит, что привезет документы. В общем, через четверть часа мой паспорт был уже у меня. Ну, вот и всё. А несколько дней назад он позвонил и рассказал про тебя.

– И ты решила вернуть должок?

– А знаешь, дорогой, ему отказать нельзя. В нем какая-то внутренняя сила. Хотя мне кажется, что он несчастный человек.

– Ну, на счет несчастного, не знаю... А что касается силы... В школе даже бугаи и отморозки не связывались с ним,

обходили стороной. Хотя сам он никогда не провоцировал драки. Но если кто-то пробовал наехать на него, он становился бешеным, глаза сумасшедшие. Даже со стороны смотреть страшно. А представь себе состояние его партнеров. Они предпочитали убежать.

– Ну, хватит о нем! Давай о нас! Ты опять налил водки? Не будет ли это перебором?

Любовь нечаянно уйдет

Уснули мы под утро. Последнее, что я помню, что Наташа согласилась стать моей женой. Только с одним условием, что мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день. И что мне оставалось делать? Только согласиться с ее предложением.

Проснулся, само собой, поздно.

– А который час? Если это не военная тайна! – прокричал я с дивана, поскольку Наташи рядом не было.

А в ответ тишина.

– Наташа!

И громче:

– Любимая!

Я поднялся. На кухне Наташи не было, так же, как в ванной и в туалете. И одежды ее не было. И сумочки. Ну, что же, ясное дело – отправилась в магазин, уже приступила к исполнению своих супружеских обязанностей. А не опрометчиво ли ты поступил, Рома? Откровенный женофоб, противник всяческих обязанностей. И вот нате – решил взвалить на себя ярмо. Но как только я представил, что Наташи не будет в моей жизни, я согласился на всё, даже на то, чтобы носить всю жизнь железные вериги и бичевать плетью свое похотливое блудное тело. Оказывается, что я могу прожить даже без водки, а вот без Наташи – нет.

Медленно тянулся. Я бессмысленно слонялся по квартире. Наташа всё не приходила. Потом я стал пить водку. Захмелев, прежде чем отправиться на диван, я проверил дверь. Она была открыта. Вдруг Наташа придет, а я не услышу. Утром я проснулся один. Долго лежал. Потом вскочил как ошпаренный.

Бросился к куртке. Карта лежала в бумажнике. Но это еще ничего не значило. Я оделся и вышел. На этот раз закрыл дверь. Банкомат недалеко. И Наташа мимо меня не пройдет. Фу! Все деньги были на месте. И как я только мог подумать об этом? Сволочь! Но почему? Почему ее нет?

Я затарился спиртным и продуктами и вернулся домой. К ночи я снова был в стельку пьян и не помнил, как добрался до дивана. Первой мыслью, как и вчерашним утром, была Наташа. Как ни хотелось мне этого делать, но другого выхода я не видел. Приняв полстакана и прожевав кусок колбасы, я взялся за мобильник.

– Извини, Рома! У меня сейчас совещание. Я тебе сам позвоню. Ладушки?

Ладушки-оладушки! Сам так сам. Только если бы ты знал, дружище, как долго тянется для меня каждый час без нее. И мне показалось, что прошла целая вечность, когда наконец-то затреньдел мой телефон. Я прыгнул на него, как лев на антилопу. Во! Какой удачное и поэтическое сравнение? Умею, когда захочу.

– Опять проблема, Рома?

– А ты догадливый!

– И что на сей раз? Опять какой-нибудь криминал.

– Наташа ушла. Пропала. Вторые сутки ее нет. А я не знаю даже, где ее искать. Не спросил, где она работает, где живет.

– Работает она проституткой, живет в борделе.

– Очень удачная шутка.

– Это не шутка, Рома, а констатация факта.

– Считай, что я тебе вмазал по морде.

– По-джентельменски, конечно. Но как-то драться из-за проститутки!

– Не говори больше этого слова!

– Хорошо! Не буду! Буду ее называть девушкой с пониженной социальной ответственностью. Кстати, это не я придумал, а наш президент.

– Ладно! Скажи мне только одно: где ее найти.

– Не скажу! Искать ее не надо. Повеселился, снял посттюремный синдром и доволен. Если хочешь еще девочку, могу подогнуть. Но другую! А Наташе надо работать. Она и так много потеряла, пока бесплатно тебя обслуживала. Это у тебя достаточно средств, а ей надо зарабатывать на хлеб-шук, на косметику и на дурь тоже.

– Скажи мне адрес. Больше ничего не надо говорить.

– Так, Роман! Ты какой-то непонятливый! Никакого адреса. Влюбился, идиот? Забудь! Развлекись с другой и о ней даже вспоминать не будешь! Всё! разговор закончен! У меня работа! Чао!

Ладно. Пойдем другим путем, может быть, здесь чего-нибудь получится. Я еще выпил, оделся и вышел из дому. Поздоровался с дамами. Но видно, довольно сухо, чем огорчил их, судя по выражению их лиц. В квартале от моего магазина было интернет-кафе. Я, представьте себе, так и не обзавелся этой машиной. И глубоко убежден, что мне она совершенно не нужна. Но вот сейчас понадобилось.

Я забил в поисковике «Наташа Рыбакова». Он мне выдал почти два десятка лиц. Но моей Наташи там не оказалось, что, впрочем, меня не сильно удивило. Потом я отправился на сайт секс-услуг нашего города. Просидел довольно долго. И тоже никакого результата. Заказал кофе у бармена и как бы между делом спросил, не знает ли он какого-нибудь дорогого борделя в городе. Бармен решительно ответил «нет». Я протянул ему купюру. Он мне назвал несколько адресов. Ну, что же! Сегодня, не знаю почему, я чувствовал себя смертельно усталым, чуть ли не больным. По борделям пойдем завтра.

Да! Был денек! Хочется воскликнуть следом за поэтом. Хотя почему следом! Автор этих немеркнущих с веками слов тоже вроде был неплохой ходок. А сколько нового я узнал!

Но Наташи я не нашел. Мне не хотелось верить, что она пребывает в дешевых борделях. А может, Пинкертор и наврал, что она проститутка?

Всю ночь я проходил по ночным клубам. Шум и многолюдье претили мне. Но пришлось смириться. Я даже спраши-

вал у некоторых девиц или парней, не знают ли они Наташу Рыбакову и описывал ее внешность.

Прошла неделя. Никогда еще жизнь мне не казалась такой беспросветной и мучительной. Я желал одного: уснуть и больше никогда не проснуться. А зачем мне нужно это бессмысленное тягостное существование?

Как-то я даже разрыдался. Конечно, это были пьяные слезы, со всхлипываниями, воем. Хорошо еще, что хоть не стал биться головой о стену. Бормотал сквозь слезы что-то вроде того, что я один-одинешенек, никого-то у меня нет и никому я не нужен. Сдохну и никто не узнает, где могилка моя. Подсознательно я понимал, что всё это стыдно, вот эти дурацкие слезы и сетования, и жалость к себе. Буду после этого еще более противен себе. И сцену эту буду вспоминать с содроганием.

Я вздрагивал при каждом стуке. Замирал и вслушивался в тишину. Вдруг это вернулась Наташа. Казалось, что сердце мое разорвется, когда я увижу ее стоящей на пороге. О! сколько раз я представлял себе эту сцену! Наташа не возникала. Она исчезла из моей жизни. Вероятно, навсегда. Чем дальше тянулись дни, тем сильнее я утверждался в этом. Уже не было сил терпеть это. Кажется, я уже был на грани помешательства. Может быть, разжиться пистолетом, прийти в кабинет к Пинкертону, воткнуть ему ствол в лоб и потребовать, чтобы он назвал ее адрес? Я представил эту сцену и развеселился. А как будет веселиться Пинкертон! Он-то

знает, что я никогда не выстрелю. Да и напугать его ничем нельзя. Сколько я его помню, ни разу не видел, чтобы он чего-то боялся. И ничего он мне не скажет. Только будет смеяться и издеваться надо мной.

Не помню, какой это был недели. Я выполз из своей келье, чтобы пополнить питейные и съестные припасы.

– Молодой человек! А здороваться не надо!

Черт! Совершенно забыл про своих бабушек.

– Здрасьте!

– Здрасьте – это лишь бы отделаться. Если вы действительно хотите пожелать здоровья, надо говорить полностью «здравствуйте».

– Здравствуйте! – выдавил я из себя. До чего же мне были сейчас неприятны и не нужны все люди. Чего им от меня надо? Отстаньте от меня! Я хочу быть невидимкой.

– Вроде как одолжение сделал!

Но мне было уже всё равно. Еще никогда я с такой остротой не ощущал бессмысленности своего существования. Ну, вот родился, учился, чего-то хотел. И чем всё закончилось? Полным отвращением к жизни. Да и Наташа! Ну, что Наташа? На миг она вернула мне смысл бытия. Нет, это совсем не плотские утехы. Она дала мне больше. Чувство! Жизнь! А зачем? Чтобы всё это обрушить в мгновение. До нее я безвольно и спокойно тянул свое существование. А теперь мне ничего не было нужно. И этого спокойного, вечно пьяного существования.

Опустив голову, я брел к магазину.

И тут меня словно ударило током. Впереди шла Наташа. Я остановился, потому что сердце так забилося. Сделал несколько глубоких вдохов. Кажется, голова больше не кружится. Я бросился чуть ли не бегом за ней. И когда оставалось несколько шагов, я жалобно простонал: «Наташа! Наташа!» Наташа не обернулась. Я ускорил шаг и схватил его за локоть.

– Наташенька?

– Молодой человек! Что вы себе позволяете?

На меня глядело чужое лицо, некрасивое и незнакомое.

– Извините! Я перепутал! Я принял вас за свою знакомую.

Лицо у девушки было некрасивым.

Бутылка с дозатором

Я отправился в магазин. Видно лицо у меня было настолько непрезентабельным, что знакомая продавщица не решилась заговорить со мной. Я рассчитался, вышел из магазина. Возле урны курил мужичок.

– Слушай, любезный! – обратился я к нему. – Презентуй сигаретку!

Он посмотрел на меня сострадающе. Протянул сигарету и поджег зажигалку. После двух затяжек у меня закружилась голова, ноги стали какие-то ватные. Начала тошнить. Но тошнота прошла. А на ее место явилась страшная слабость. Я опустился возле урны и почему-то заплакал.

Мужичок наклонился.

– Ты чего это?

– Что-то живот прихватило.

– Слышь! Может быть «скорую»!

– Не надо!

Я поднялся.

– Слушай, друг! Пойдем выпьем!

Друг удивился и кивнул.

Я зашел с ним за угол магазина и достал из пакета бутылку водки.

– Блин! – возмутился бомж.

Он был казахом, широкомордным и небритым. От него пахло мочой. Но меня это ничуть не смущало.

Бутылка оказалась с дозатором. Он вцепился коричневыми зубами в дозатор. Выдернул и выплюнул его. После чего стал переливать в себя водку. Покрытый черной щетиной его кадык ходил вверх-вниз. Мне было интересно наблюдать за его движением. Он опорожнил половину бутылки, не поморщившись.

Потом протянул бутылку мне. Я отпил несколько глотков. Достал плавленый сырок и сорвал обертку.

Как становятся бомжами

Я открыл глаза. Что это? Низкий бревенчатый потолок. Всё, что могло болеть во мне, болело. Начиная от макушки головы, раскалывающейся от боли, и заканчивая пятками, по которым, наверно, били бамбуковыми палками. Я попытался повернуть голову. Что-то затрещало в шее. Я застонал от боли.

– Очнулся? – услышал я хриплый голос.

Я открыл глаза. Надо мной наклонилась широкая темная рожа, заросшая густой щетиной. Что-то вроде казаха или метиса. Пахнуло таким амбре, что даже дыхание перехватило.

– А мы думали, что ты уже того... концы отдашь.

Тут же возникла еще одна опухшая темная рожа. Но она явно принадлежала женщине, если это существо еще можно было называть женщиной. Под глазами у нее висели большие синие мешки. Отличный типаж для фильма ужасов.

– Где я?

И сам удивился, насколько слаб был мой голос.

– В Куршевеле.

Парочка хрипло захохотала.

– Олюсик! Дай ему чефирку! – сказал мужик.

Существо в лохмотьях прошаркало к столу и, держа двумя трясущимися руками кружку, протянула ее мне. Я, глянув на металлическую посудину, покрытую изнутри и снару-

жи черным слоем с палец толщиной, отрицательно помотал головой.

– Пей! Это кровь расшевелит! Она у тебя сейчас застывшая. Можешь кранты отдать.

Она приподняла мою голову и поднесла кружку к губам. Я закрыл глаза и сделал вдох. Горячая горечь обожгла мои внутренности. А женщина продолжала поить меня. И действительно, после нескольких глотков головная боль стала отступать. Я огляделся. Это был какой-то подземный блиндаж, сверху перекрытый бревнами, а стены были обшиты нестругоной доской. Я лежал на широкой лавке на каком-то тряпье и был накрыт засаленным байковым одеялом. Такая же лавка была и у противоположной стены. На ней, выходит, спали мои гостеприимные хозяева. Еще стол, старинный с облезшим лаком, на котором громоздилась грязная посуда, какие-то пакеты, ломти хлеба, рыбы кости. Низкая печка-мазанка и небольшое окошко под самым потолком.

– А где же ваш Куршевель находится?

Они назвали мне.

– Это город?

– Да!

Я никогда не слышал такого названия.

– А какая область?

Сказали. Не может быть! Я за тридевять земель от родного города. Уж не на ковре ли самолете я перебрался сюда?

– А как я сюда попал? Не сам же дошел?

– Кого там дошел! – сказал Юрасик. Так звали мужчину. – Думали, сдохнешь.

Это что же получается, братцы-кролики? Сплошные непонятки! Просто какой-то сборник загадок!

И кому же я так сильно понадобился, чтобы транспортировать мое порочное тело в такие дали? А может быть, это какая-нибудь телепортация? Что же было моим последним воспоминанием? Я потерял Наташу, искал ее по борделям, передо мной мелькали зовущие к совокуплению тела. Просил о помощи Пинкертон, даже собирался застрелить его. А потом? Что было потом? Ведь что-то же было потом? Я всю ночь блуждал по ночным клубам и чуть не оглох от этой дебильной музыки. Я даже в деталях вспомнил, в каких ночных клубах я был. Дальше? Дальше провал. Может быть, меня кто-то шарахнул по башке. Но не рассчитал вот, подлец, и я выжил. Башка какая-то подозрительно тяжелая и больная. Я поднял руку и ощупал голову, но ничего подозрительного не обнаружил: никаких шрамов и шишек.

Гостеприимные хозяева сидели за столом, пили из металлических кружек какую-то бурду и ели руками из консервных банок, громко чавкая. Тихо говорили между собой, но их разговор мне был совершенно непонятен, как будто разговаривали какие-то иностранцы. Многие слова, вылетавшие из их уст, я слышал вообще впервые. Но на «блатную музыку» это не было похоже. И ладно! С хозяевами мы разберемся потом! Всему свой черед!

Сейчас надо разобраться с собой.

Что-то пискнуло. Я повернул голову. Увидел крысу с длинным голым хвостом, который неподвижно лежал на полу. Она приподнялась на задних лапках, верхними уперлась в ножку стола и просительно смотрела вверх на хозяев логова. Я же не то, что крыс, даже мышей панически боялся, сколько себя помню. Когда я переехал на бабушкину квартиру, через несколько дней увидел бежавшую вдоль плинтуса мышку. Меня затрясло. Я вскочил на ноги, запрыгал на диване и так заорал, что мышь должна была сдохнуть от разрыва сердца. Вот такой я жестокий мышененавистник! Я купил отраву и растолкал ее везде, по всем комнатам. Мышей я больше не видел, ни живых, ни мертвых.

Странное дело: крыса, которая находилась в полуторах метра от меня, не вызвала не то, что страха, но даже отвращения. Внутри меня ничто не шевельнулось.

– Маргуша! – нежно проворковала Олюсик, обнажив при этом ротовую щель, которую украшали три темно-коричневых кривых зуба, один сверху и два снизу.

Олюсик подхватила кильку и протянула ее крысе. Тахватила кильку, проглотила ее и, пробежав под столом, исчезла в угловой норе. Я смотрел, как медленно втягивается ее хвост в нору. Олюсик поглядела на меня и улыбнулась.

Юрасик проворковал:

– Красавица наша! Умница!

– А красавица и умница нам ночью носы и уши не отгры-

зет? – спросил я. – О чем-то подобном я слышал.

– Нет! Она умная и добрая.

Вот даже как! Ну, на счет ума крыс я не сомневаюсь, а вот об их доброте слышу впервые. Мне они всегда представлялись злобными монстрами. Но, как говорится, в семье...

Да-да! Я вспомнил!

Я повернулся к столу.

– Вы меня нашли на свалке? Ведь так же?

– Да! – кивнул Юрасик.

– Значит, вы брели по свалке и увидели, что лежит какой-то мужик?

– Не совсем так, что бродили и нашли. Приехал хозяин и повел нас. Видим, ты лежишь. Он сказал, чтобы мы тебя забрали к себе и чтобы ты обязательно остался жив. Если сдохнешь, он головы нам оторвет. Ну, и денег еще дал немного.

– Какой хозяин?

– Какой! Какой! Маугли! Вот какой!

– Маугли? Что это еще такое?

– Ну, это у него погоняло такое. Все его так называют. А как зовут по-настоящему, мы не знаем. Мы тоже книжки читаем и знаем, кто такой Маугли. Может быть, его тоже звери вырастили. Здесь же свалка. Ну, не его, конечно. Может, мэра. Может, бандюгана какого-нибудь. А он вроде как управляющий. Решало, то есть.

– Часто вы тут людей находите?

– Бывает. Находим.

– И живых находите?

– Да что ты! Хорошо, если не по частям. Живые тут только мы.

– Зачем Маугли нужно, чтобы я остался живой?

– Откуда мы знаем? Он нам этого не сказал.

– Даже врача сюда прислал,– встряла Олюсик. – А того, когда он сюда спустился, хоть самого в больницу отправляй. Бледный такой стал. А когда Моргушку увидел, то чуть в обморок не упал. Затрясся весь.

– Почему же меня в больницу не забрали?

– Откуда нам знать! – ответил Юрасик. – У нас не принято задавать лишних вопросов. Здесь вам не там. А любопытной Варваре на свалке голову бы оторвали. У нас так!

Они дружно засмеялись, если этот скрип, вырывающийся из их глоток, можно назвать смехом. Я поежился.

– Как тебя зовут-то? – спросил Юрасик.

– Роман. Ромой меня зовут.

– Рома, у которого нет дома.

Они снова засмеялись. Я улыбнулся.

– Может из-за этого? – спросила Олюсик, глядя на сожителя.

Он швырнул пустую банку в угол.

– Из-за этого тоже может быть. Хотя вряд ли из-за этого. Если бы из-за этого, то он бы это забрал,– степенно рассуждал Юрасик. – А он это не забрал. Может быть, он вообще не знал, что у него это есть. Если бы он знал, что у него это

есть, то он бы обязательно это забрал. Скорей всего не знал про это. Откуда у бомжа может быть это. А если у него это есть, то это не бомж. Маугли брезгливый. Он не будет нашего брата обшаривать. И нам не сказал, чтобы мы его обшарили. И зачем обшаривать? У него даже мысли не было, что у него, то есть у тебя, может быть это.

– Этого у нас не бывает, – согласилась Олюсик.

Он что-то выпила из кружки, которую протянул ей Юрасик.

– Погодите! О чем вы? – спросил я.

– А ты разве не знаешь? – спросил Юрасик.

Они переглянулись.

– О чем я должен знать?

– Ну, достань, Олюсик, тогда!

Олюсик поднялась и прошла к полке, на которой были свалены газеты, журналы, книги, какие-то папки. Они гордо именовали эту полку библиотекой. Она сунула руку под пачку журналов, что-то достала и пошла ко мне. Вот это да! Это была моя кредитная карточка. Если бы меня ограбили... Хотя зачем меня было грабить? Налички у меня не было, ювелирки я не имею, часов не ношу. Только одна карточка. Если ты не знаешь кода, то для тебя это просто кусочек пластика, который и даром не нужен. Для меня же это целое состояние, которое позволит мне вернуться к прежней жизни и еще отблагодарить моих гостеприимных хозяев. Фу! Я спасен! Вот мой парус земной, моя надежда! Настроение сразу улучши-

лось. Я попытался подняться, что-то внутри треснуло, дикая боль. Я застонал и упал на спину.

– Лежи! – замахал Юрасик. – Лепила сказал, что ничего страшного, кости целы, органы не задеты. Но надо полежать. И потом, как ты в город пойдешь в этом. Это нас мусора не трогают, а до тебя докопаются.

– А что на мне?

Я сдвинул одеяло. На мне были мои джинсы, но они были порваны в нескольких местах и такие грязные, как в анекдоте. Ребенок выкупался в луже и возвращается домой. Папа: «Попробуем отмыть?» Мама: «А может, проще сделать другого?» Вряд ли это уже отмоешь.

– Если даже и доберешься до банкомата, там уже точно загребут.

Юрасик стал сворачивать козью ножку.

– Пусть он код скажет, я схожу в город, – сказала Олюсик.

Козья ножка упала из пальцев Юрасика. Они захохотали, настолько удачной им показалась шутка. Я снова попробовал улыбнуться. Вы что, ребята, хотите мои денежки прибрать? Совершенно разумная идея.

Юрасик словно читал мои мысли.

– Что, парень? Зассал? Да? Мы тебя за деньги тут выходили. Заберем теперь твои капиталы. Так да? Да не нужны нам твои деньги!

– Если они у него еще есть.

– А они у тебя есть? Деньги-то?

Я кивнул.

– Найдем тебе приличный прикид. У нас с этим проблем нет. Полежи еще несколько дней. А когда встанешь, отмоешься, побреешься, приоденешься и пойдешь в город. Ни одна сука к тебе не привяжется.

Я глядел в потолок. Хоть это и банальная, но всё же истина: водка до добра не доводит. Что-нибудь подобное и должно было случиться со мной. Докатился ты, Рома, до того, что оказался черт знает где, на какой-то помойке в логове у бомжей. Тут напрягай не напрягай свою больную голову, ничего она тебе не подскажет. Водка очень хорошо отбивает память. Хотя... вот этот Маугли. Он что-то определенно знает обо мне. Может быть, даже и то, как я сюда попал. Врача ко мне направил и хочет, чтобы я остался живой. Значит, для чего-то я ему нужен? Кто он такой этот Маугли и как я мог с ним пересечься?

– А кто он такой по жизни Маугли? – спросил я.

– Я же тебе уже говорил, что лучше лишних вопросов не задавать, – сказал Юрасик. – Честно! Мы не знаем, кто он. Скорей всего, бандюган. Нам это без разницы. Ездит на крутой тачке. И пареньки с ним крепкие в темных очках. Под пиджаками, конечно, стволы.

Скорей всего именно так, как сказал Юрасик. Но зачем ему понадобилась моя жизнь. Деньги? Но он не знает о существовании карты. Но кому и зачем понадобилась моя жизнь? От меня же никакого толка. Кому я понадобился на этом бе-

лом свете? Покажите мне этого идиота! Я не нужен НИ-КОМУ! И всё-таки кто-то хочет, чтобы я жил. Кто же этот загадочный человек? Просто мистика какая-то. Может, попытаться всё-таки поговорить с Маугли? Вдруг что-то откроется? Другого выхода у меня нет. Ладно! Юрасик прав: сначала нужно восстановиться. Сейчас я и пары шагов не сделаю.

Утром Юрасик и Олюсик уходят на работу. До обеда они роются в мусоре, который привозят мусоровозы. У них есть своя делянка. Свалка – это настоящее государство, живущее по своим законам, за нарушение которых следует суровое наказание. Каждому отведена делянка, и никто не посмеет залезть на чужую. Такие случаи были, но заканчивались они весьма плачевно для нарушителей. Еду забирают себе, кое-что из вещей и одежды. То, что можно продать, откладывают и сортируют. Потом приезжает барыга, забирает эти вещи, а бомжам выплачивает гонорар, разумеется, небольшой. Хорошо оплачивается цветмет. Если находят что-то особо ценное (оружие, ювелирку, наркотики), то это забирает Маугли. Что-то затырить смертельно опасно.

Я чувствовал себя вполне сносно. После обеда Юрасик и Олюсик вернулись. Юрасик затащил большой черный мешок. В такие мешки собирают мусор.

– Прикид тебе приволокли!

Юрасик стал вытаскивать из мешка одежду.

– Примеряй!

– Нет! – решительно сказал я.

Парочка оставилась на меня.

– Мне нужен стиральный порошок. А лучше хозяйственное мыло. Достанете?

– Значит, брезгливый.

– Предусмотрительный.

– Ну, не надевай, раз ты такой предусмотрительный. Прикинь хотя бы так! Джинсы придется укорачивать в поясе, обрезать брючины. Ну, это мы сварганим!

Футболка и куртка вполне мне подошли. Кроссовки тоже были моего размера. А носки можно использовать и свои.

– Это завтра,– сказала Олюсик. – У нас рабочий день закончился.

На стол выложили продукты. Три бутылки портвейна. В полторашках. Мы сели ужинать. Ужин затянулся до поздна. Мы напились. Помню, что Юрасик и Олюсик настойчиво просили, чтобы я погладил Маргушу, потому что она очень хорошая. И совершенно ручная. И хотя я уже совершенно спокойно относился к этому домашнему животному, но погладить его решительно отказался. Не позволило мое проклятое воспитание.

Из князи в грязи

На следующий день, нагрев воды на уличной буржуйке, я решительно стирал свою новую одежду. Моя гостеприимная парочка сидела возле хижины на ящиках, опохмелялась и высказывалась на счет моих действий. Некоторые их шутки были даже смешны.

Они были глубоко убеждены, что чистота – это залог болезней. А зараза убегает от грязи. Просто гнушается ею.

– Мы самые здоровые люди! – убеждали они меня.

Наконец-то я закончил со стиркой. И помог им опорожнить бутылку портвейна и водки. Причем чувствовал себя великолепно.

К утру моя одежда просохла. Ее надо было прогладить. Был и утюг. Но куда его включать. Юрасик сказал, что тут есть хоромы с генератором. Там можно подключить что угодно. Он может договориться. Но я отказался от нового знакомства. Расстелил свое новое одеяние на лавке, сбрызнул его водой и стал разглаживать при помощи скалки. Вот что значило чтение исторической литературы!

Побрился, подухарился и натянул на себя новую одежду. Как будто заново родился на свет. Олюсик хохотнула:

– Красавчик! Я бы ему дала!

– Убью! – завопил Юрасик, потрясая кулаками.

Я засмеялся вместе с ними.

– Слушай, Юрасик! А когда Маугли приезжает? Он же не каждый день здесь бывает?

– А какой сегодня день?

Мы стали высчитывать, какой сегодня день. В конце концов определились.

Если счастливые часов не наблюдают, то, несомненно, обитатели свалки – самые счастливые люди этого сволочного городка.

Выходило, что Маугли приедет завтра.

– Но нам не повезло, – вздохнул Юрасик. – Для Маугли мы ничего не нашли. А он хорошо платит. Не то что Барыга.

– А хорошо это сколько? – спросил я.

– Ну, смотря что найдешь.

– Неделю можно бухать без просыпа, – встряла Олюсик.

Я прикинул, сколько нужно выпивать двоим целую неделю, чтобы упиваться в хлам, умножил на цену. Да, сумма получалась нехилая для бомжей.

– Юрасик! Мне надо поговорить с Маугли.

– Хм! Знаешь, если неправильно будешь говорить, он может расседиться.

– Ты попросишь его, чтобы он выслушал меня?

– Зря ты это... Его все боятся. И о чем ему с тобой разговаривать?

– А я уверен, что он захочет со мной общаться. Ведь это же он мой протеже.

– Как ты сказал?

– А врач? А лекарства? А благодаря кому я здесь оказался?

– Ну, в общем-то ты разумно сказал. А когда ты пойдешь в город?

– Да прямо сейчас и пойду.

– Снимешь денежки и аля-улю?

– Прежде чем аля-улю, мы устроим прощальную вечеринку. Должен же я отблагодарить своих спасителей. И еще мне обязательно нужно поговорить с Маугли.

– Поговоришь, если он захочет говорить.

– Посмотрим!

– Тебя проводить?

– Да нет! Найду дорогу! Ждите меня на такси с шампанским и цветами для дамы.

– Только про портвейн и про водку не забудь!

– Ага! Я быстро! Уже полетел!

– Только не пей! – наставлял меня Юрасик. – А то загребут мусора и денежки твои тю-тю! Скажут, ничего не брали.

Когда я дошел до окраины города, то изрядно выдохся. Присел, чтобы восстановить дыхание и успокоить сердцебиение. Всё-таки больничный режим сказался. Я прошел пару кварталов и наконец увидел банкомат возле дверей спортивного комплекса. Вот и всё! моя помойная жизнь закончилась. Устрою прощальную вечеринку новоявленным друзьям, побазарю с Маугли. И вперед!

На поезде мне нельзя без паспорта. Ничего! Снимем ма-

шину – и с ветерком! Первым делом в ванну. Нет! Первым делом хорошенько затарюсь и буду долго отпариваться с бокалом чего-нибудь крепкого. Потом напьюсь вдрызг! Красота! Я чуть не замурлыкал как кот. И всё, что со мной было, забудется как страшный сон.

Спортивный комплекс «Локомотив». А вот и родной банкомат, который в мгновение ока решит все мои проблемы. Полная низенькая женщина лет пятидесяти снимала деньги.

Я остановился в нескольких шагах от нее и стал рассматривать прохожих и проезжающие автомобили. Женщина положила деньги в сумочку и отошла. Я вставил карточку. Продолжить! Ага! Нет! Такого быть не может! Это просто аппарат, как говорил Винни-Пух про пчел, неправильный. Я догнал женщину и спросил, где ближайший банк. Всю дорогу я успокаивал себя: произошел какой-то технический сбой. В банке я подошел к девушке-консультанту. На бэйджике «Марина Колоскова». Ну, Мариночка, спасай! На ней была белая сорочка и синий галстучек. Пуговица под галстуком была растегнута и я увидел тонкую белую лямку лифчика. Привлекательная штучка!

– Я вот, девушка, проверить карту! Сам боюсь что-нибудь напутать. Вы уж помогите! Я в этом деле профан.

– Добрый день! Конечно!

Она мило улыбнулась.

– Пройдемте!

Мы подошли к банкомату.

– Вставляйте карточку! Наберите, пожалуйста, код!

Набрал, с надеждой поглядывая на свою спасительницу.

– На вашей карте нет средств.

– Погодите! Здесь что-то не так. На ней есть средства. Давайте попробуем в другом аппарате! У меня всё нормально.

Мы подошли к другому аппарату.

– Вставьте карточку! Наберите, пожалуйста, код.

Набрал.

– Должна вас огорчить. На вашей карте нет средств. Вот видите! Извините!

– Конечно! Спасибо!

Ноги мои подгибались. Я вышел из банка, почти ничего не видя, и прислонился к стене. Что это могло значить? Неужели по пьяни я снял все деньги, кучу денег. И куда же я их дел? Да ни в одном аппарате не держат столько денег сразу. И зачем бы я это делал? Да и вместо налички я предпочитал рассчитываться картой.

Кому-нибудь сказал код? Бред какой-то! Да хоть трижды будь в белой горячке, не будешь этого делать! Но денег-то нет! Ни копейки!

Не помню, как я дошел до свалки, а потом еще добрался до хижины. Я превратился в бесчувственное существо, которое еще способно передвигаться, но уже не способно ничего чувствовать и осмыслять. Не помню, о чем я говорил с Юрасиком и Олюсиком. И говорил ли я вообще с ними. Я свалился на топчан. У меня начался жар. Может быть, я

слишком понадеялся на свои силы, отправившись в город? Сколько я дней пролежал, для меня было покрыто мраком. Да и какая разница, если моя жизнь уже закончилась? Но сознание всё-таки вернулось ко мне. Я открыл глаза и стал вспоминать, что со мной произошло. Мои хозяева сидели за столом, передавая кружку друг другу. На краю лежали таблетки. Значит, Маугли снова был здесь.

– Ты нас напугал, – сказал Юрасик. – Думали, что концы отдашь. Нет! Снова выкарабкался! Вот видишь!

Юрасик ткнул пальцем себе под глаз, под которым чернел синяк.

– Это он меня приголубил. Сказал, что если ты отдашь концы, то мы отправимся по твоим следам. Тяжелый у него кулачок! Опять лепилу привозил. Ты нас больше так не пугай! Мы еще хотим пожить!

– Больше не буду! Тем более, что я теперь здесь уже не гость. Надо бы оформить мне постоянную прописку! Как вы считаете?

– А с деньгами, значит...

– Ага! – кивнул я.

– Много хоть было денежек?

– Прилично. На нас троих бы хватило до конца жизни. Жили бы скромно, но безбедно. Хлебушек с маслом всегда бы был.

– Может, как-то через банк? Через суд?

– Не смешите мои копыта, господа!

– Ты полежи! Не вставай! А вечером устроим праздничный ужин по случаю... Ты же не будешь против, Рома?

– Вы меня за кого принимаете? Разве я уже не доказал преданность граненному стакану? Я от своих достоинств не собираюсь отказываться.

Юрасик и Олюсик заскрипели, быстро двигая губами, то есть засмеялись. Моя шутка им явно пришлась по душе, чему я был искренне рад.

Пили мы до глубокой ночи. Но удивительно: алкоголь не брал меня как обычно, а только в душе разрасталась апатия ко всему, будь что будет. Может, сказалось действие таблеток. Чем там они меня поили, я совершенно не интересовался.

Маугли – хозяин свалки

Утром Юрасик и Олюсик собираются на работу. Я уже не сплю.

– А Маугли будет сегодня?

– Ага! – кивает Юрасик. – Будет!

– Посмотри, какую вещицу мы для него приготовили!

Юрасик направился в угол хижины и стал рыться в хламе.

Ничего себе! АКМ! Потертый, поцарапанный, но настоящий. Юрасик резко передернул затвор и поглядел на меня с победоносным видом.

– Никак служил? – спросил я.

– Было дело на Чукотке. Два года отбарабанил на точке. Генератор обслуживал. Вообще-то я механизатор широкого

профился. СПТУ заканчивал. Даже год поработал в совхозе.

Я стал одеваться.

– Как ты?

– Всё хорошо! Здоров, как бык!

– Прийми для здоровья!

Мне выплеснули в кружку остатки портвейна. Сверху плавал черный шмоток.

Мы побрели на деляну. Граждане бомжи уже копошились на своих участках. Увидев нас, что-нибудь кричали или махали. В конце свалки была высокая насыпная дорога, по которой ездили мусоровозы. Сейчас там стояли два черных джипа и несколько мужчин в черных куртках и джинсах.

– Постой пока! – сказал Юрасик. – Я спрошу для начала.

Он стал карабкаться по высокой насыпи. Сверху с усмешками комментировали его подъем.

Подошел к высокому худому мужчине. Тот молча его выслушал и кивнул. Юрасик скатился вниз и, задыхаясь, прохрипел:

– Иди! Разрешил! Он сегодня добрый какой-то.

Маугли был выше меня на голову. Какое-то время он рассматривал меня с нескрываемым любопытством. Он больше был похож на холеного барина-крепостника, чем на бандита, если бы не наколка внизу шеи.

– Я...

– Да я вижу, что это ты. Говори, чего надо.

– Хотелось бы узнать, как и почему я оказался здесь. Вы

единственный, кто знает об этом. Согласитесь, что я имею основание узнать причины моего появления в этом прекрасном месте?

Маугли усмехнулся, но тут же лицо его стало совершенно равнодушным. Он оглядел меня. Но взгляд его ничего не выражал. Говоря канцелярским языком, был совершенно нечитабельный. Потом поглядел вдаль.

У него были тонкие прямые губы и массивный подбородок. Я не физиогномист, но в этот момент мне показалось, что подобное лицо должно быть у человека властного и жестокого, который всех презирает в этом мире и считает центром вселенной себя любимого. На меня он глядел с нескрываемым презрением. А когда я выбрался на дорогу и направился к нему, от джипа оторвались два бычка и направились в мою сторону. Один из них сделал предостерегающий жесть.

– погоди! Застыл на месте!

Маугли отошел за машину и поднес телефон к уху. Бычки внимательно следили за каждым моим движением. О чем говорил Маугли, я не мог расслышать, только увидел, что два раза он кивнул головой и ниточка его губ преобразилась в нечто похожее на улыбку.

Я услышал, как Маугли громко сказал:

– Хорошо!

Он медленно приблизился ко мне. На нем были туфли из хорошей кожи.

Я вытер рукавом пот со лба и со щек, хотя день был не жаркий, а иной раз порывы ветра обдавали холодом.

– Он сказал, что теперь вы в расчете.

– Кто он?

Маугли отвернулся.

– Тебя здесь никто не тронет пальцем.

– Кто он? – выкрикнул я. – Скажите, пожалуйста!

– Больше не пытайся со мной встретиться. Мне не о чем с тобой говорить.

– Только одно слово! Скажите, кто он!

Маугли глянул на своих парней. Два крепыша подошли ко мне, взяли под руки и подвели к краю дороги. Внизу была свалка.

Я скатился вниз. Юрасик помог мне подняться и отряхнуться.

– Сегодня бухнем хорошо! – сказал он. – И завтра! Завтра выходной устроим! Смотри!

Юрасик помахал перед моим лицом деньгами.

– Если в одном месте не повезет, то в другом тебя непременно ожидает удача! – назидательно изрек он.

Мы засмеялись. Юрасик поглядел на нас с благодарностью.

Вечером были гости. В блиндаже негде было повернуться. Поэтому, если кто-то начинал движение, приходилось шевелиться всему муравейнику.

Помоечное братство принимал меня в свои ряды. Ораторо-

ры произносили тосты, которые тут же обильно запивались.

Дарили подарки. С этим здесь проблем не бывает. Я улыбался и благодарил своих новых товарищей.

Курить мы выходили на улицу, иначе в блиндаже была бы настоящая газовая камера для узников концлагеря.

Когда курили в очередной раз, низенький коренастый мужичок сунул мне руку.

– Жандарм! – представился он.

Я пожал руку. Было такое ощущение, что обхватил кусок холодного железа.

– Это погоняло у меня такое! – осклабился он. – Слежу за порядком, вершу правосудие.

– Что бывают правонарушения? – спросил я.

– Идеальное общество существует только в утопиях оторванных от жизни мечтателей.

– Вы, вероятно, закончили университет с красным дипломом? – спросил я без всякой иронии.

– Это мой университет!

Он махнул в сторону свалки и выпустил густую струю дыма.

– Рома! Главное – не ссы! Везде люди живут. Конечно, здесь есть определенные неудобства. Хотя где их нет? Но плюсы перевешивают минусы. Это уголок настоящей свободы. Здесь ни тебе никакого государства, обязательной трудовой принудилочки, фарисейских норм приличий...

Человек ко всему привыкает

Всё-таки жизнь – удивительная вещь. Еще час-другой назад я был уверен, что для меня всё закончилось. Я более не человек. Мне суждено лежать и пить горькую в своей квартирке, пока не придет за мной старушка с косой. Всё когда-то заканчивается, потому что всё имеет своё начало и свой конец. Закончится бесславно и моя ничтожная никому не нужная жизнь. Но вот появляется Наташа, и я уверен, что всё должно измениться, что моё существование приобретет смысл. Я буду знать, для чего я живу. И что же? Новый поворот, и я уже не существую для новой жизни.

Я живу среди людей, которых и не считают людьми, для общества это отбросы, непригодный ни на что материал, который, если исчезнет, то все только будут довольны.

И еще... Почему влача совершенно бессмысленное существование, я даже не допускал мысли о самоубийстве? Ведь это было бы так естественно. Ан нет! Не то, чтобы меня это уж слишком пугало. Я даже не допускал для себя возможность такого исхода. Что же это? Что удерживало меня от этого вполне соответствующего моему состоянию шага?

Я ничего не ждал от жизни и ни на что не надеялся. Я просто существовал.

Люди и вся их мышинная суетня были мне неприятны и чужды. Я хотел только одного, чтобы меня не трогали. Мо-

жет, я какой-то урод, аномалия? Какой-нибудь ген там у меня не тот, что положен нормальным людям? Время пришло, и вот он в полной мере заявил о себе. Природу не обманешь. Другого объяснения я не находил. Со мной в жизни не случилось ничего такого, что отвратило бы меня от мира, заставило стать отшельником.

Меня мучила жажда. Я открыл глаза и поднял взгляд к единственному окошечку под потолком. Не хватало только решетки. Это уже не был черный прямоугольник. Может быть, Малевич тоже рисовал свой черный квадрат на свалке? Это было нечто темно-серое. Значит, ночь заканчивалась. Было самое раннее утро, долгое и тягучее, когда тела еще продолжают спать, но уже начинают чувствовать скорое и неизбежное пробуждение. Горел тусклый свет от оранжевого фонарика, стоявшего на столе, среди грязной посуды, объедков и пустых бутылок. Юрасик уже сидел за столом, громко чавкая и то и дело прикладываясь к кружке, со свистом что-то вытягивая из нее. Возле его ноги пискнуло.

– Маргусик! Проголодалась! На! Моя милая!

Он что-то протянул крысе.

– Вот тебе рыбка! Кушай рыбку! Ты не любишь рыбку? А рыбка вкусная!

Я механически повторял следом за ним: «Рыбка! Рыбка! Рыбакова! Рыбка! Рыбка! Рыбакова!» Тут меня словно ударило током. Тело мое подбросило. Как же мне это раньше не пришло в голову? Я рассмеялся. Юрасик повернулся и глухо

спросил, что-то пережевывая своим почти беззубым ртом.

– Чего это тебе?

– Попить!

Во рту была Сахара.

– Попить или выпить? Тут еще портвейна осталось. Могу плеснуть на два глотка.

– Воды!

– С водой сложнее. Надо вставать! Осталось в ведерочке? Есть немного!

Он зачерпнул и протянул мне кружку.

– Я, знаешь, тоже пить захотел. Проснулся, а тут портвейн недопитый. Что же, думаю, добру пропадать. Вот и сижу себе. И засиделся. А теперь и ложиться смысла нет. Скоро вставать. Да и спать не хочется.

На меня нисходит озарение

Но я уже не слушал его, а бормотал себе под нос: «Значит, никакой Наташи Рыбаковой не было. Конечно, была Наташа Рыбакова, но это та, далекая, из школьных лет, безумно влюбленная в меня. А эта, которую я полюбил, никакая не Наташа и никакая не Рыбакова. Поэтому я и не мог найти ее. Девушки с таким именем и фамилием нет в борделях и притонах нашего города. Ай да Пинкертон! Ай да сукин сын! Недооценил я тебя! Ты оказался гораздо умнее, чем я думал. Как бы это выразиться правильно? Столько лет ты ждал, планировал, просчитывал свою месть, сдерживал себя! Ты мог в любое время убить меня. Но тебе не нужна была моя смерть. Это так примитивно! Тебе нужно было обречь меня на муки до скончания дней моих, чтобы я годами корчился от боли, как уж под вилами». Я вспомнил, как он смотрел на Наташу, как пытался постоянно попасться ей на глаза и как он преображался, едва увидев ее. Он был безумно в нее влюблен. Но мне же было на других наплевать. Я жил только самим собой. Разве меня волновали их чувства, страсти, мысли? Представляю, как он бесился, ревновал, кусал свои толстые губы, видя, что она предпочла меня, а я манкировал ее чувствами. Хорошо хоть не смеялся над ней. Если бы она только разок взглянула на него тем же взглядом, каким она глядела на меня, он был бы на седьмом небе и ходил бы кон-

туженным от счастья. Всё доставалось мне, а ему ничего. И какую нужно было иметь выдержку, характер, чтобы сохранять дружелюбие, ничем не выдавать себя, яростно ненавидя меня, страстно желая мне всяческих бед! Наташа от безнадежности, от полного равнодушия с моей стороны согласилась стать женой Пинкертон, совершенно не питая никаких к нему чувств. Но и после этого он не мог почувствовать себя ни на миг счастливым. Более того, его рана еще сильнее начала кровоточить. Она продолжала любить меня и думать только обо мне. И даже тупой чурбан почувствовал бы это.

Ему отдавала она лишь тело, а сердце и душа ее были со мной. Он видел, он ощущал это изо дня в день, но ничего не мог сделать. И это еще больше бесило его. Даже рождение ребенка не сблизило их. Они стали еще более чужими людьми. Они стремительно удалялись друг от друга. Теперь по крайней мере она могла переключиться на ребенка, вычеркнув совершенно Пинкертон из своей жизни. Не знаю, что происходило между ними. Он ругался, пытался действовать лаской. Это было бесконечное мучение двух людей, из которого не было выхода.

Вот и всё! через час – другой рассветет. Мои хозяйева... хотя почему хозяйева?... теперь я полноправный член их дружного сплоченного коллектива, такой же хозяин этой свалки... Человек проходит, как хозяин, по просторам... Юрасик дремлет прямо за столом.

Скоро в нашем логове начнется шевеление. Олюсик будет

стонать: «Ой! Тут болит! Ой! Там болит!» Мы будем пить обжигающую черную, как смола, бурду.

С утра здесь жизнь воспринимается здесь жизнь воспринимается как должное за наши прегрешения.

Ведутся вялые разговоры. С утра жизнь без допинга воспринимается как должное наказание за наши прегрешения. Мы разбираем инструмент и отправляемся на свою делянку. По пути нас встречают такие же сумрачные опухшие рожи.

– А у нас случайно ничего не осталось? – спрашивает Олюсик.

– А у нас когда-нибудь что-нибудь остается? – вопросом на вопрос отвечает Юрасик.

Вот и наша деляна. Мы стоим у ее границы. Олюсик приносит ящики из-под тары и мы садимся. Перед началом трудовой смены требуется посидеть. Олюсик и Юрасик не спеша покуривают. Мы наблюдаем за тем, как один за другим подъезжают мусоровозы и выгружаются.

– Это Костян, – говорит Юрасик, когда подъезжает очередной мусоровоз. – Одно дерьмо привозит. Даже смотреть не стоит. От босяцкого квартала возит. Если повезет, то найдемдохлого младенца.

Юрасик презрительно плюет.

Я даже не поморщился от его слов. Велика важность!

– И машинешку ему поэтому самую срамную выделили. Убитая в прах!

Это уже Олюсик.

– Молодой еще. На дешевенькую иномарку только и зарабатывает, если не сбежит в другое место.

– Во! Серега едет! – радостно воскликнул Юрасик. – Это к нам!

– А кто-нибудь отсюда вернулся назад? – спрашиваю я. Юрасик насторожился.

– Куда это назад?

– В прежнюю нормальную жизнь. Были такие?

– Мы, по-твоему, ненормальные? – обиженно произносит Олюсик и плюет себе под ноги.

– Нет! Я неправильно выразился, – произношу я с виноватым видом и тяжело вздыхаю.

– Отсюда только один выход – туда! – Юрасик указательным пальцем, который у него не разгибается, показывает вниз. Я гляжу ему под ноги. – Все будет там, Рома дорогой! Отсюда обратной дороги нет. Был тут у нас один говноед. Нашел бумажник и решил начать всё заново. Пробухал в городе чуть ли не неделю, а потом ползком сюда явился. Тут, Рома, предпоследняя обитель настоящего человека. Так сказать, чистилище перед переходом...

– Ты случайно Данте не читал? – спрашиваю я.

– Не знаю. Я много чего читал. Может быть, и твоего Данте читал. Сейчас вот этот разгрузится и пойдём. Еще вчерашнюю кучу надо разобрать.

Олюсик снова закуривает.

– Ты меня, работушка, не бойся! Я тебя не трону! – заты-

гивает Юрасик.

Он замолчал. Мы наблюдаем за выгрузкой мусоровозов. К нам подходят другие бродяги. Обмениваются однословными фразами.

– Ну, как оно?

– Хреново оно! Как еще может быть по утрам.

– Вчера зато было очень хорошо. Нажрались вдрызг.

Мы поднимаемся, берем инструмент. Небо ясно-голубое, лишь несколько белых клочков облак. Жизнь продолжается, господа присяжные заседатели! И никуда... никуда нам не деться от этого!